

ПИОНЕР 1

1982



Будущее Страны Советов станет таким, каким его сделают сегодняшние октябрята, пионеры и комсомольцы. И партия твердо уверена, что это будущее будет прекрасным, что наши дети и внуки с честью будут нести вперед великое знамя Октябрьской революции!

Л. И. БРЕЖНЕВ

ЮНЫЙ ДРУГ, ЧИТАТЕЛЬ «ПИОНЕРА»!

Новая книга Леонида Ильича Брежнева «Воспоминания» — замечательный подарок и взрослым и юным читателям. Это воспоминания о своем нелегком детстве, о родителях и наставниках, о рабочем поселке, в котором вырос Леонид Ильич, о начале его трудового пути. Вместе с тем это глубокое размышление о высоком предназначении человека быть верным и полезным сыном Родины, о нравственных основах, которые закладываются в семье, о лучших чертах рабочего класса.

Эту книгу вместе с родителями, вожатым ты прочтешь с интересом и волнением теперь, когда носишь пионерский галстук. К ней ты не раз будешь возвращаться в твоей жизни. И тогда, когда будешь выбирать свое рабочее место, и когда на твоем пути возникнут препятствия, и когда будешь оценивать людей по их делам и поступкам.

Читая эту книгу, ты познаешь чувство нежности и гордой любви, с которыми Леонид Ильич отзывается о своих родителях. Отец Илья Яковлевич представлялся Леониду Ильичу в детстве сказочным силачом, великаном. «От него я воспринял... упорство, терпение, привычку, взявшись за дело, непременно доводить его до конца». От матери Натальи Денисовны «мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение встречать трудности улыбкой, шуткой».

И тебе, наверное, захочется, чтобы и твоя мама повторяла за столом веселое присловье Натальи Денисовны: «Ну, ребятки, поели, а теперь каждую крошку — в ладошку». Это было «священное отношение к хлебу»,— замечает Леонид Ильич.

Всю жизнь мать «работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и, помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидный, конца не знающий и благородный женский, материнский труд». «Не зря говорится в народе — Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном».

С чувством глубокой признательности говорит Леонид Ильич о своем любимом учителе истории Ковалевиче: «Он учил нас думать, понимать закономерности развития общества». Позже выяснилось, что Ковалевич был большевиком-подпольщиком, его расстреляли деникинцы. Он славит революционеров, людей труда. «Политическое воспитание мы в те годы проходили весьма наглядно, мужали, как говорится, не по дням, а по часам»,— отмечает Леонид Ильич.

«Молодым кажется порой, что все главное осталось позади...» — пишет далее Леонид Ильич и предупреждает молодое поколение, «что и на их долю выпадают немалые испытания и величественные дела».

Воспоминания Л. И. Брежнева — мудрый урок для тех, кто подрастает на смену старшим, кто делает свой первый трудовой шаг.

З. И. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола



В. ЯКОВЛЕВ

СЕМЬЕЙ ЕДИНОЙ



С календарей слетали последние листки. Всего лишь немногим более суток оставалось до исхода 1922 года.

Пройдут десятилетия, а 30 декабря 1922 года останется в памяти людей, станет важной вехой в истории человечества. Его не забудут современники. К нему будут обращаться мыслями и взорами далекие потомки — внуки и правнуки.

В этот день в зале Большого театра звучала разноязыкая речь — шел I Всесоюзный съезд Советов. Решали свою судьбу представители народов бывшей Российской империи. Делегаты съезда думали, чувствовали одно: только в братском единении, только в тесном союзе равноправных народов можно проложить дорогу к новой жизни.

Мечты о национальном братстве вдохновляли лучших людей разных народов и разных эпох. Гениальный поэт России А. С. Пушкин писал:

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Верой в единение народов, сбросивших оковы самодержавия, пронизано и «Завещание» певца Украины Т. Г. Шевченко:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Тихим, добрым словом.

Для нас с вами «семья великая, вольная, новая» не мечта, а действительность. Мы живем в большом, многонациональном доме, и для нас дружить, работать, учиться вместе с людьми разных национальностей так же естественно, как дышать воздухом. Дружба и братство народов — чудесное наследство, переданное нам старшими поколениями. Оно завоевано в нелегкой и долгой борьбе.

Один мальчик как-то спросил: «Инородцы — это кто? Так, наверное, в старину называли иностранцев?»

Нет, не иностранцев, а своих подданных только за то, что у них иной разрез глаз, смуглее кожа, другие обычаи. Правители Российской империи высокомерно называли «инородцами» всех нерусских.

Ленин, партия большевиков вели рабочих на борьбу против этого угнетения, против вражды разных народов.

Двуглавые орлы изжившей себя империи сгорели в огне Октября. Октябрь очистил души народов от унижения. Новая Россия сказала: землю — крестьянам, заводы и фабрики — рабочим, равноправие — всем народам.

Тысяча девятьсот двадцать второй год — год рождения нашего Союза. Этот год еще несет на себе следы войны и разрухи. Этот год еще помнит страшную засуху в Поволжье. Тянется с плаката костлявая рука умирающего с голоду человека: «Помоги!» Ютятся на чердаках, в подвалах тысячи оборванных, беспризорных детей.

Как измерить расстояние от наших дней до этого бесконечно памятного нам года? Можно — тысячами километров стальных путей или миллионами тонн выплавленной стали. Можно — огнями новых городов или трассами космических кораблей. А можно — и это будет самая верная мерка — рождением нового человека, свободного от былых предрассудков.

Крепли границы нашего государства и рушились границы, разделявшие наши народы. Они рушились и уступали место дружбе и братству.

Тогда, в двадцать втором, центр страны и ее окраины отличались разительно уровнями экономики и культуры — XX век, а рядом средневековье! Год от года, от пятилетки к пятилетке стиралось, становилось все меньше и меньше это порожденное вековой отсталостью различие.

Вспомним Турксиб, Туркестано-Сибирскую железнодорожную магистраль. Вслед за ней пришла в республики Средней Азии индустрия. Поднялись заводы и фабрики.

Братская помощь русского народа помогала узбекам и киргизам, таджикам и туркменам, казахам и азербайджанцам, башкирам и дагестанцам, всем бывшим инородцам почувствовать себя полноправными гражданами, приобщиться к науке и технике.

Вспомним судьбу московского комсомольца Сергея Чекмарева. Он был поэтом, на вечерах в Политехническом с волнением слушал выступления Маяковского. Тетрадь со стихами всегда лежала рядом с конспектами лекций. Сергей любил Москву. В башкирском селе, куда уехал работать молодой зоотехник, он вспоминал свою Тимирязевку, весеннюю Лиственничную аллею. Конечно, ему было нелегко, и он тосковал по Москве, где остались поэтические вечера, девушка Тоня, друзья, родные.

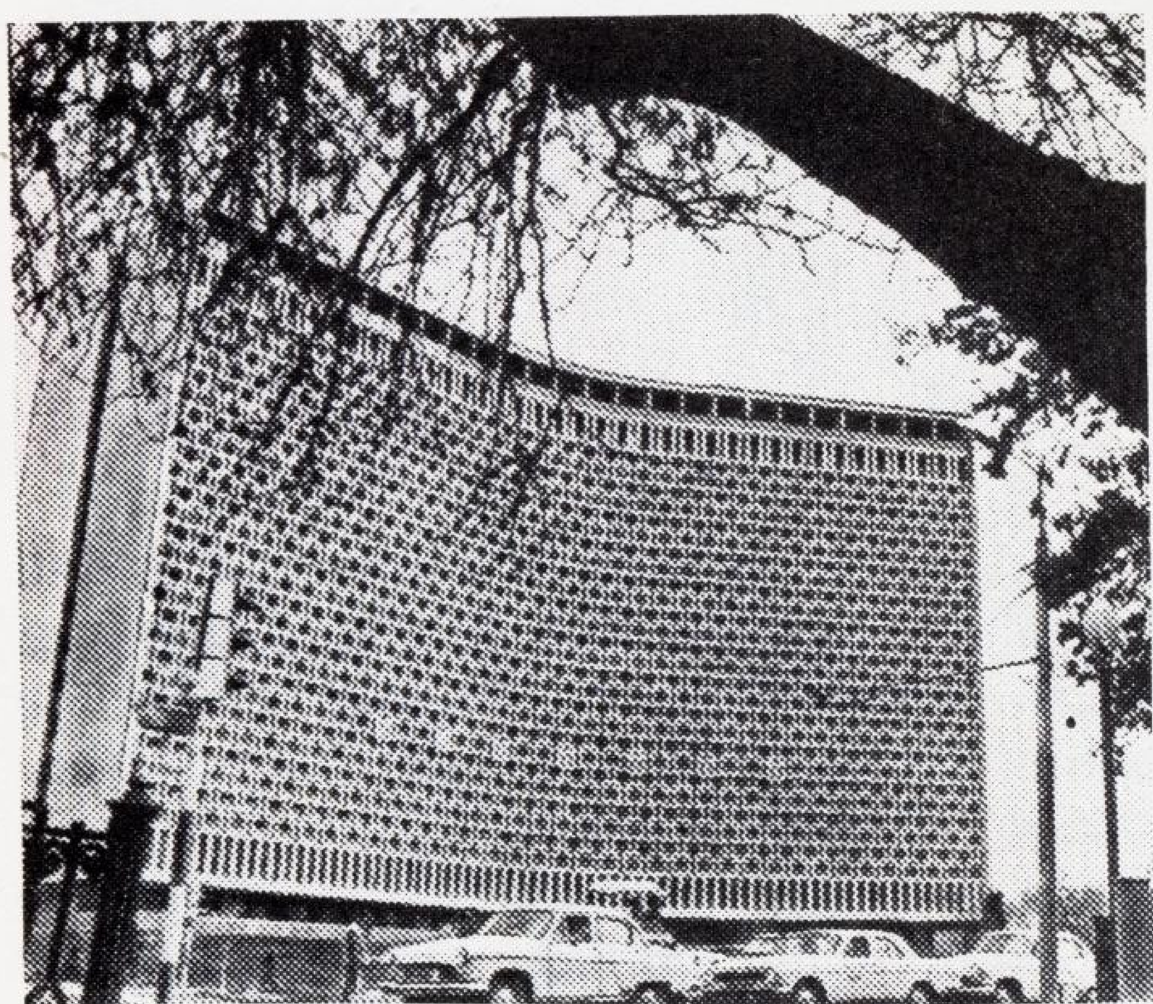
Но он понимал, всем сердцем чувствовал, что нужнее здесь, в башкирском совхозе.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно,—
Это я без нее не могу.

Сергей Чекмарев погиб от руки классового врага в начале тридцатых. Спустя почти два десятилетия вышли в свет его стихи, короткие дневниковые

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ЯНВАРЬ 1
Москва 1982 г.
Издательство «Правда»



Квартал нового Ташкента.

КамАЗ строили всенародно.



записи. И со страниц этой книги снова пришел к нам человек большой душевной чистоты и силы, один из тех, кто своим трудом, знанием и всей своей жизнью создавал и крепил братство народов.

Началась война. Это было самым серьезным испытанием на прочность нашего многонационального Союза, дружбы народов.

Двадцать восемь панфиловцев... Они были разных национальностей, приехали под Москву из разных краев. Но перед лицом смертельной опасности у них не было различий. Ценой своей жизни они преградили путь фашистским танкам. Они защищали свою единую, общую Родину — Советский Союз, они защищали свою общую столицу — Москву.

А разве можно забыть, как встречали в Узбекистане эшелоны с эвакуированными детьми? Как эти дети нашли в далекой среднеазиатской республике тех, кто заменил им отцов и матерей, погибших в бою и под развалинами разбомбленных домов? Пройдут годы, и в беде окажется Ташкент: сотни тысяч людей после разрушительного землетрясения останутся без крова. И тогда вся страна, все народы придут на помощь Ташкенту. Строители из Москвы и Ленинграда, Киева и Еревана приедут на место бедствия, чтобы вернуть людям их город. А те, кто не приедет, будут работать сверхурочно в фонд помощи Ташкенту. В банке появится счет № 170064. На этот счет станут поступать деньги для восстановления столицы Узбекистана, для помощи пострадавшим.

Не было в нашей стране равнодушных к беде узбекского народа. И Ташкент ожил, поднялся из пепла и руин. Стал еще лучше и прекраснее. Он стоит как вечно живой памятник великой дружбе народов.

...Далекий 1922-й. Памятная и дорогая дата. Молодая Страна Советов вступала в новый день, в новый год, в десятилетия и века, гордо неся на знаменах свое новое имя — Союз Советских Социалистических Республик.

Халмурат САПАРОВ,
лауреат Государственной премии Узбекской ССР

МАВЗОЛЕЙ

Он казался раньше мне —
Огромным,
Но когда увидел
В первый раз —
Показался небольшим
И скромным
Мавзолей
В тот предзакатный час.

Купола над площадью горели,
Башни поднимались высоки...
И чем ближе, ближе —
Тяжелели
Наши приглушенные шаги.

И чем ниже
Головы склонялись —
Ввысь, до небывалой высоты,
Стены Мавзолея
Поднимались,
Как крутые горные хребты!



Я — юный пионер, моя Родина — СССР

В нашем календаре есть даты, которые навечно вписаны в героическую летопись Страны Советов. 30 декабря — день особый, день исторический. Почти 60 лет назад, в далеком и холодном 1922 году, когда родились первые пионерские отряды, в Москве собрался I Всесоюзный съезд Советов, 2215 делегатов — рабочих, крестьян, солдат, только что вернувшихся с фронтов гражданской войны,— утвердили историческую Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Так возник союз нерушимый республик свободных. Все народы нашей Родины — это единая, дружная семья. А в дружной и сплоченной семье каждый помогает друг другу.

Когда в годы первых пятилеток строился Днепрогэс, Горьковский автозавод, Магнитка, Турксиб, московское метро, на стройках рука об руку трудились русские, украинцы, узбеки, таджики, казахи, белорусы — представители всех союзных республик.

Когда грянула Великая Отечественная, под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и под Новороссийском, на Висле и Одере героические подвиги совершали сыны и дочери всех народов, объединенных в единый Союз. Высокое звание Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда присвоено представителям всех национальностей нашей Отчизны.

Вспомните легендарную эпопею целины. На казахстанской земле звучала русская, грузинская, белорусская, латышская, армянская речь... Освоение целины — это подвиг народов страны Октября.

Эти традиции дружбы, взаимопомощи продолжаются и в наши дни.

На магистрали века — БАМе трудятся строительные отряды всех союзных республик. Байкало-Амурская магистраль — интернациональная стройка. В Уренгое — сердце нефтяного и газового тюменского края — работают парни и девчата с комсомольскими путевками, полученными в разных уголках страны. Интернациональные бригады работают на «Атоммаше» и на Камском автозаводе, на шахтах Донбасса и Череповецком металлургическом заводе. И это понятно: все мы вместе — единый советский народ.

Когда от землетрясения был разрушен Ташкент, когда стихийное бедствие пришло в Дагестан, когда вспыхнул пожар в Газли, на помощь пришли братские народы и отвели беду, помогли построить новые дома, школы, Дворцы пионеров.

Каждый день нашей жизни — пример того, как каждая республика укрепляет дружбу со всеми братскими республиками. Дружат строители, ученые, хлеборобы. Дружат нефтяники, металлурги, учителя. Крепко дружат космонавты — представители многих национальностей нашей многонациональной Родины. Дружат и пионеры братских республик. Полистай летопись пионерской организации, и ты найдешь немало интересных и ярких фактов такой дружбы.

Библиотека-музей А. П Гайдара в городе Каневе на Украине построена на средства юных ленинцев всех 15 союзных республик. Несколько лет пионерские дружины проводили операцию «Чукотка» и заработали более трех миллионов рублей. Сейчас в заснеженном Анадыре горят огни Дворца пионеров. Этот Дворец пионерской мечты — символ дружбы ребят нашей Родины.

Фестивали дружбы, встречи на границах союзных республик, всесоюзные акции «Зернышко», «Миллион — Родине», «Живи, книга» и многое другое объединяют пионеров в единую и боевую Всесоюзную Дружину, в которой сегодня 20 миллионов мальчишек и девчонок в красных галстуках, и все вместе мы готовимся встретить 60-летие пионерии страны Октября.

Журнал «Пионер» предлагает тебе и твоему отряду участвовать в викторине «Я — юный пионер, моя Родина — СССР», посвященной 60-летию нашего Союза и пионерскому юбилею.

Десять абсолютных победителей викторины будут награждены бесплатными путевками в «Артек» и «Орленок». Лучшие коллективные работы — грамотами ЦС ВПО имени В. И. Ленина. Сто наиболее интересных работ — грамотами журнала «Пионер» и памятными сувенирами. Тот, кто лучше всех выполнит домашнее задание, будет гостем редколлегии «Пионера», побывает в Москве, познакомится с ее достопримечательностями. Последний срок присылки работ — 10 апреля 1982 года. На конверте или бандероли не забудьте написать девиз викторины: «Я — юный пионер, моя Родина — СССР», а также точный почтовый адрес, фамилию, имя, отчество и класс, в котором вы учитесь.

Жюри желает успеха всем участникам викторины!



ВИКТОРИНА

1 В грозном 1918 году в кабинет В. И. Ленина в Кремле, где в это время находились Я. М. Свердлов и Ф. Э. Дзержинский, принесли рисунок первого советского герба, который был затем с одной поправкой утвержден как Государственный герб РСФСР.

Какую поправку в рисунок герба внес В. И. Ленин и почему? Когда был утвержден герб СССР? Что означают символы герба союзной республики, в которой ты живешь?



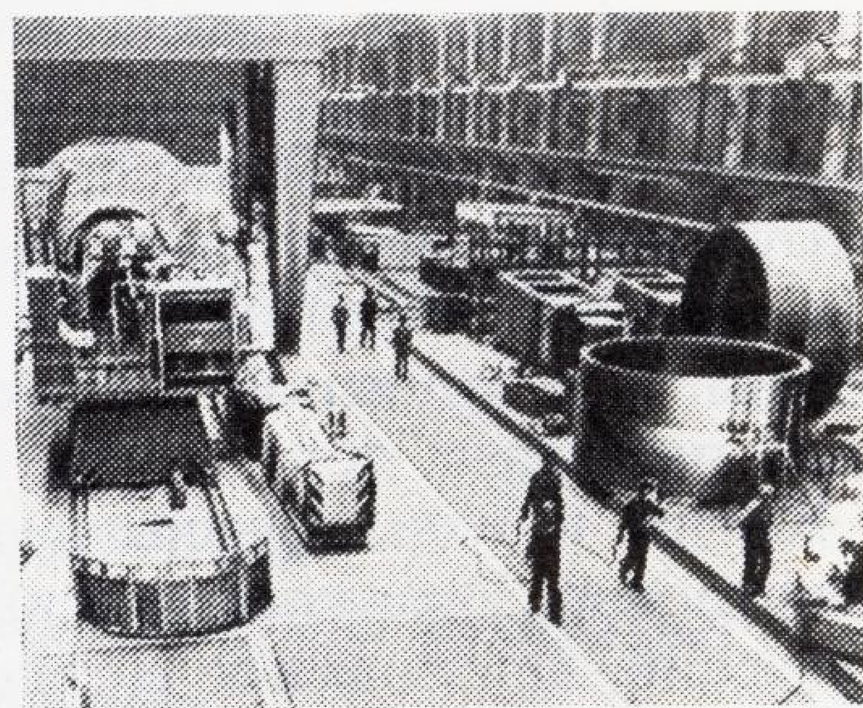
2 Каждый, кто приезжает в столицу нашей Родины, город-герой Москву, обязательно приходит в Кремль, чтобы посмотреть его достопримечательности, увидеть яркий свет кремлевских рубиновых звезд. Свет этих рубиновых звезд виден во всем мире.

Когда впервые на башнях Московского Кремля появились красные пятиконечные звезды, сколько их и когда впервые они вспыхнули, чтобы освещать народам путь к новой жизни?



3 Наша страна — пионер космоса, первая в мире применила атомную энергию в мирных целях. Сейчас в нашей стране строятся новые атомные электростанции, мы помогаем воздвигать АЭС в братских странах социализма.

Где расположен и как называется завод, на котором изготовляется оборудование для атомной промышленности? Чем в истории нашей Отчизны прославлены места, где полным ходом идет сооружение завода, принципиально отличного от других машиностроительных заводов?



4 Какую строящуюся железнодорожную магистраль называют «магистралью века»? Нарисуй схему этой железной дороги. Какие ее участки уже открыты? Как твоя дружина участвовала в пионерских операциях, связанных со строительством «магистрали века»?



5 В Музее Революции в Москве хранится много уникальных экспонатов — боевое оружие красногвардейцев, газеты, плакаты, листовки первых дней Октября. Среди них недавно появился необычный экспонат — одна из первых целинных палаток.

Кому из прославленных хлеборобов целины, первопроходцев целинной эпопеи принадлежит эта палатка? Что ты знаешь об этом замечательном человеке?



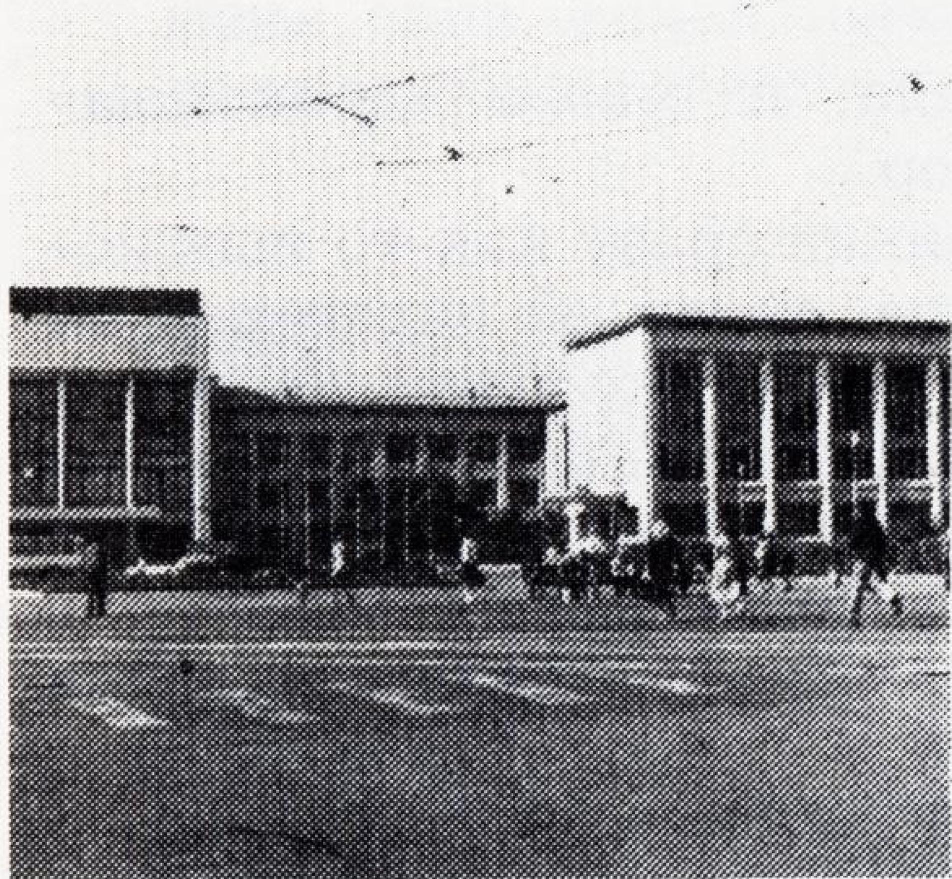
6 Первый орден за труд в нашей стране — это орден Трудового Красного Знамени.

Какие еще ордена и медали за доблестный труд ты знаешь? Если твои родители или знакомые награждены правительственными наградами за доблестный труд, расскажи, за что они были награждены.



7 Майским утром 1932 года в тайгу, на знаменитую реку прибыл по комсомольским путевкам первый отряд молодежи.

Что они строили в тайге? Как называется этот город? Какой наш известный летчик, Герой Советского Союза, прототип героя одной из любимых книг молодежи, был в те годы в рядах строителей? Назови несколько Всесоюзных ударных комсомольских строек.



8 Самому прекрасному на нашей советской земле мы присваиваем дорогое для нас имя вождя революции—имя В. И. Ленина. Какие крупнейшие гиганты нашей индустрии носят имя Ильича? Назови несколько из них. Если ты живешь на улице, проспекте или площади В. И. Ленина, расскажи нам о своей родной улице, проспекте, площади. (Жюри особо отметит лучшие работы.)



9 На рисунках ты видишь пионерские значки, посвященные Всесоюзным слетам пионеров.

На каком слете и где двадцати четырем лучшим пионерам страны были вручены правительственные награды и за что?







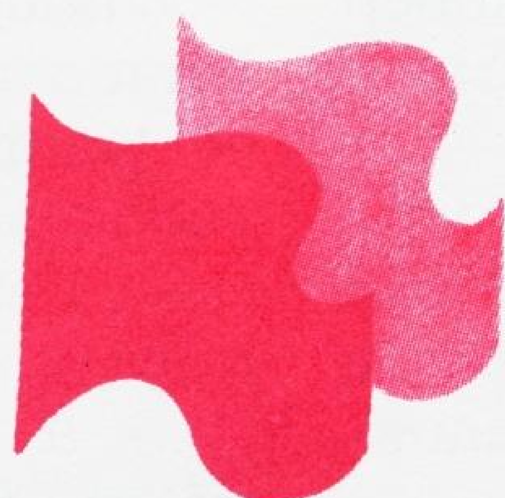
10 Назови главные объекты Пятилетки ударных пионерских дел. Как твоя дружина участвует в «Пионерстрое»?





11 На марке ты видишь двух пионеров—Героев Советского Союза. Назови имена других пионеров—Героев Советского Союза. Кто из вожатых был удостоен такого же высокого звания? Кому из них в городе Острове на пионерские средства воздвигнут памятник?





12 **Творческое домашнее задание:**

Мы не знаем, где ты живешь—в небольшой деревеньке на Оке или в столичном городе, в далеком ауле или в рыбацком поселке. Но мы твердо знаем, что ты любишь свой родной край, где ты родился, растешь и учишься. Напиши нам о своем родном крае, о его неповторимой красоте, о самом интересном в его истории и сегодняшней жизни. За что ты любишь его, кем мечтаешь стать?





ВИКТОРИНА

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Журавлёнок и молнии

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Рисунки В. ДУДКИНА.

ВСТУПЛЕНИЕ

Журавленок

Накануне было пасмурно и зябко. Но вечером прорезался под тучами ясный закат и потеплело. Утро наступило сверкающее. Глянешь на улицу, и сразу понятно: день будет солнечный и жаркий.

Вера Вячеславовна распахнула все окна и пошла выгонять из кровати засоню Иринку. Но Иринка, оказывается, не спала. Она стояла босиком перед зеркалом и задумчиво показывала себе язык. Увидев маму в зеркале, Иринка повернулась на пятке и сказала:

— Помню, помню, помню: «Сегодня суббота, большой аврал, никаких отлыниваний, никаких срочных дел...» Только не корми меня с утра яичницей, я от нее теряю работоспособность.

Вера Вячеславовна засмеялась. Она заметила, что нельзя потерять, чего нет, и отправила Иринку умываться.

В квартире было просторно и тихо.

— А где папа?

— Раным-рано ушел в мастерскую, у него сегодня худсовет... Поджарить колбасу с горошком?

После завтрака Иринка лихо двигала стулья, хлопала во дворе половики, протирала подоконники и карнизы. В своем черном купальнике она носилась из комнаты в комнату и была похожа на ласточку. Это удивляло Веру Вячеславовну. Не то, что дочь похожа на ласточку а то, что в ней прорезалось с утра такое трудолюбие.

Впрочем, Иринка успевала и дурачиться. Обмотала себя шлангом гудящего пылесоса и закричала:

— Мама! Смотри, я воюю с кровожадным драконом! Он обвил меня своей длинной шеей!

— Перестань терзать пылесос! Чисти ковер или увидишь настоящего дракона. Я сама в него превращусь.

— Нет,— возразила Иринка.— Ни в кого ты не превратишься, ты меня любишь. В крайнем случае скажешь: «Человеку, перешедшему в пятый класс, пора избавляться от детсадовских привычек...»

— Я вот тебя веником...

Иринка захохотала, и они с «драконом» накинулись на ковер...

Но к полудню Иринка сразу как-то выключилась. То ли устала, то ли ей надоело. Она притихла, ушла в свою комнату и вдруг появилась в новых белых сандалетках и белом платьице с синими горошинами — самом нарядном и любимом. Чинно села у стола.

— Ты уже собралась?— удивилась Вера Вячеславовна.

— Куда?— насторожилась Иринка.

— Что значит «куда?» Мы же договорились вчера, что ты отнесешь Юлии Яковлевне книгу и возьмешь у нее мой зонт. Она ждет тебя ровно в час...

— Ой-й... Я совсем забыла. Может, потом?

— Потом она едет на дачу, ты же знаешь. И... в чем дело? Если ты собралась не к ней, то куда, скажи на милость?

— Да совершенно никуда...

— А к чему такой наряд?

— Разве нельзя одеться по-человечески?

— Гм... А все-таки?

Иринка уставилась на часы и небрежно сказала:

— Так... Мальчик один придет.

— Да? Любопытно,— произнесла Вера Вячеславовна и стала перебирать в серванте бокалы, стараясь показать, что не так уж ей любопытно. Потом все-таки спросила: — А что за мальчик? Из вашего класса?

Она тут же подумала, что вопрос этот смешной. Стала бы Иринка наряжаться ради одноклассников!

— Не из нашего...— откликнулась дочь. Помедлила и объяснила:— Мы вчера познакомились. В парке...

«Любопытно»,— чуть снова не сказала Вера Вячеславовна, однако поняла, что это выдаст ее растерянность. И спросила скучноватым голосом:

— Разве ты была вчера в парке? В такую-то погоду...

— А что погода? Прохладно, вот и все, а дождя не было... Я хотела в тире пострелять, а тир закрыт был, я тогда пошла на аттракци-

оны. Там такую новую штуку устроили: старинные автомобильчики по ухабам носятся... Так здорово!

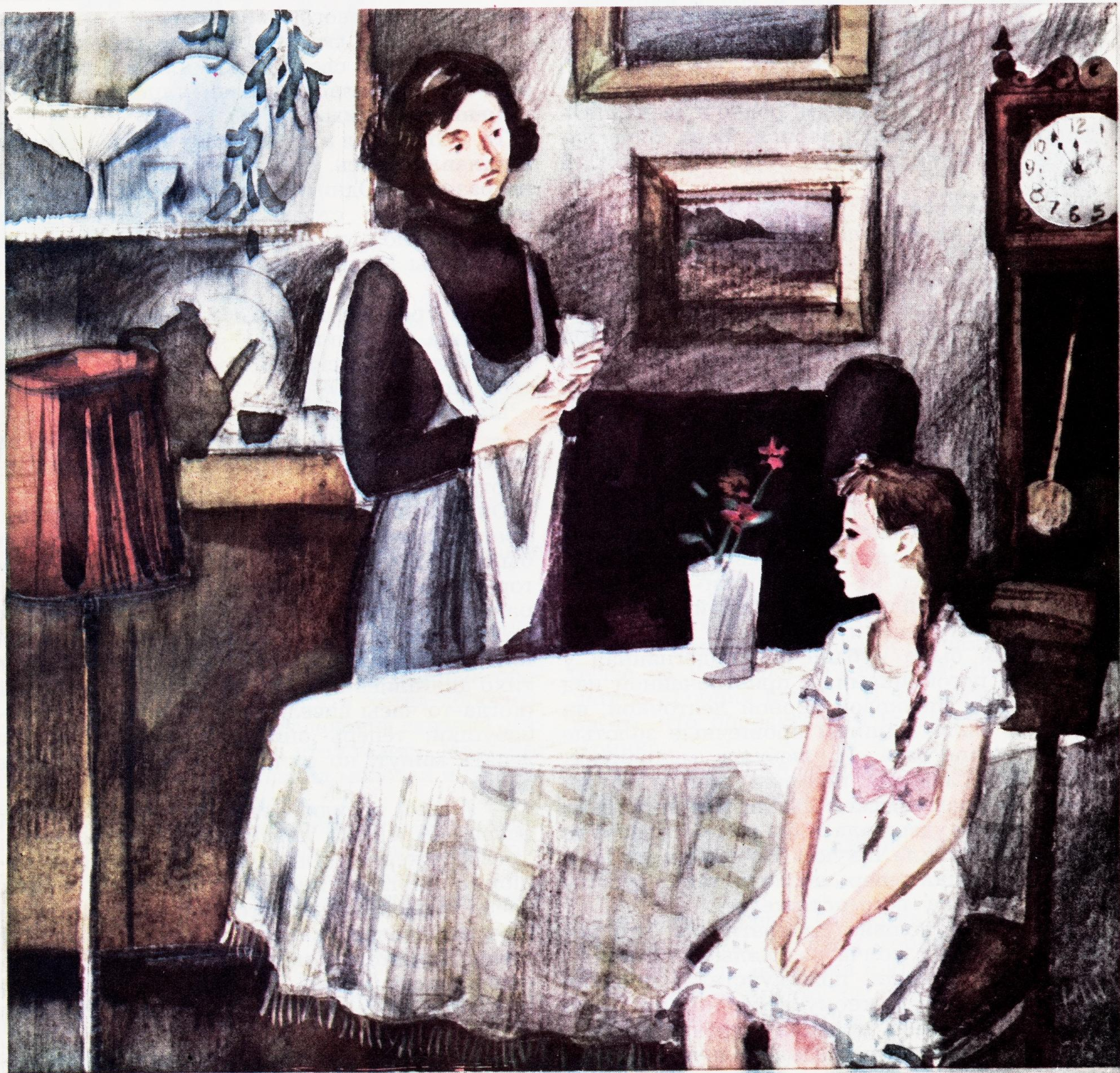
— Не сомневаюсь,— откликнулась Вера Вячеславовна, у которой всегда бешено кружилась голова от одного вида каруселей и качелей.— А при чем здесь мальчик?

— Как при чем? В автомобильчик надо по двое садиться, все парами идут, а я одна. И он один... Тетка там, такая сердитая, покрикивает: «Ну, скоро вы? Занимайте места!» Он на меня посмотрел и говорит: «Пошли?» Я говорю: «Пошли». Ну и поехали... А это долгое катанье. Минут пять мотает вверх и вниз. Мы сидим и молчим. Потом он спрашивает: «Хочешь резинку? Мятную...» Я говорю: «Да нет, меня же не укачивает». А он: «Ну и что? Это не против укачивания, а просто так. Только у меня одна, давай пополам». Вытащил и порвал пополам вместе с фантиком. Ну, неудобно же отказываться... Сидим, жуем. Не молчать же все время, я и спросила: «Ты из какой школы?» Он говорит: «Ни из какой еще, мы недавно приехали. А ты из какой?» Я сказала, что из четвертой. Он спросил: «Тебя как зовут?» Я говорю: «Ира. А тебя?» «Юра...» Вот и все...

— Ну, наверно, не все,— осторожно заметила Вера Вячеславовна.— Был, наверно, еще разговор какой-то... Ты же пригласила его в гости.

— А, ну, конечно! Мы потом еще по парку ходили, я ему все показывала, и мы про марки разговаривали. У него, оказывается, куча марок со зверями и рыбами. Вот мы и договорились, что он сегодня принесет и покажет... В двенадцать часов.

Иринка притихла, ушла в свою комнату и чинно села у стола.
— Ты уже собралась?— удивилась Вера Вячеславовна.



— И про Юлию Яковлевну ты, конечно, не вспомнила...

— Мам, ну, к ней же целый час ехать! А он придет...

— Кто же виноват?— строго спросила Вера Вячеславовна, и, конечно, строгости у нее хватило лишь на этот вопрос.— Ну, ладно, придет — подождет. Что особенного?

— А если не дождется?— жалобно спросила Иринка.

Вера Вячеславовна засмеялась:

— Я обещаю тебе, что живым его не выпущу. А ты поторопись.

Вера Вячеславовна заметила, что нетерпеливо поглядывает на часы. Рассказ Иринки о новом знакомом слегка обеспокоил ее. Ей представился высокий длинноволосый мальчишка в растрепанных снизу джинсах, полосатом свитере и почему-то непрерывно надувающий губами пузыри из жевательной резинки. Нет, не хулиган, конечно (с хулиганом Иринка не стала бы и разговаривать), но самоуверенный и с ленивыми размагниченными движениями. Это сейчас так модно! А Иринка готова подражать всем на свете...

Гость оказался точным: ровно в двенадцать деликатно тренькнул звонок. Вера Вячеславовна, пожалуй, чересчур торопливо открыла дверь.

— Здравствуйте. Ира здесь живет?

Вера Вячеславовна улыбнулась. Улыбнулась про себя, но ласково и радостно. В дверях стоял Иринкин ровесник — стройненький, легкий, аккуратный. Даже растрепанные волосы и распахнутый воротник не нарушали этой аккуратности. Он смотрел снизу вверх на рослую хозяйку квартиры с легкой застенчивостью, но доверчиво, будто чувствовал заранее, что ему обрадуются.

Вера Вячеславовна улыбнулась уже открыто. Мальчик был как тонкий солнечный колосок. Солнце, казалось, не хотело расставаться с ним даже на затененной лестничной площадке, задержало на мальчишке свой свет. Наверно, так казалось из-за рубашки — она была цвета золотистой пшеницы. На ней искорками блестели латунные пуговки.

Славная была рубашечка, подогнанная у талии, с погончиками, с пристроченной над кармашком шелковой черной ленточкой, на которой были вышиты крошечные золотые буквы «Windrose». И, любуясь мальчиком, Вера Вячеславовна поймала себя в то же время на практической мысли, что несколько лет назад не удержалась бы и спросила: «Где тебе мама купила такую?» Но теперь это ни к чему. Витюшка теперь носит не такие рубашки, и погоны у него потяжелее...

Вера Вячеславовна спохватилась, что несколько секунд молча разглядывает гостя.

— Да-да! Заходи, пожалуйста. Я послала Иринку по неотложному делу, но она скоро придет. Она очень просила подождать...

— Ладно,— весело сказал мальчик.

Он легко ступил бело-коричневыми кроссовками на половик в прихожей, быстро огляделся, пристроил на полке с обувью желтую клеенчатую папку, которую до сих пор небрежно держал за уголок. Потом высоко поджал ногу и потянул шнурок.

— Нет-нет, не разувайся,— поспешно сказала Вера Вячеславовна.— У нас кавардак, уборка, я еще полы не застелила.

Она пропустила мальчика вперед, он шагнул в солнечную комнату и, конечно, сразу остановился. Так же, как все, кто первый раз видел «Путь в неведомое». Картина висела почти напротив двери, невысоко от пола, и походила на узкое окно, окруженное коричневыми лаковыми карнизами. На картине был стиснутый бесконечно высокими скалами пролив. Среди скал металась птичья стая, а по зеленоватой воде уходил корабль с темными, наполовину убранными парусами. Вода была гладкая, но от кормы бежал, расширяясь, змеистый след, и в нем извивалось отражение светлого кормового фонарика.

Сверху из-за скал вырывался плоский луч, а впереди — по свету на камнях и бликам на воде — угадывалась солнечная щель, выход из каменного коридора...

Те, кто входил в эту комнату впервые, всегда останавливались. Но смотрели на картину по-разному. Одним хватало нескольких секунд, кое-кто стоял долго и разглядывал внимательно, а иные тут же начинали расспросы. Мальчик замер и тихонько сказал:

— Ой...

И смотрел, не отрываясь, пока Вера Вячеславовна не окликнула:

— Садись вот сюда, в кресло... Чем бы пока тебя занять?

Мальчик очнулся.

— Не надо меня занимать,— проговорил он почти испуганно.— Я просто так посижу. Посмотрю...

Он присел на краешек старого громадного кресла, повел глазами по стенам. На стенах были и другие картины: «Осень в старом городе», «Утренний берег», «Дождь на Театральной площади»... А еще были часы с маятником, похожим на круглый рыцарский щит, с медным солнцем и месяцем, которые тихо двигались вокруг эмалевого циферблата (когда-то часы висели еще у Иринкиной прабабушки; теперь они отставали за час на десять минут, но гость, разумеется, этого не знал).

— Ладно, посиди,— сказала Вера Вячеславовна.— А я пока повешу это сооружение.

«Сооружением» был плоский глиняный горшок с плетями ползучих растений, только вчера купленный в цветочном магазине. Горшок назывался «кашпо» и подвешивался на стену. Для этого к нему прикреплялась длиннющая медная цепь. Чтобы горшок повис на нужной высоте, гвоздь следовало вколотить у самого потолка.

Вера Вячеславовна надела очки и нацелен-



В дверях стоял Иринкин ровесник — стройненький, легкий, аккуратный.

ным взглядом стала отыскивать под потолком нужную точку.

Тогда мальчик сказал то, что она, по правде говоря, и ожидала:

— Давайте я помогу.

— Помоги. А то мне при моих размерах опасно прыгать по столам...

Они подтянули к стене полированный обеденный стол, мальчик опять хотел сбросить кроссовки, но Вера Вячеславовна сказала, что не надо, и постелила на стол газету. Мальчик вспрыгнул на него, ухватил молоток и гвоздь, вопросительно оглянулся.

— Стенка мягкая, деревянная,— объяснила Вера Вячеславовна.— Только вбить надо повыше, где кромка обоев. Дотянешься?

Он потянулся вверх изо всех сил, приставил гвоздь.

— Так хорошо?

— Очень хорошо. Вобьешь?

— Главное, с первого раза попасть по шляпке, а не по пальцам,— весело объяснил мальчик. Стукнул и попал по гвоздю. И бойко заработал молотком.

Стенка оказалась не такой уж мягкой, гвоздь шел с трудом. Колотить, стоя на цыпочках, было тяжело.

— Отдохни.

— Да нет... Ничего...

Вера Вячеславовна с непонятным беспокойством смотрела, как машет молотком тонкая рука, вздрагивают на воротнике колечки каштановых волос, ходят под рубашкой крылышки — лопатки. Мускулы на худых мальчишкиных ногах натянулись под загорелой кожей, как резиновые шнуры. На коленном сгибе проклюнулась и задрожала синяя жилка.

«Как у Витюшки»,— со щемящей ласковостью подумала Вера Вячеславовна и отчетливо вспомнила, как однажды девятилетний Витюх тянулся со стула к верхней полке стеллажа: он доставал словарь для своего юного дядюшки Пети, студента-медика. Легкомысленный Петька подкрался и легонько щелкнул племянника по такой вот жилке. Витюшка молча и мгновенно сложился, как карманный ножик на пружинке. И комочком полетел со стула. Петька со смехом подхватил его. Витюшка сперва рассердился и почти всерьез замолотил бестолкового дядюшку пятками и кулаками. Но тот захохотал и показал язык. Тогда Витек вырвался и схватил диванную подушку. И они с Петькой начали носиться по комнатам, сшибая стулья. И Вера Вячеславовна всерьез разозлилась на них, потому что своим гвалтом они разбудили годовалую Иринку, и та принялась реветь...

Вера Вячеславовна вдруг подумала, что чаще вспоминает Витьку не длинным старшеклассником и не широкоплечим сержантом, каким он недавно приезжал в отпуск, а таким вот мальчишкой. Последние годы бежали почему-то удивительно быстро, и к большому Виктору она просто не успела привыкнуть. Конечно, она каждый день помнила и тревожилась о взрослом сыне в погонах с золотистыми буквами «СА» и широкой фуражке с черным околышем. Но о маленьком Витьке — исцарапанном и коричневом от солнца, озорном и ласковом, о веселом мушкетере в треснувших и замотанных синей изолентой очках — она вспоминала и печалилась так, будто он не вырос, а уехал на три смены в лагерь «Горная речка». И это несмотря даже на то, что подрастала и была всегда рядом Иринка...

Стук молотка прервался, и мальчик облегченно опустил руки.

— Все...

— Вот молодец. Отдохни, и повесим эту штуку.

— Я не устал.

Он ловко зацепил за гвоздь медную петельку, выровнял на цепи горшок, расправил зеленые плети растения и крутнулся на пятке (вместе с ним крутнулся газетный лист). Потом он одним движением заправил свою акку-

ратную рубашечку под ремешок на бежевых шортах, тоже очень ладно сшитых, простроченных по всем швам коричневой ниткой. Чуть напружинившись, мальчик приготовился прыгнуть на пол.

Вера Вячеславовна едва удержалась, чтобы не протянуть навстречу руки. Но такая помощь, конечно, была не нужна мальчику. Он легко скакнул на паркет, выпрямился и глянул весело и полувопросительно: «Кажется, я справился. Может быть, что-то еще сделать?» Тогда она все же протянула руки и положила пальцы на его плечи.

— А теперь давай познакомимся по-настоящему. Меня зовут Вера Вячеславовна. А тебя, кажется, Юра?

— Да... Юра,— сказал он с легкой заминкой. Потом улыбнулся и, словно решив ответить откровенностью на ее сдержанную ласку, признался:— Вообще-то меня так почти никто не зовет. Разве что папа. Да и то он или «Юрик», или...— он с шутливой сердитостью свел брови,— «Ю-рий»... А чаще всего меня зовут Журка.

Он, кажется, ждал тут же вопроса: откуда такое имя. А Вера Вячеславовна вспомнила, как он, развязывая шнурок, по-птичьи стоял на одной ноге.

— Журка-журавленок...— не то спросила, не то просто сказала она.

— Ну... не знаю. Это из-за фамилии. У меня фамилия Журавин... Я сам себя так прозвал случайно.

— Удачно прозвал... А как это получилось?

Он смешно сморщил переносицу.

— А... такой случай, прошлой весной еще. Нас в пионеры принимали, сразу весь класс, ну и столько забот было, репетиции всякие, форму специальную шили, концерт готовили, и все переволновались, конечно... Наконец, собрались в зале — и ребята и родители, и там у одной девочки бабушка пришла, активная такая. Про все расспрашивала, всем восхищалась. Мы построились, а она давай нараспев: «Ах вы, мои красавчики, ах вы, журавлики...» Я с краю стоял, мне нужно было первому Торжественное обещание давать. Я и так дрожал, а тут в голове что-то совсем переключилось. Когда скомандовали, шагнул вперед и начал: «Я, Жура Юравин...» Все как грохнули...— Он вздохнул и покачал головой.

— Ну ничего, это бывает,— сказала Вера Вячеславовна.

— Да ничего, конечно... Потом все было как надо. А «Журка» ко мне так и приклеился... Теперь даже мама так зовет.

— Тогда и я буду так тебя звать... Давай, Журка, передвинем стол. Вот сюда... Прекрасно. Ты теперь посиди немножко, а я заправлю в суп макароны...

Когда Вера Вячеславовна вернулась в комнату, Журка не сидел. Он стоял перед картиной, нагнувшись и упершись ладонями в колени.

— Ты слишком близко рассматриваешь. Надо отойти подальше.

— Я знаю, я издалека уже смотрел... А сейчас я разглядываю, как это сделано. Просто чудо такое: пятнышки краски намазаны, а издали взглянешь — как живое...

— Нравится?— обрадовалась Вера Вячеславовна.— Это Иринкиного папы работы. Он у нас художник.

— Я догадался,— откликнулся Журка и опять оглядел стены. А потом, почуяв скрытый вопрос Иринкиной мамы, сказал:— А мой папа — шофер.

«Надо же!— удивилась Вера Вячеславовна и тут же насмешливо одернула себя:— А ты думала, что он обязательно сын доктора наук или артиста оперы? Ну и представления о людях у тебя! Как в девятнадцатом веке...»

— Папа — водитель первого класса, он всегда на самых тяжелых грузовиках ездит,— объяснил Журка.— Для него, чем больше машина, тем лучше... К нему в кабину заберешься — будто на второй этаж...

— А мама твоя кем работает?

— Мама...— Журка мельком улыбнулся.— Она, пожалуй, художница... Только не по картинам, а по костюмам. Она училась на модельера, потом ей там что-то не понравилось, и она стала работать машинисткой. Только она все равно постоянно шьет, ей нравится придумывать всякие костюмы. Она для молодежного театра у нас в Картинске столько всего нашила...

— То-то я любуюсь твоей рубашечкой: она как по заказу. Мамина работа?

— Конечно. Она для меня все сама шьет, даже школьную форму. Или в крайнем случае магазинную подгоняет как надо.

Вера Вячеславовна вздохнула:

— Лет семь назад я бы обязательно упросила твою маму сшить рубашку для нашего Вити. А теперь он выше меня... Сейчас покажу, какой у Иринки брат.

Она принесла фотографию, с которой смотрел тонколицый симпатичный парень в больших очках и солдатской фуражке. Журка с минуту внимательно разглядывал снимок. Потом сказал доверительно и немного жалобно:

— Хороший брат... А у меня никого нет. Тоже хочется, чтобы кто-нибудь был: хоть большой, хоть маленький...

— Ну, может быть, еще будет,— осторожно утешила Вера Вячеславовна.

Журка шевельнул плечом и опять коротко сморщил переносицу.

— Мама говорит: «Вы, мужчины, лодыри, а мне одной такие хлопоты на старости лет...»

Вера Вячеславовна засмеялась:

— Да сколько же маме лет?

— Тридцать два...

— Господи, да это самая молодость! Мне бы, старухе, такие годы...

— Что вы! Вы совсем молодая,— как истинный джентльмен, заспорил Журка. Смутился и чуть порозовел.

— Ладно уж, не утешай,— усмехнулась Вера Вячеславовна.— Лучше расскажи, как вы познакомились с Иринкой.

Журка охотно поведал о встрече в парке, и его рассказ был очень похож на рассказ Иринки. Только, вспомнив про резинку, Журка признался:

— Я сначала боялся угощать. Она старая, засохшая была...

— Между прочим, Иринка терпеть не может никакую жвачку, даже самую свежую и сладкую,— улыбнулась Вера Вячеславовна.

Журка немного удивился, а потом признался с насмешливым вздохом:

— Между прочим, я тоже. Меня еще весной кто-то угостил, она и завалялась в кармане. А вчера я из-за холода влез в джинсы и наткнулся на нее...— Он подумал и вдруг проговорил:— Вот ведь какая случайность. Если бы не было резинки, мы, может, и не познакомились бы.

— Это хорошая случайность,— сказала Вера Вячеславовна.— Да и вообще здесь много счастливых совпадений. Хотя бы то, что вам обоим пришла мысль пойти в парк. Погода-то была не для прогулок.

— А я всякую погоду люблю,— откликнулся Журка.— И незнакомые места люблю. Парк от нашего дома недалеко, вот я и пошел обследовать окрестности.

— Значит, вы совсем недавно в наш город приехали?

— Три дня назад. Ира первая, с кем я тут познакомился.

— Будем надеяться, что это неплохое начало,— слегка торжественно сказала Вера Вячеславовна.— Только знаешь что, Журка... Она не выносит, как зубную боль, когда ее зовут Ирой.

— Да? А вчера сама так назвалась.

— Это от смущения... Все ее зовут Иринкой, а отец Ришкой.

— Я запомню,— просто сказал Журка.

И в это время затарахтел звонок.

— Легка на помине!— воскликнула Вера Вячеславовна.

Слегка запыхавшаяся Иринка влетела и замерла. Секунду смотрела на Журку, будто не узнавая. Потом сказала с еле заметной кокетливой ноткой:

— О! Ты уже здесь.

Повернулась к матери и с изящным реве-



Игорь Дмитриевич взял со стеллажа альбом «Портреты Третьяковской галереи» и начал торопливо листать.

рансом протянула ей зонтик. Потом словно что-то стряхнула с себя и стала обыкновенной Иринкой. Весело спросила у Журки:

— Давно пришел?

— Пришел точно, как вы договорились,— ответила за Журку Вера Вячеславовна и легонько притянула его к себе.— И мы уже успели познакомиться. Кстати, Иринушка, этого товарища зовут не Юра, а Журка. Интересное имя, правда?

Иринка удивленно шевельнула бровями.

— Вообще-то это не имя, а прозвище,— смутившись, объяснил Журка.

Иринка серьезно спросила:

— А ты не обижаешься на прозвища?

— На это нет,— сказал он так же серьезно.— Меня первый раз так Ромка назвал...

— Кто же этот Ромка?— спросила Вера Вячеславовна.

— Это друг мой... был...— сказал Журка чуть потускневшим голосом. И тут же встрепенулся:— Ой, я ведь марки принес!

Веру Вячеславовну кольнуло беспокойство: почему «был»? Неужели у этого ясного и доверчивого мальчугана такой непрочный характер? Уехал в другой город, и, значит, оставшийся на старом месте друг — уже не друг?

Но почти сразу тревога прошла. Журка притащил папку, они с Иринкой рассыпали по столу марки, о чем-то дурашливо заспорили, сортируя марочные грудки и показывая друг другу штемпеля. Будто знали друг друга с первого класса...

Стоя у кухонной плиты, Вера Вячеславовна слышала, как Журка убеждает ее дочь:

— Да забирай все! Я эту природу все равно не собираю! Я только корабли, старинное оружие и всякие приборы: глобусы, секстаны, подзорные трубы. И еще маяки... Если у тебя появятся, ты ведь мне тоже...

Потом Иринка крикнула из комнаты:

— Мама! Знаешь, что мы надумали? В «Салюте» идут «Приключения Робин Гуда», мы хотим сходить на два тридцать!

— Прекрасная идея! Главное, очень свежая... Ты смотрела это кино два раза.

— Я тоже!— сообщил Журка.— Ну и что? Можно еще.

— А дома у тебя не подымут тревогу: куда девался ненаглядный сын?

— Не-е! Я отпросился до шести часов... И у меня есть рубль, как раз на два двухсерийных билета.

Вера Вячеславовна сказала, что, если поискать, рубль найдется и для Иринки. Тогда хватит и на кино и на мороженое. Но, для того чтобы мороженым они не объедались, она сначала покормит их обедом. Таковы ее железные условия.

— Раз такие условия, делать нечего,— сказал в комнате Журка (и Вера Вячеславовна отчетливо представила, как он опять забавно сморщил переносицу).— Но вообще-то я могу не есть целый день.

— Охотно верю. Только сегодня этот номер не пройдет...

Через полчаса она стояла у открытого окна и смотрела сквозь надутую солнечным ветерком прозрачную штору на улицу. С третьего этажа было видно далеко. Иринка и Журка шагали в конце квартала. Они топали, слегка дурачась: взялись за руки и этими сомкнутыми руками взмахивали до отказа взад и вперед — в такт шагам. Потом остановились на углу. Иринка знала, что мама смотрит вслед, и помахала рукой. А Журка... Вере Вячеславовне очень захотелось, чтобы махнул и он. И Журка сделал это. Не так решительно, как Иринка, но поднял руку и качнул в воздухе ладошкой. Вера Вячеславовна помахала в ответ, хотя они не могли ее видеть издалека сквозь надутый пузырем тюль. И тут в передней опять позвонили.

Пришел муж. Он быстро взглянул на Веру Вячеславовну, излишне внимательно посмотрел по сторонам и оживленно сказал:

— Встретил Ришку с незнакомым отроком. Очень милая пара, шли в кино. Кто этот симпатичный кавалер?

— Вчера познакомились... Ну, как твой худсовет?

— Как нельзя лучше, приняли всю работу... А мальчуган славный! Догадалась, на кого он похож?

Вера Вячеславовна слегка нахмурилась. То, что Журка чем-то похож на Витюшку, было ее собственным открытием. Не хотелось, чтобы кто-то еще говорил об этом. Даже Игорь.

Но Игорь Дмитриевич, споткнувшись, шагнул в комнату и возбужденно повторил:

— Похож! Сейчас увидишь сама...

Он взял со стеллажа альбом «Портреты Третьяковской галереи», торопливо залистал.

— Вот...

Это был «Портрет сына» художника Тропинина.

— В самом деле,— согласилась Вера Вячеславовна.— Что-то есть. Разлет бровей, волосы...

— Да вообще похож! Ты вглядись!

— Может быть,— ощутив прилив досады и словно защищая Журку, сказала она.— Странно только, что это сходство так взволновало тебя... Деньги получил?

— Да-да... Все в порядке.

— И, наверное, уже успел отметить с Иннокентием...

— Ну что ты, Вера! Он звал, конечно. Но я ни в какую. Ты же знаешь мою твердокаменность...

— Покурить, однако, уже успел...

— Всего полсигареты. Могу я сделать себе маленький подарок? Все-таки удачный день: спихнул такой громоздкий заказ...

— Обедать будешь?— устало спросила она.

— Разумеется!— бодро воскликнул Игорь Дмитриевич.— Мы же там почти не ели. Куснули чуть-чуть салатику...

Вера Вячеславовна пошла на кухню. Он, вздохнув, двинулся за ней.

— Не сердись, я же вполне... Пообедаю, а потом сяду за эскизы.

— Потом тебе надо сходить в поликлинику,— сказала Вера Вячеславовна.— Заходила медсестра, тобой опять интересуется кардиолог... Куда с немытыми руками? Иди в ванную... Дитя малое, честное слово...

Иринка и Журка в это время шагали к троллейбусной остановке.

— Может, пешком пойдем?— предложила Иринка.

— Нет, лучше на троллейбусе.

— Тут ведь недалеко, и время есть...

Журка засмеялся:

— Да не в этом дело. Просто я почти не ездил на троллейбусе. У нас в Картинске их нет. Автобусы только.

— Ну и что? Одно и то же... Ладно, давай, если хочешь.

Журка виновато сказал:

— Ты привыкла, а мне интересно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Игра и не игра

Наследство

Журке все было интересно. Жить интересно. Хотя, казалось бы, жизнь его была самая-самая обыкновенная.

Почти все свои одиннадцать лет он прожил на краю Картинска, в двухэтажном деревянном доме, где они с мамой и отцом занимали одну комнату. (Правда, комната была большая, разгороженная шкафом на две половины, с высоким потолком и большими окнами на солнечную сторону.) Город был маленький. В нем лишь недавно стали строить многоэтажные дома, да и то в центре и на южной окраине. А в Журкины окна была видна улица с растущими вдоль заборов лопухами, деревянные домики и огороды.

Огороды спускались к ручью, который назывался Каменка. За ручьем тянулась травянистая насыпь с рельсами. По рельсам то и дело стучали коричневые товарняки и зеленые пассажирские поезда. А два раза в сутки проскакивал красный московский экспресс. Пассажирские поезда нравились Журке: по вечерам прямо из комнаты видны были бегущие цепочки светлых вагонных окон...

В общем, он жил на тихой улице с громким названием «Московская», бегал по ней в школу, смотрел фильмы в ближнем кинотеатре «Мир» и дальнем кинотеатре «Спутник», летом бултыхался в самодельной ребячьей купалке недалеко от железнодорожного моста через Каменку, зимой катался на санках с пологого берега, читал книжки про приключения, про дальние города и страны, смотрел телепередачи «Клуба кинопутешествий» и знал, что живет замечательно.

Он знал, что все ручьи текут в реки, а реки — в моря и океаны. И когда он опускал руки в струи грязноватой от мазута Каменки, то понимал, что соединяет себя с водами Атлантики и южных морей.

Когда он взбегал с Ромкой на крутую насыпь и прижимался щекой к теплым вздрагивающим рельсам, эти рельсы, как провода, подключали его к гудящей жизни всей Земли. Ведь они убегали, нигде не прерываясь, в самые далекие края.

Когда Журка сидел на подоконнике и рассматривал в бледном летнем небе звезды, он знал: тысячи разных людей, как и он, смотрят сейчас на те же звезды. Эти взгляды соединяли Журку со многими пока незнакомыми людьми.

Хороших людей было гораздо больше, чем плохих (хотя плохие тоже попадались, куда от этого денешься?). И хороших дней в жизни было во много раз больше, чем горьких и неудачных. Конечно, случалось всякое: и двойки с грозными записями в дневнике; и отвратительные ангины, когда распухает не только горло, а даже язык; и боль от расшибленных колен и разбитого носа; и томительная беспомощная тревога, если вдруг поссорятся мама и папа; и ночные страхи; и тот безобразный случай в походе... Но все это были именно случаи. Как редкие тучки среди ясного лета.

Вот на такое лето и была похожа его, Журкина, жизнь. Наверно, потому, что он умел находить кусочки радости во всем. Даже когда волочились над крышами лохмотья осенних унылых облаков, Журка сравнивал их с разорванными бурей парусами и вспоминал, что дома не дочитана «Одиссея капитана Блада». Даже когда приходилось ронять слезы после маминых слов, что ей «не нужен такой двоечник, разгильдяй и лодырь, за которого приходится краснеть перед всеми родителями из четвертого «В», он знал, что вечером все равно мама подойдет, сядет на краешек постели и они помирятся. И сквозь плач радовался этому.

И лишь когда пришло письмо от Ромки, все хорошее вокруг словно вздрогнуло и рассыпалось.

Журка плакал тогда не очень. Потому что плачь не плачь, что теперь сделаешь? Но не было в этих задавленных слезах и намека на какую-то будущую радость.

Потом оказалось, что и такая черная горечь не навсегда. Прошла она, а в оставшейся печали будто появились светлые зайчики. Ведь Ромка, несмотря ни на что, все-таки был. Целых два года он был у Журки, а прошлая жизнь, если ее не забывать, всегда остается с человеком. И друзья, которые были, остаются навсегда.

Ромка часто снился ему. Журка ждал этих снов, чтобы снова по-настоящему увидеться с Ромкой. Потому что наяву он вдруг стал забывать его лицо. Голос помнил, руки с облезшим на левом мизинце ногтем, похожую на черную горошину родинку на заросшей пушистыми светлыми волосами шее... А лицо будто уплывало. Словно Ромка уходил все дальше и дальше. А во сне он был прежний...

Журка быстро и охотно засыпал под шум недалеких поездов. Этот шум не мешал ему. Он все время напоминал, что есть дальние дороги, они протянулись по всей планете, и Журке тоже придется ездить по ним.

Впрочем, Журка ездил. Один раз с мамой в Москву, потом с мамой и папой в Феодосию, в дом отдыха. Случались и другие путешествия: в лагерь «Веселая смена», в областной город к дедушке — маминому папе Но это были эпизоды. Они лишь на время прерывали привычную жизнь на родной Московской улице. А Журка знал, чувствовал, что когда-нибудь эта жизнь изменится совсем и дороги унесут его из тихого Картинска надолго. Все изменится...

Изменилось раньше, чем он думал. Неожиданно.

Умер дедушка.

Это случилось, когда Журка был в лагере. Родители решили не волновать Журку, ничего ему не сказали. Съездили на похороны, оформили, какие полагалось, документы, устроили поминки. Короче говоря, сделали все печальные дела, которые выпадают на долю родственников, когда человек умирает.

К тому времени, как Журка вернулся, мама уже не плакала, хотя и была печальнее, чем всегда. Комната оказалась полупустой, а папа увязывал и упаковывал вещи. Решено было переехать в областной центр. После деда осталась небольшая, но приличная квартира, на которую, по словам отца, кто-то «хотел наложить лапу, но это дело у них не выгорело». А еще в разговорах звучало слово «завещание», и это удивляло Журку. Он думал, что завещания писались только в прежние времена — про всякие там клады и дворянские состояния. Это было слово из романа «Граф Монте-Кристо». И вдруг — не в романе, а на самом деле. Впрочем, о завещании говорили мимоходом. Да и какое там наследство мог оставить одинокий, очень небогато живший дед?

Журка обиделся на родителей за то, что не сказали вовремя о дедушкиной смерти. Разве он такой ребенок, чтобы скрывать от него беды и горести? Но, если говорить по правде, печалился Журка не очень сильно. Дедушку он знал мало, видел редко и, кажется, никогда по нему не скучал.

Хотя, конечно, дедушка был очень хороший. И он совсем не походил на обычного дедушку. Просто пожилой мужчина, очень высокий, с залысинами над худым лицом, с мелкой седоватой щетинкой на щеках, которые были прорезаны длинными морщинами. Он прихрамывал, но ходил без палки и держался прямо. Носил он большие круглые очки, хотя и без них видел неплохо. Журке почему-то казалось, что очки эти насмешливо поблескивают, когда дед смотрит на папу и маму. А если дед имел дело с Журкой, очки он снимал: и когда разговаривал и, уж конечно, когда вскидывал Журку себе на плечи.

Он был крепкий, и руки у него были сильные (правда, и ласковые тоже). Еще в прошлом году, когда мама с Журкой встретили его на вокзале, он легко подкинул десятилетнего внука, посадил на себя и, почти не хромая, понес по улице. Журка немного стеснялся встречных ребят — не маленький уже,— но не просился на землю, только весело ойкал: от смущения и от того, что щетинистые дедовы щеки покалывают ему голые ноги.

Дед рассказывал Журке про разные интересные вещи: про раскопки старинных курганов, про то, как устроены латы древних рыцарей и чем в испанском бое с быками матадоры отличаются от пикадоров и бандерильеров. Он научил Журку, как определять, молодой месяц в небе или старый, и как разглядеть в Большой Медведице незаметную восьмую звезду. А еще — запоминать названия парусов на больших кораблях и привязывать перья к стрелам для лука...

Иногда дед вспоминал, как в юности служил цирковым униформистом и плавал матросом по Каспию или как в детстве сделал с друзьями громадный змей, привязал к бечеве тележку, и змей тащил его, будто взнузданный конь, через луг. Пока бечева не оборвалась...

Один раз Журка попросил:

— Расскажи, как ты воевал.

Дед неохотно сказал:

— Да чего там воевал... Месяц был на позициях, а потом ногу искалечило, и отправили в тыл. И стал чиновником.

Но Журка знал, что чиновники водились только при царе, а месяц на позициях дед провел не зря: среди медалей «За трудовое отличие» и «Ветерану труда» были у него еще «За отвагу» и «За победу над Германией»...

В общем, славный был дедушка Юрий Григорьевич Савельев. Только встречался с ним Журка лишь на короткое время и редко — не чаще одного раза в году. Дважды Журка с мамой ездил к нему в «большой город», а иногда дед приезжал сам. Но приезжал, видимо, без большой охоты. Журка догадывался, что отец и дедушка недолюбливают друг друга. Кажется, деду не нравилось, что мама вышла замуж за папу. Но он зря был недоволен: если бы мама и папа не встретились и не



Перед отъездом Журка неторопливо попрощался с Картинском.

поженились, тогда, чего доброго, не появился бы на свет и Журка.

Прошлогодний приезд деда был последним. Этим летом Журка после лагеря собирался поехать к нему с мамой. А получилось вот как...

Было грустно, а в то же время от ожидания больших перемен в Журке звенели радостные струнки.

Перед отъездом Журка неторопливо попрощался с Картинском. Навестил приятелей (их немного осталось в городе в летнюю пору), обошел все улицы, где когда-то гуляли с Ромкой, заскочил в пустую школу, побродил по берегу Каменки, поплескался в купалке, а потом поднялся на насыпь и положил на рельсы пятак. Прогремел длинный состав с разноцветными контейнерами, и Журка поднял раскатанный латунный кружок. Звонкий и горячий. Положил его в кармашек на тонкой рубашке...

А поздно вечером все Журавины были уже на новом месте.

Утром отец отправился узнавать насчет контейнера с багажом, а Журка и мама поехали на кладбище.

Кладбище оказалось большим и каким-то слишком открытым, с чахлыми деревцами, замершими под ярким равнодушным солнцем. Совсем не похожим на то, что в Картинске. Дедушкина могила была недалеко от бетонной стены, по которой прыгали воробьи. Журка увидел длинный бугор, заваленный бурыми увядшими цветами и венками с полинялыми лентами. Мама стала откидывать их, и тогда открылась рыжая глинистая земля, через которую пробивались травинки — как весной, хотя появился этот холм в середине лета.

Журка стоял, забыв положить на могилу астры, которые дала ему мама.

Над бугром поднимался решетчатый обелиск, похожий на модель буровой вышки. Он был покрыт какой-то нелепо веселой голубой краской. Сверху алела острая звездочка, а посредине била в глаза очень черная табличка с белыми буквами дедушкиного имени и с числами: когда родился и когда умер. Журка машинально сосчитал, что прожил дедушка шестьдесят один год, четыре месяца и четыре дня...

Мама встала рядом с Журкой и сказала тихонько:

— Мы с папой отдали дедушкину фотографию переснять на эмаль. Будет такой круглый медальон. Когда сделают, привинтим сюда, на памятник...

Журка помолчал и спросил:

— Он на этой фотографии в очках?

— Да... А что, сынок?

— Так...

Журка отчетливо вспомнил, как дед снимал очки, когда наклонялся над ним. И понял — неожиданно, только сейчас понял,— что дедушкины глаза очень похожи были на Ромкины. Казалось бы, чего похожего? У Ромки — распахнутые, золотисто-карие, с чистыми голубоватыми белками, у деда — водянистые, с красными прожилками, с набрякшими веками и морщинками вокруг. Но смотрели они одинаково: с добротой и постоянным ожиданием чего-то хорошего...

И когда Журка вспомнил это, резко перехватило горло. Он переглотнул, тихо положил цветы и щекой прижался к маминому рукаву.

По глинистому холмику пролетела тень. Это подошли первые облака близкого ненастья.

Когда возвращались домой, облака загустели и закрыли небо. Солнце било последним лучом в золотистую щель с лохматыми краями. Этот луч высветил кирпичный трехэтажный дом, в котором была дедушкина квартира. Журке вспомнилась открытка с картиной какого-то очень давнего художника: там среди темных деревьев, под круглыми сизыми облаками светилась красная мельница с громадным колесом. И сейчас было очень похоже (если забыть про колесо).

Дом построили давно. Еще, наверно, до революции. Он был по-старинному красив со своими карнизами, треугольными выступами под крышей и полукруглыми окнами на узком фасаде. Журка замечал эту красоту и раньше, а сейчас при свете одинокого луча она выступила особенно ясно.

Красный дом, как замок, поднимался над крышами других домов — двухэтажных и одноэтажных. В большом шумном городе здесь, недалеко от парка, сохранились тихие старые кварталы, и было как в Картинске. Оказалось, что есть даже речка, похожая на Каменку.

Но с речкой, где горбатился узорчатый железный мостик, с окрестными улицами и старым парком Журка познакомился позднее. А в первый день хватило хлопот дома — надо было устраиваться.

Квартира находилась на третьем этаже. В ней было две комнаты: одна большая и одна крошечная — как раз для Журки. А еще маленькая кухня и даже отдельная ванная. Не то что в Картинске, где одна ванная была на четыре семьи... Последний раз Журка был у дедушки три года назад и уже тогда заметил, что в комнатах очень мало вещей. Стол, два стула, узкий диван — вот и все. Мама сказала, что дед не терпел ничего лишнего. Он жил один. Бабушка — мамина мама — умерла очень давно. Дед женился было еще раз, но неудачно. Когда вторая жена ушла, а дочь окончила школу и уехала учиться, Юрий Григорьевич распродал мебель, купил кубометр досок и сколотил из них стеллажи — от пола до потолка. Полки он заполнял книгами, которые покупал, где только мог.

Зарплата у деда была «средненькая». Он долгие годы работал проектировщиком в каком-то управлении (что это за должность и что за управление, Журка понятия не имел). Год назад пришло время пенсии — тоже небольшой. Но книг дед собрал множество.

В Журкиной комнатке между стенкой и высоким окном стоял узкий стеллаж. Полок семь или восемь. Мама сказала:

— Эти книги дедушка оставил тебе.

— Как это мне?— удивился Журка.— Почему же не всем?.. А те, другие?

— Те как раз нам всем. А эти именно тебе. Специально... Дедушка их очень любил.

Журка растерянно оглядел полки...

В соседней комнате стояли Пушкин и Джек Лондон, Купер и Катаев, «Легенда об Уленшпигеле» и «Алиса в стране чудес». А здесь? Он видел облезшие кожаные корешки без надписей, края разлохмаченных обложек. Некоторые книжки были совсем без корочек.

Мама вышла, а Журка потянул с полки книгу. Наугад. Откинул тонкий самодельный переплет... Тихо вздохнул и сел на рыхлый надувной матрац, на котором спал прошлой ночью.

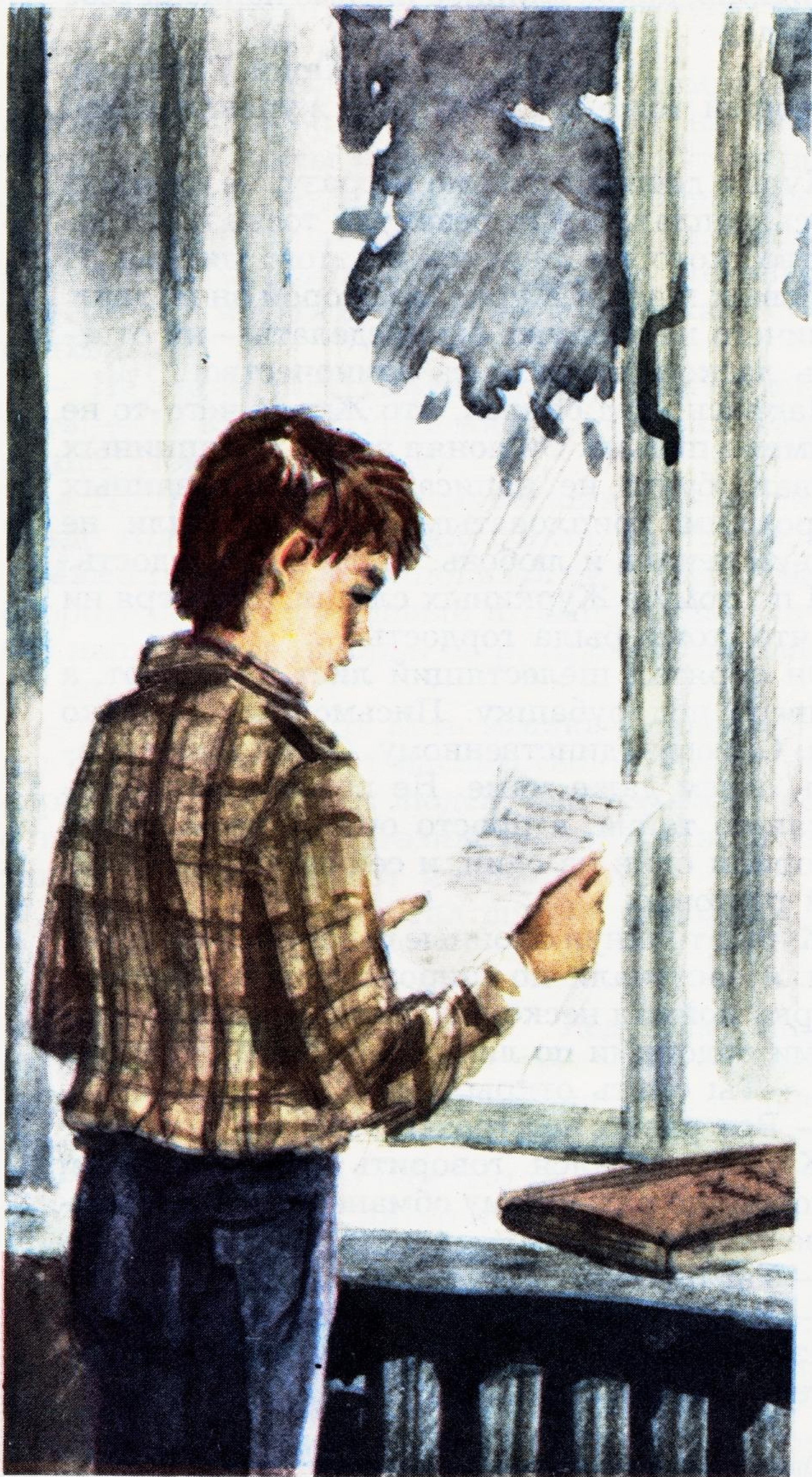
На грубой серой бумаге было отпечатано редкими старинными буквами:

ЖУРНАЛЪ
перваго путешествія
Россіянъ
во круг Земнаго шара,
Сочиненный
под высочайшимъ
Его Императорскаго Величества
покровительствомъ
Россійско-Американской компаніи
главным комиссіонеромъ
Московским Купцомъ
Ѳедоромъ Шемелинымъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Санкт-Петербургъ
въ Медицинской типографіи
1816

...Сначала Журка медленно листал, потом встряхнулся, обвел глазами полки. Вскочил, выдернул сразу несколько книг. Оказалось, что это два тома «Путешествий» капитана Головнина, изданные в 1819 году, и сразу три «Робинзона». Один был совсем старинный — 1789 года и назывался почему-то «Новый Робинзон». Второй носил название «Робинзон-младший». На титульном листе стоял 1853 год, и Журка вспомнил, что, кажется, в этом году произошло Синопское сражение. Третий Робинзон оказался самым молодым — тридцатых годов нашего века. Зато он


Журка развернул большой тонкий лист и начал читать дедушкино письмо.

был самый толстый, и Журка с восторженной дрожью увидел, что там не только всем известные приключения на необитаемом острове. Там еще и вторая часть — дальнейшие путешествия Робинзона. Журка даже и не знал, что есть на свете такая книга...

За открытым окном захлопал листьями, резко зашумел тополь. Влетели в комнату холодные брызги. Упали на желтые страницы «Прелюбопытнейших Повествованій о Кораблекрушеніяхъ, Зимовіяхъ и Пожарахъ, случившихся на морѣ...» Журка машинально отодвинулся и даже не понял, что начался дождь. Это брызгали волны, хлопали паруса и шумели ветры...

Вошла мама.

— Давай-ка закроем окно. Кажется, будет гроза.

Журка никогда не боялся грозы. Даже если грохало и сверкало над самой головой. Он и сейчас ответил:

— Ну и что? Я не боюсь.

— Грозе все равно, боишься ты или нет. Сквозняк втянет молнию, и от такой нелепой случайности может быть большая беда.

Мама плотно прикрыла створки, посмотрела на обложенного книгами Журку, улыбнулась и спросила:

— Нравится? Интересно?

Журка сперва рассеянно кивнул, потом поднял глаза.

— Ма... Тут не только интересно. Тут дело даже не в этом...

Она ласково наклонилась над ним:

— А в чем, Журавушка?

Но он не знал, как сказать. Как объяснить радостное замирание души, когда думаешь, что, может быть, эту книгу читал в палатке под Измаилом Суворов или в селе Михайловском Пушкин. Вот эти самые страницы. Эти самые буквы. И книги рассказывали им то же самое, что ему, Журке. Они были как люди, которые за одну руку взяли Журку, а за другую тех, кто жил сто и двести лет назад. Тех, кто ходил в атаку под Бородином, писал гусиными перьями знаменитые поэмы, дрался стальными блестящими шпагами на дуэлях и мотался на скрипучих фрегатах среди штормовых волн Южного океана. У неоткрытых еще островов. Эта жизнь приблизилась к Журке, стала н а с т о я щ е й. И у Журки холодела спина.

— Мама, я не знаю...— Он помолчал и чуть не сказал про книги: «Они живые». Но отчего-то застеснялся.

Мама его поняла. Или по крайней мере поняла, что лучше его пока не расспрашивать. И пошла по своим делам. Дел-то было ой-ей-ей сколько...

А Журка опять потянулся к полкам и взял самую прочную и новую на вид книгу с золотыми узорами на корешке. Это оказались «Три мушкетера». Не такое старинное издание, как другие, хотя тоже с «ятями» и с твердыми знаками в конце слов. Отпечатанное на гладкой бумаге и со множеством рисунков. Журка обрадовался «Мушкетерам» — это были старые друзья — начал перелистывать, разглядывая картинки...

И увидел между страницами узкий белый конверт.

Видимо, дедушка решил, что, если все другие книги покажутся Журке неинтересными, то «Мушкетеров» он все равно пролистает до конца.

Тем же прямым почерком, каким раньше дед писал короткие поздравления на открытках, на конверте было выведено:

Юрику.

Журка сперва сам не зная чего испугался... Или нет, не испугался, а задрожал от непонятной тревоги. Оглянулся на прикрытую дверь, подошел к окну. Суетливо дергая пальцами, оторвал у конверта край. Развернул большой тонкий лист...

Дед писал четкими, почти печатными буквами:

«Журавлик!

Книги на этих полках — тебе.

Это старые мудрые книги, в них есть душа. Я их очень любил. Ты сбереги их, родной мой, и придет время, когда они станут твоими друзьями. Я это знаю, потому что помню, как ты слушал истории о плаваниях Беринга и Крузенштерна и как однажды пытался сочинить стихи про Галактику (помнишь?). Ты их еще сочинишь.

Малыш мой крылатый, ты не знаешь, как я тебя люблю. Жаль, что из-за разных нелепостей мы виделись так редко. В эти дни я все время вспоминаю тебя. Чаще всего, как мы идем по берегу Каменки и я рассказываю тебе про свое детство и большого змея.

Этот летучий змей почему-то снится мне каждую ночь. Будто я опять маленький, и он тащит меня в легкой тележке сквозь луговую траву, и я вот-вот взлечу за ним.

Жаль, что так быстро оборвалась тонкая бечева...

В детстве я утешал себя, что змей не упал за лесом, а улетел в далекие края и когда-нибудь вернется. И его бумага будет пахнуть солеными брызгами моря и соком тропических растений. Наверно, потому я к старости и стал собирать эти книги: мне казалось, что они пахнут так же.

Впрочем, ерунда, старости не бывает, если человек ее не хочет. Просто приходит время, когда лопается нить, которая связала тебя с крылатым змеем. Но змей вернулся, я оставляю его тебе. Может быть, он поможет тебе взлететь.

Журка, вспоминай меня, ладно? Меня и другие будут вспоминать, но многие, даже твоя мама, скажут, наверно: жизнь у него не удалась. Это неправда! И ты про это не думай. Ты вспоминай, как мы расклеивали в твоем альбоме марки, говорили о кораблях и созвездиях, а вечерами смотрели на поезда.

И учись летать высоко и смело.

Ты сумеешь. Если тяжело будет — выдержишь, если больно — вытерпишь, если страшно — преодолеешь. Самое трудное, знаешь, что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят: делай другое. И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами.

Прости меня, я, наверно, длинно и непонятно пишу... Нет, ты поймешь. Ты у меня славный, умница. Жаль, что я тебя, кажется, больше никогда не увижу.

Никогда не писал длинных писем. Никому. А теперь не хочется кончать. Будто рвется нить. Ну, ничего... Видишь, какое длинное письмо написал тебе твой дед

Юрий Савельев,
который тоже когда-то был журавленком».

Журка дочитал письмо и сразу, не сдерживаясь, заплакал. Его резанули тоска и одиночество, которые рвались из этого письма. И любовь к нему, к Журке, о которой он не знал. И ничего нельзя уже было сделать — ни ответить лаской, ни разбить одиночество...

Напрасно дед боялся, что Журка чего-то не поймет в письме. Он понял все. В дедушкиных словах (будто не написанных, а сказанных негромким хрипловатым голосом) были не только печаль и любовь. Была еще гордость.

И поэтому в Журкиных слезах, несмотря ни на что, тоже была гордость...

Он спрятал шелестящий лист в конверт, а конверт под рубашку. Письмо было только ему. Одному-единственному. Он не хотел сказать о нем даже маме. Не потому, что здесь какая-то тайна, а просто они с дедом всегда говорили один на один, и сейчас был последний разговор.

Журка толкнул оконные створки. Холодные капли застучали по широкому подоконнику. Журка поймал несколько капель, провел мокрыми ладонями по лицу. Вытер его рукавом.

...— Ты опять открыл окно!

— Все равно нет грозы. Простой дождик.

Журка старался говорить обыкновенным голосом, но разве маму обманешь? Она торопливо подошла.

— Ты плакал?

— Вспомнил дедушку,— без всякого обмана сказал Журка. Потом встряхнулся.— Пойдем, я тебе помогу...

Они с мамой долго разбирали вещи. Развешивали одежду, расставляли по подоконникам посуду. Один раз Журка спросил:

— Мама, а дедушка умер сразу?

— Да, сынок. Он потянулся к верхней полке, чтобы взять книгу, и вдруг упал. У него как раз сидел сосед, который пришел за книгой...

— А разве дедушка знал, что скоро умрет?

— Почему ты решил?

— Ну...— сбился Журка (письмо лежало у него под рубашкой).— Он же завещание написал...

— Что ж... конечно. У него было уже два инфаркта, и последний год каждый день болело сердце...

«А таскал меня на плечах»,— подумал Журка и через рубашку погладил письмо.

В это время приехал папа, злой и веселый. Злой потому, что контейнером с багажом на станции «еще и не пахло», хотя отправили из Картинска месяц назад. А веселый потому, что заехал в мебельный магазин и «ухватил» там две модные деревянные кровати и неширокую поролоновую тахту — для Журки. Кровати маме понравились, а про тахту она сказала:

— Ничего. Только цвет скучноватый.

— Зато недорого. Да и не было других. Не спать же парню на полу...

Грузчики и отец втащили тахту в комнатку. Журка скинул кроссовки, вскочил на нее, попрыгал. С тахты можно было дотянуться до верхних полок, куда Журка еще не добирался. Теперь он подпрыгнул и выхватил из ряда книг томик в желтой облезшей коже. Неловко повернулся и чуть не полетел на пол. Папа его подхватил.

— Не скачи, шею свихнешь... Дай-ка взглянуть.— Он взял у Журки книгу и открыл ее с конца. Покачал головой:

— Ну, насобирал дед музейных ценностей. И где только деньги брал?.. Юля, ты глянь...

Мама подошла, и он показал ей и Журке на обороте обложки лиловый штамп и размашисто написанные цифры: 65 р. Провел глазами по полкам.

— Это еще ничего. Есть томики — по полторы сотни сто́ят... Вот наследство! А, Юрка? Я спрашивал знающих людей, они говорят, что есть специальный магазин, где эти книжки за такие суммы продают и покупают...

Журка испуганно встал спиной к полкам.

— Папа, не надо...

— Что не надо?

— Не надо в магазин... Дедушка мне оставил.

Отец сказал с легким удивлением, но терпеливо:

— Я понимаю, что тебе. Но тебе они з а ч е м? Это же не детская литература.

Журка упрямо проговорил:

— Все равно. Это книги...

— Ну какие книги! — уже раздражаясь, воскликнул отец и открыл титульный лист у той, что в руках держал.— «Экстракт штурманского искусства из наук, принадлежащих к мореплаванию, сочиненный в вопросах и ответах для пользы и безопасности мореплавания»... Что это тебе, «Дети капитана Гранта»? Тут и буквы-то такие, что не разберешь...

— Я разберу.

— Ну ладно. А к чему? Если моряком захочешь стать, не по этой же книжке будешь учиться. Она устарела на двести лет!

— Не хочу я моряком... Не в этом дело...

— В дурости твоей дело! — в сердцах сказал отец.— Ну, оставил бы «Робинзона», «Мушкетеров», это я понимаю. А к чему архивные сокровища? Они только специалистам нужны.

— Мне тоже нужны,— негромко, но четко сказал Журка и поднял заблестевшие глаза.

— Саша, не надо об этом. Потом...— тихо и торопливо сказала мама. И за локоть повела отца к двери.

— Я и потом не дам. Это мои! — звонко сказал Журка вслед. И сам удивился: никогда он с мамой и папой так еще не разговаривал.

Отец обернулся, вырвал локоть, присвистнул и медленно сказал:

— Ты смотри-ка... «Не дам», «мои»... Ну, давай посчитаем, у кого здесь чье... У тебя вон штаны из моих перешиты...

— Саша...

— Да подожди ты! «Саша», «Саша»! — взорвался отец.— У сыночка вон что прорезалось. Воспитали буржуйчика! Наследник...

Журка прижался лопатками к полке и сморщил лицо, чтобы не разреветься. Мама сжала губы, опять взяла отца за локоть и утянула из комнаты. За дверью она что-то тихо сказала ему. А отец опять заговорил негромко и зло:

— Да брось ты! Вон Пушкин стоит, Гоголь, Стивенсон — я их сам ни на какое барахло не сменяю. Даже Диккенса твоего, хоть и занудно он писал! Но у Юрки-то блажь!

Мама опять заговорила негромко, и опять отец ответил во весь голос:

— Ну ясно, где мне понять ваши тонкости! Мое дело вкалывать. Знаешь, романтика — штука полезная, но жить тоже надо по-человечески. А мы? Вместо мебели рухлядь, холодильник трясется, как припадочный, телевизор почти что этим книгам ровесник... Кстати, Юрке за две такие книги можно мопед купить...

Кажется, мама сказала: «Этого еще не хватало...» А потом опять заговорила неразборчиво. Журка, глотая слезы, прислушивался, но слов ее так и не мог понять. А отец вдруг воскликнул:

— Ну хорошо, хорошо! Не скажу об этом больше ни слова!.. Я пень, я молчу... Только пускай не ревет. Вот дамское воспитание: чуть чего — и сразу сырость из глаз! Недаром всю жизнь с девчонками играл...

На этом все и кончилось. Больше отец ни разу не завел разговора о книгах. Через час они с Журкой как ни в чем не бывало прибивали карнизы и вешали шторы. Журка два раза съездил себе молотком по пальцам, но не пикнул. Чтобы опять не услышать про дамское воспитание.

Отец на это воспитание и раньше любил намекать. Растет, мол, кисейная барышня. И насчет девчонок посмеивался. Но разве Журка виноват, что в том дворе на Московской жили в основном девчонки? Конечно, Журка играл с ними и, надо сказать, всегда по-хорошему. Но настоящим другом его был Ромка.

Кстати, Ромка никогда-никогда не смеялся над Журкой, они оба понимали, что главное в человеке — характер, а не то, что девчонка он или мальчик.

И здесь через три дня после приезда Журка ничуть не жалел, что познакомился в парке с Иринкой, а не с каким-нибудь Вовкой или Сережкой (тем более, что такого, как Ромка, на свете все равно больше нет). Иринка была веселая, хорошая. И мама ее тоже. И дома у них было так здорово — особенно та картина с кораблем. В этом корабле было что-то знакомое... Вот что! Он словно пришел из дедушкиных книг...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



1922-1982

«Когда я носил красный галстук» — так называется новая рубрика «Пионера», которую мы посвящаем 60-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. На страницах журнала выступят люди, чье имя тебе, читатель, уже знакомо. Что дает человеку пионерское детство? Какие черты характера сохраняет он на всю жизнь? Об этом ты узнаешь из рассказов бывших пионеров.

*Первый гость нашей рубрики — **Антонина Николаевна ЕМЕЛЬЯНЕНКО**, член Совета ветеранов пионерского движения при Дворце пионеров на Ленинских горах в Москве. Почти пятьдесят лет она в числе самых любимых, самых надежных друзей пионеров. Ей пишут отовсюду: из Волгограда и Саратова, Читы и Новгорода, в ее квартире с утра до ночи звонит телефон, а почтальон отлично знает ее имя и отчество, потому что ни к одному человеку в доме не приходит столько телеграмм и поздравительных открыток.*

ПИОНЕР — НАВСЕГДА!

Однажды один из моих братьев вернулся домой раньше обычного. Широко открыв дверь в сильно натопленную комнату, он впустил в нее большущее облако холодного воздуха, но мама не рассердилась. Она поняла: что-то случилось.

«Умер Ленин»,— сказал брат. Мне захотелось крикнуть, но вместо этого я уткнулась в колючее одеяло и заревела, сквозь слезы слыша приглушенные слова мамы: «А как же теперь мы?» Это было третье горе в семье: в двадцатом от тифа умер отец, в двадцать втором контрреволюционеры убили старшего брата — секретаря партячейки, а в двадцать четвертом не стало Ленина.

В траурные январские дни, когда не работали театры, закрывались школы, всю страну всколыхнул Ленинский призыв большевиков пополнить ряды коммунистических организаций. Касалось это и нас — мальчишек и девчонок Царицына. К тому времени в нашем городе образовался большой пионерский отряд при мельнице имени К. Н. Грудинина — знаменитой крепости во время Сталинградской битвы. Брат рассказывал мне, как пионеры собирали оборудование для своей комнаты, приходили в детские дома и устраивали утренники для малышей, как взяли шефство над детворой соседних деревень. Я знала, что в отряде очень придирчиво относятся к новым ребятам, и готова была к любым испытаниям. Но все мои опасения оказались напрасными: в отряде меня встретили по-доброму.

В пионеры меня принимали в клубе мельницы. Пришли рабочие, их жены, дети. Первый пионерский вожатый отряда Сережа Тутаев повязал нам красные галстуки. А потом мы под немудреную мелодию баяниста промаршировали по сцене уже пионерами.

У каждого звена отряда был свой уголок. Его оформляли сами: рисунками, плакатами. Там мы собирались каждый день — читали вслух, репетировали «живую газету», занимались в кружках: в музыкальном, столярном, резьбы по дереву. Однажды мы очень обрадовались, узнав, что для нашего отряда создан пионерский лагерь. Сравнить с сегодняшними лагерями его нельзя, но тогда он казался нам самым лучшим курортом.

Натянутые на колышки палатки — это «корпуса». Вырытые вокруг квадрата земли канавки — «стол с лавками», а кондер — вода, пшено и картошка — еда на каждый день. Спали мы прямо на земле, на соломенных матрацах, а наволочки набивали пахучим сеном, скошенным за день до приезда.

Однажды глубокой ночью, когда весь лагерь спал, вдруг разразилась страшная гроза. Ливень мгновенно разбудил ребят. Потоки воды обрушились на палатки с такой силой, что наши пожитки неожиданно поплыли к лесу. Когда же к утру гроза успокоилась, мы оказались «у разбитого корыта». Весь лагерь нужно было строить заново.

Я вспоминаю сейчас, с каким энтузиазмом взялись мы тогда за дело. И не потому, что боялись новой грозы, просто с детства привыкли все делать сами, не дожидаясь, пока принесут готовенькое или пока кто-то сделает за нас нашу работу. «Если надо, значит, сможешь» — таков был девиз нашего звена.

Сейчас наш бывший пионерский отряд иногда собирается. Нам есть о чем поговорить, есть что вспомнить. Рассказывая друг другу о себе, мы в конце концов приходим к одному выводу: пионерская закалка — она на всю жизнь!



МЫ — ШТАБИСТЫ



Игрушки — в Эфиопию

Симпатичная голубоглазая девочка, удобно устроившись в кресле, смотрела телевизор; постукивал на кухне крышкой кипящий чайник; мама расставляла на столе чашки.

В доме был вечер, обычный после беспокойного дня.

Точно такой же или похожий вечер был в других домах.

...А на экране телевизора чернокожие малыши где-то в далекой жаркой стране передавали из рук в руки, задерживая в ладонях, игрушку. Она была у них единственная. Так они играли — по очереди...

Следующий день был воскресный. И так получилось, что мальчики и девочки, собравшиеся, как обычно, в своем городском пионерском штабе, заговорили об одном — о вчерашней телепередаче. Кинокадры запомнили многие. Никто такого разговора на заседании штаба не планировал, но он произошел, да и не мог, наверное, не произойти.

Можно было бы подробно рассказать, как родилась на заседании штаба идея собрать игрушки для ребят Эфиопии, как штабисты рассказали о ней в школах и как блистательно операция «Игрушки — детям Эфиопии» завершилась. Десятки сделанных своими руками мишек, зайчиков, кукол отправились в путешествие в Африку. И пришло в ответ ребятам длинное письмо с обратным заграничным адресом, в котором их очень и очень благодарили. Но сказать, наверное, нужно не об этом.

Такими операциями, самодельными игрушками, посылками, конечно, не один городской пионерский штаб города Прокопьевска может похвастаться. Суть в другом — КАК ЭТО ПОЛУЧИЛОСЬ?

Одно дело, когда собирает ребят на заседание штаба взрослый человек, который помогает им вести пионерскую работу и говорит: «Давайте сделаем так-то и так-то, запланируем и проведем операцию...» И сорок мальчиков и девочек согласно кивают — давайте.

А другое, когда сорок человек — штаб, мозг всей пионерской работы города — думают, мыслят, относятся к жизни как единомышленники. Не созерцательно, активно и очень по-доброму. Интересно, сколько ребят в тот вечер видели те же самые кинокадры, а потом переключили программу, посмотрели художественный фильм по четвертой программе и улеглись спать? И самые беспокойные их мысли были о том, что неплохо бы уроки на понедельник выучить в субботу, чтобы не возиться с ними в воскресенье.

Если сказать, что городской пионерский штаб города Прокопьевска очень четко, отлаженно поддерживает связь со всеми школами города,— это еще не будет самой большой похвалой штабу. Хотя это истинная правда. Намного важнее, когда пионерские активисты, пионерский штаб, а вместе с ними и все ребята города «поддерживают связь» с заботами, радостями и волнениями всей земли. Этого в плане работы не учтешь. А вот получается!



Дом, в котором я расту

Про пионерский штаб «Уголек» в городе Прокопьевске Кемеровской области можно сказать — «штаб», а можно сказать — «дом». Дом, в котором ребята растут и атмосферу которого сразу чувствуешь, когда переступаешь его порог. По тому, как ребята держатся, о чем говорят друг с другом. И человек примеривает себя к ней, принимает законы этого дома и живет по ним. И через месяц, через год ему уже кажется: так и было.

Они — друзья. И симпатичная девочка с белой косой — председатель штаба — Ира Кузнецова, и рассудительный крутолобый Алеша Чередниченко, и быстрый, энергичный Илья Борисов, знаменосец и член пресс-центра, и черноглазая Марина Нововейская, которая отвечает в штабе за работу с новичками.

Да, есть в штабе и такое поручение. Хозяева помогают войти в свой дом новичкам. Сама Марина пришла когда-то в штаб вместе с сестрой Ниной. Сейчас Нина уже взрослый человек, учится в педагогическом институте. А ее работу в штабе

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ ПИОНЕРСКИХ ОТРЯДОВ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

продолжает по наследству младшая сестра. И таких пионерских династий в штабе несколько.

Ведь эту очень важную для дома атмосферу нельзя создать вдруг, сразу. Она создается и бережно сохраняется годами.

Пионерский штаб не отпускает своих повзрослевших ребят.

Раньше, став девятиклассниками, ребята уходили в комсомольский штаб. А теперь остаются. «Молодежь» — пятиклассники, четвероклассники — это, конечно, хорошо. Но обязательно должны быть в штабе и старшие. Это они помогают новичкам на первых порах, поддерживают традиции, атмосферу. Без их опыта штабу никак не обойтись.

И потом, расставшись со школой, став совершенно взрослыми людьми, они все-таки не уходят совсем.

Например, Анатолий Голубев — следователь, занимается в милиции работой с подростками. Может, это именно благодаря ему, благодаря Нине Нововейской, другим штабистам прошлых лет полюбили в штабе петь в свободную минуту «свои», любимые песни, полюбили собираться на веселые «арбузники» и рассказывать, где кто летом побывал, что увидел, что успел. Научились, не жалея себя, говорить в штабе о своих ошибках. Выработали привычку к самостоятельности.

Валера Фалалеев и Толя Голубев, которые постоянно и по сей день приходят в штаб, вспоминают такой случай. Заболела, легла в больницу методист Дома пионеров Маргарита Николаевна Мамина, друг и помощник ребят. Волновалась. Вечный страх взрослых: «Как там без меня? Не остановилась ли работа штаба, не опустили ли ребята руки?»

Вдруг в палате посетители — штабисты с цветами и сообщением-сюрпризом. Оказалось, пока Маргарита Николаевна болела, они работали на разгрузке вагонов с песком. На полученные деньги купили баян и отправили его в подарок бригаде монтажников Виктора Новикова, с которой уже давно крепко дружат.

Эту традицию постоянной инициативы, самостоятельности продолжает и штаб наших дней.



Цветы на Горе Ветров

В каждой из сорока школ города есть у штаба свой представитель. Или наоборот. У каждой из сорока школ свой представитель в штабе. Как в копилку, собираются в штаб идеи, предложения, начинания, проекты, возникающие в школах. И лучшие из них, одобренные и детально разработанные штабом, возвращаются обратно. Но уже не в одну школу, а во все сорок. Или только в те, где для них есть почва, где они необходимы.

Место, где находится школа № 32, называется Тырган — Гора Ветров. Пустынное и голое. Таким оно было, во всяком случае, по воспоминаниям, пока за него не взялись ребята из школьного лесничества. Теперь ветер раскачивает на Тыргане головки цветов, шелестит зелеными листьями деревьев. Гора Ветров утопает в зелени. Кроме Тыргана, у лесничества еще немало забот. Двадцать гектаров подшефного леса, который они прочищают, патрулируют. Подкормка птиц, охрана муравейников, первоцветов.

В штабе от этой школы — Сережа Возня. Он и рассказал подробно штабистам о том, как идут дела в лесничестве, пригласил в гости. Штаб внимательно присмотрелся к работе тридцать второй. Так возникла операция «Каждой школе города — школьное лесничество». При этом, конечно, учитывались условия школ. У кого и так вокруг все засажено, а у кого — пусто, у кого — лес под боком, а кому добираться до леса часа два.

Если вы приедете в Прокопьевск летом, ни за что не поверите, что это город угольных шахт, под домами и дорогами которого залегают богатейшие угольные пласты.

Столько в нем зелени и цветов, что скорее скажешь — южный курорт.

Зеленый город на угле.

И каждый в городе знает, чья это заслуга. Ребят! И прежде всего пионерского городского штаба «Уголек».



Мы едем, едем, едем...

За три моря совета просить не ходят... Оказывается, когда надо, и ходят, и просят. Ну, может быть, не за три моря, а вот в другой город собрались однажды штабисты. В гости к пионерскому штабу Ульяновска. Поезд в пути — трое суток. За это время они столько успели концертов для пассажиров дать, столько провели викторин, вечеров поэзии, капустников, шахматных турниров, что проводники только диву давались: сколько ездят, а таких веселых ребят еще не видели.

Когда встречаются знатоки своего дела — нет конца разговорам. Вот им недели показалось мало. Столько нужно было рассказать друг другу! Расставались, плакали — так успели подружиться.

И сейчас время прошло, а та поездка вспоминается.

— Раньше у нас районных пионерских штабов не было. Один городской — на все руки. А ульяновцы нам посоветовали их создать. Мы попробовали, и очень здорово получилось. Районные штабы к школьным делам намного ближе. Штабисты в дружинах каждый день могут бывать.

Они и за три моря готовы идти за советом и опытом. Им интересно то, чем они занимаются сами, и интересно то, что делают другие. Они самостоятельны и всегда рады доброму совету, рады выслушать других.



Активисты или консультанты?

Ребята часто собираются просто поговорить. Наверное, только в таких спокойных, не обидных ни для кого разговорах можно по-настоящему увидеть свои ошибки и просчеты. Однажды зашла речь о том, как работают штабисты у себя в дружине. Обсуждали, рассказывали, примеры приводили. И пришли к выводу: очень часто у себя в школе штабист выступает в роли пассивного консультанта, советы в основном дает. А надо-то, конечно, по-другому. Штабист, решили они, должен бывать в отрядах, на сборах звеньев, советах отрядов. В кружках и школьных клубах. Работать вместе со всеми.

Если организуют в школе «Совет друзей библиотеки», то кто, как не штабист, должен принять в деле самое горячее участие, помочь организовать?

«Ведь мы же пионерские активисты,— говорили ребята,— а не консультанты со стороны».

Однажды в новогодний вечер во Дворце пионеров, почти перед самым началом веселого карнавала, выяснилось, что у нарядных костюмов, в которых будут выступать девочки, не хватает каких-то очень важных тесемочек. Забот у всех было и так предостаточно. И тогда председатель штаба Ира Кузнецова, ни слова не говоря, села сама и стала быстро и споро эти самые тесемочки плести. Случай этот может показаться незначительным. Но так, наверное, и в пионерской жизни. Не должен, конечно, штабист делать за других работу, хвататься за все подряд и мелкие и важные дела. Но если нужна его помощь, должен уметь быть готовым взяться за любую работу без высокомерия и заносчивости, подставить свое надежное плечо.

Г. ДЖАЙЫМБАЕВА, И. ХРИСТОВАЯ.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Про кота Ваську и филина Федю

В этом месяце моему филину Феде исполняется ровно год. Я подобрал его у молодой осины. У птицы было сломано крыло, и дома мама крепко перебинтовала его. Мы решили назвать филина Федей. Когда Федя немного окреп и научился летать, он с удовольствием стал есть мясо, а однажды проглотил целых семь кусочков.

А еще у меня есть кот Васька. Он уже большой, но все равно очень любит играть и озорничать. К Феде Васька относился равнодушно до тех пор, пока не произошла такая история.

Как-то раз, получив по куску мяса, кот и филин разошлись по разным углам. Первым закончил еду Васька. Медленно подобравшись к Феде, он вдруг быстро выхватил его кусок и спрятался под шкаф. Бедный филин от неожиданности даже подпрыгнул. А потом рассердился и что было сил ударил крылом воришку, когда тот высунул голову из-под шкафа. Взвизгнув, Васька бросился бежать в другую комнату, а Федя, схватив мясо, взлетел на стол.

Утром они помирились и с тех пор, мне кажется, стали большими друзьями.

Саша ЗАВАЛЕНКОВ,
д. Замарайка, Липецкая область.

Кто дежурный?



Лидия Михайловна прервала урок и спросила:

— Кто сегодня дежурный?

Класс молчал. Встала староста и виноватым голосом сказала:

— Лидия Михайловна, мы еще не успели составить график дежурства.

— Хорошо, после урока решите сами, кому остаться дежурить.

Кончились уроки, и староста оставила весь класс.

— Ну, давайте скорей решать,— заторопил всех звеньевой Саша.— Мне в драмкружок надо.

— А мне на плавание, у нас сегодня соревнование! — крикнул Петя Чижов.

— Подумаешь, соревнование,— сказала Таня.— Мы с мамой на балет Чайковского идем.

Тут все начали кричать, спорить, рассказывать о своих делах. В класс вошла Лидия Михайловна и спросила:

— Ну, кто же останется дежурить?

Староста еще раз посмотрела на ребят и решительно сказала:

— Все!

Земфира КАЛИММУЛИНА,
г. Уфа.

Валерий МЕДВЕДЕВ,
дипломант международного конкурса имени Ганса-Христиана Андерсена

Рисунки М. ПЕТРОВА.

ПОТРЯСАЮЩЕЕ НАУЧНОЕ ЗАКРЫТИЕ Димы КОЛЧАНОВА

РАССКАЗ

«...О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух.
И опыт — сын ошибок трудных
И гений — парадоксов друг...»
Александр Пушкин.

Ну, конечно же, в первый день нового года Дима Колчанов проснулся раньше обычного и первым делом, свесившись с постели, заглянул под кровать. Интересно же, что подарил Диме его дед Мороз в этот Новый год?

Дед Мороз вообще дарил Диме подарки, и не только под Новый год, а к каждому празднику или в день рождения и даже просто так. Возьмет да и подарит что-нибудь необыкновенное.

Димина мама говорила, что дед Мороз балует ее сына, но что было делать, если Димин дед Мороз приходился Диме близким родственником и даже жил с ним в одном доме, только в разных квартирах. Вы, конечно, мне не поверите.

«Чепуха! — скажете вы.— Так в жизни не бывает, чтобы сказочный Дед Мороз был кому-то родственником да еще жил в одном доме?!» «А вот и бывает,— скажу я вам,— ну, хотя бы потому, что этот дед Мороз был отцом Диминой мамы и по праву считался Диминым дедушкой, а Морозом он был потому, что у него была такая редкая фамилия — Мороз. И, как всякий дедушка, который любит своего внука, он дарил Диме всевозможные подарки, да такие, каких не найдешь ни в одном магазине. Потому что Димин дедушка был конструктор и изобретатель. Вот и на этот раз под кроватью Диму ожидала какая-то загадочная коробка. Вытащив ее из-под кровати, Дима распаковал и увидел там какой-то непонятный прибор, что-то вроде фотоаппарата с длиннофокусным объективом, только на вид еще непонятнее и загадочнее. К аппарату была приложена инструкция, напечатанная на машинке. Из инструкции выяснилось, что его родной дед Мороз подарил Диме силомер своего собственного изобретения. Достаточно было навести этот прибор на группу людей, занятых какой-нибудь работой, как этот силомер определял, сколько кем потрачено энергии. Причем силомер мог работать даже в темноте.

— Потрясно! — сказал Дима, прочитав инструкцию.

С помощью дедушкиного силомера, скажем, на уроках, когда ученики вроде бы и ничего не делают, а просто сидят и слушают учителя, можно было определить, кто и сколько тратит на это усилий или просто делает вид, что слушает! «Надо сразу же испытать этот силомер на деле!» — подумал Дима.

Торопливо проглотив вкусный новогодний завтрак, Дима первым делом позвонил деду и, поздравив его с Новым годом, поблагодарил за подарок. Затем он обзвонил своих трех дружков — Емельянова, Агеева и Савельева — и тут же назначил им свидание в столярной мастерской их дома.

— Есть потрясающее дело!— пообещал Дима и добавил:— Очевидное и невероятное!..— А на расспросы дружков отвечал:— В Новый год обязательно должно случиться что-нибудь невероятное... в общем, сами увидите!..

Прибежав в столярку, Дима первым делом установил дедушкин силомер так, чтобы его никто из приятелей сразу не заметил. «Предложу им сделать скамейку, а во время работы с помощью силомера проверю, кто из нас сколько тратит усилий. А потом покажу им силомер». Едва успел он замаскировать дедушкино изобретение, как тут же один за другим появились его приятели и снова с вопросами: «Что это за очевидное да что это за невероятное?»

— Вот смастерим скамейку, тогда своими глазами увидите,— пообещал Дима.

Ворчливый Жора Савельев начал было ныть: да сегодня Новый год! Каникулы! Да стоит ли делать скамейку, все равно Чикин ее сломает!..

А шумный Агеев стал кричать, как будто все плохо слышали: «Давайте работать! Ну и что,

что другие гуляют!.. Хотя бы назло этому Чикину!.. Сделаем новую скамейку!»

Емельянов промолчал. Он вообще мало говорил, но много делал.

— Дело добровольное,— сказал Колчанов,— кто хочет участвовать в очевидном и невероятном, пусть остается, кто не хочет, пусть уходит!..

После этих слов Савельев перестал ныть. Обещание Колчанова участвовать в чем-то очевидном и невероятном было сильнее Жориной лени.

Мастерили скамейку целый день с перерывом на обед.

После обеда скамейку покрасили быстросохнущей краской, после чего Дима достал из потайного места силомер своего деда Мороза и стал объяснять Агееву, Емельянову и Савельеву, что за чудесный прибор изобрел его дедушка. Потом он вслух прочитал инструкцию о работе силомера, и все вместе стали на счетчике проверять, кто и сколько истратил усилий во время работы.

Цифры на силомере Диму Колчанова немного озадачили: выяснилось, что меньше всех усилий в работе потратил Костя Агеев, который больше всех кричал утром: «Давайте строить! Давайте скорее! У меня так руки и чешутся!..» Савельев же, который канючил насчет того, что сегодня праздник и что в каникулы вообще надо отдыхать от всего, затратил на постройку скамьи усилий даже больше Емельянова и Колчанова.

— С такими приборами,— сказал Агеев, вникнув в суть дела,— надо знакомить не после работы, а перед... а то тот, кто об этом приборе знает, может для показухи производить больше всех усилий.

— Я работал, как всегда, на совесть, а не на прибор,— взъерепенился Дима, зная, на что намекает Агеев.

Вообще-то Дима сказал честно, что он работал, как всегда, хотя и ему казалось, что усилий на этот раз он прилагает больше, чем обычно.

— Ладно,— сказал Дима,— на этот раз округлим, потому что все работали почти одинаково...

Подсчитали общее число потраченной энергии, получилось по шкале силомера четыре тысячи четыреста усилий. Потом Дима написал на фанерке: «Скамейку сделали...» — перечислил фамилии и ниже вывел цифры: «Истратили четыре тысячи четыреста усилий». После этого стали выносить скамейку во двор.

— Как всегда, Чикин с оркестром ее сломает,— посетовал Агеев.— Новый год. Все гуляют. И призвать их к порядку некому.

— А мы, не как всегда, проверим,— сказал Дима,— с помощью этого силомера, сколько они потратят на это энергии. Интересно ведь...

— Сколько?! — сказал Агеев.— Мы на это почти пять тысяч усилий истратили, а Чикин-Брикин со своей командой в два счета сломает. И какая разница, если они, предположим, не в два, а в четыре счета это сделают?..

— Очень даже большая разница,— возразил ему Дима Колчанов,— раньше они в два счета просто скамейку ломали, а теперь будут знать, что вместе со скамейкой уничтожают почти пять тысяч наших усилий!

— Ладно, пусть ломают,— смирился Агеев,— зато на этот раз мы действительно с помощью этой скамейки и... еще кое-чего уличим Чикина и его компанию в злостной экономии своих сил. Пусть им будет стыдно, что мы все вместе истратили столько сил на работу, а они — нисколько на ее уничтожение.

Скамейку установили возле освещенной разноцветными лампочками и разукрашенной игрушками елки, рядом вбили в сугроб колышек с надписью о количестве истраченных усилий. После этого спрятались в беседке под лавочками и навели на скамейку силомер. Вскоре возле елки появились Чикин, Носков, Шилов и Савосин. Сначала они покрутились вокруг скамьи, как рыбешки вокруг крючка с наживкой. Затем приблизились к ней совсем близко и стали читать надпись на колышке. Прочитав, стали смеяться над этой надписью. Похохотав, начали пинать фанерку ногами. Сбив колышек на снег, принялись за скамейку. Приподняв, грохнули ее о землю. Несколько раз. Одним словом, не прошло и пяти-шести минут, как на снегу валялось все, что осталось от скамейки. Расшвыряв обломки ногами, Чикин и его дружки торопливо скрылись в подворотне.

Не прошло и пяти-шести минут, как на снегу валялось все, что осталось от скамейки.



— Быстро расправились,— сказал Емельянов.

— Как я говорил,— подтвердил Агеев,— в два счета...

— А мы-то, дураки, целый день на нее ухлопали,— сказал Жора Савельев.

— Свети фонариком на силомер,— сказал Колчанов Емельянову, хотя и так было все хорошо видно.— Проверим по силомеру.

Емельянов посветил на силомер. Агеев первым рассмотрел цифру и первый не поверил своим глазам: на счетчике силомера стояла цифра «девять тысяч восемьсот семьдесят три усилия!..» Почти что десять тысяч усилий!

— Неисправный твой силомер,— сказал Коля.

— Почему же неисправный? — переспросил Колчанов, хотя такие большие силы, истраченные на разгром скамейки, тоже обескуражили его.

— Видишь, сколько нащелкал?

— Ерундовый подарочек тебе твой дедушка сделал.— Савельев пощелкал ногтем по корпусу прибора и покачал головой.— Сначала ты соврал, а потом за тобой и силомер.

— И вообще, наверно,— засомневался Юра Емельянов,— на расстоянии измерить истраченную энергию невозможно.

— Невозможно?! — возмутился тут Колчанов.— Да если хотите знать, мой дедушка Мороз открытие сделал! Понимаете,— сказал Дима,— человек излучает энергию, как солнце свет, понимаете? И поэтому-то эту энергию можно измерить! Если мне не верите, это вам все сам дедушка подтвердит, хоть сейчас.— С этими словами Дима схватил под мышку силомер и побежал к дедушке в квартиру. Емельянов, Савельев и Агеев устремились за ним. До самой встречи с дедом Дима, конечно, тоже сомневался в правильности показаний силомера, ведь он с ребятами над скамейкой работали целый день, а Чикин разломал ее в три-четыре минуты. Вбежав с дружками в дедушкину квартиру, Дима, не переводя дух и не раздеваясь, выложил все своему дедушке:

— Во-первых, дедушка, твой силомер врет, а во-вторых, ребята говорят, что вообще измерить на расстоянии потраченную человеком энергию невозможно!..

После этого Дима более толково и обстоятельно рассказал дедушке, что, собственно говоря, случилось и почему они считают, что силомер врет. Выслушав все Димины объяснения, дедушка покопался в силомере и сказал:

— Во-вторых, насчет невозможности измерить на расстоянии затраченные человеком силы и энергию — вот вам моя статья, напечатанная в журнале «Знание — сила».— Дедушка протянул журнал Диме и добавил:— Познакомьтесь на досуге. А, во-первых, силомер в исправности! В-третьих, значит, вы направили силомер на хулиганов, и он показал, что они истратили на разрушение вашей скамейки в два раза больше сил, чем вы?!.

— Да,— подтвердил Дима.

— А в-четвертых, дорогие мои, вы же сделали потрясающее открытие, направив силомер на тех, кто не строит, а ломает!.. Это же прекрасно, что вам пришла в голову такая идея!

— Это не нам,— поправил дедушку Коля Агеев,— это Дима придумал.

— Молодец! — потрепал дедушка Диму по вихрастой голове.— Умница!.. Я бы до этого не додумался. Да у меня и знакомых нет, которые бы ломали то, что я строю.

— Дедушка,— сказал Дима, нахмурив брови,— а почему же это...— Дима не договорил, но дедушка его понял сразу.

— Почему все так, как показал силомер?..— Дедушка встал из-за стола, заваленного книгами, чертежами, журналами, инструментами, и с чувством произнес: — «О, сколько нам открытий чудных готовят просвещенья дух...» Да ведь те, кто ломал скамейку, что они еще делали?.. Трусили?.. Правильно! Трусили и боялись и, значит, тратили и на это силы! Затем им было наверняка жалко эту скамейку! Скамейка-то у вас хорошая получилась?

— Очень хорошая,— подтвердил Коля Агеев.

— Ну вот! — воскликнул дедушка.

— Еще им стыдно было,— добавил Юра Емельянов.

— И на это они тратили силы! — согласился дедушка.

— И совестно! — добавил Жора Савельев.

— «На совестно» тоже тратили силы!..— Дедушка взял в руки свой силомер и указал на счетчик прибора.— Вот он им и нащелкал почти десять тысяч усилий! А теперь вам что надо сделать? — спросил Димин дедушка.

— Надо заготовить еще двадцать новых скамеек,— сказал Жора Савельев.

— Зачем же двадцать? — удивился дедушка.

— Затем,— пояснил Жора,— что когда они начнут их ломать, то на десятой скамейке у них иссякнут силы и они все попадут в больницу!

Димин дедушка засмеялся.

— Мультипликационное решение проблемы... Для начала лучше, чтобы об этом открытии узнали его виновники.

— Точно,— сказал Дима.

Выбежав из дедушкиной квартиры, ребята стали торопливо спускаться с лестницы. Выйдя из подъезда, Колчанов со словами: «Я же говорил вам, что в Новый год обязательно должно было случиться что-то невероятное!» — почти бегом направился в столярную мастерскую в сопровождении Емельянова, Савельева и Агеева.

— Чтоб о чем узнали? — спросил Савельев.

— О нашем открытии, конечно! — ответил Дима.

— Ой, что-то эта артель «напрасный труд» шибко разбегалась! — услышал Дима за спиной голос Чикина. Затем уже за захлопнувшейся дверью глухо раздался свист и хохот.



Усевшись на одну из скамеек, ребята молча смотрели на сыпавшийся с неба снег. В это время из проходной арки появился Чикин со своей компанией.

Забежав в столярку, Дима взял фанерку, приколотил ее к колышку и написал на ней: «Скамейку, которую построили Агеев, Емельянов, Савельев и Колчанов, сломали Чикин, Шилов, Носков и Савосин, истратив при этом девять тысяч восемьсот восемьдесят три усилия!!!»

Колчанов с криком «За мной!» — с колышком на плече устремился во двор, где возле елки лежала разбитая скамейка. Там топталась чикинская компания. Дима подбежал к сугробу и стал втыкать в него колышек.

— Что-то наши «трудовые резервы» давно не получали от вас новой продукции,— хитро сказал Чикин, наблюдая за Колчановым.

— Очень хочется поставить знак качества,— поддакнул Чикину Борис Шилов.

Дима молча продолжал вбивать колышек в сугроб.

— Похоже, что Братья Самоделкины перешли на плакаты,— сказал Чикин, затем он, сощурив левый глаз, презрительно осмотрел показатели силомера, написанные на фанерном щитке, и спросил.— Интересно, какой же придурок подсчитал эти показатели?.. Колчанов, конечно?..

— Это все подсчитал не придурок, а аппарат,— с достоинством ответил Агеев.

— Ребята, смотрите,— неожиданно сказал Колчанов.— Они и сейчас все еще тратят силы...

— Точно,— понял Агеев, что имеет в виду Колчанов,— Чикин и сейчас продолжает бояться, что им попадет за разбитую скамейку.

— Что такое? Что такое? Что такое? — громко закричал Чикин.

— Потрясающее научное открытие, а не «что такое»: **тот, кто ломает, тратит больше сил, чем тот, кто это сделал.** Хотите, можете присутствовать при подтверждении этого открытия!

— Жаловаться ходили к дедушке? — понял все по-своему Чикин.

— Ты разговор не переводи,— оборвал Чикина Колчанов,— ты говорил, что силомер врет. Сейчас мы вам всем на деле докажем. Если, конечно, хотите участвовать в проверке научного открытия.

— И как же это вы нам докажете? — спросил Чикин, подозрительно улыбаясь.

— А очень просто,— ответил Колчанов.— Мы все вместе сейчас пойдем в столярную мастерскую и будем делать табуретку. Вы же направите на нас силомер и измерите, сколько мы на это затратим усилий. Потом вы эту табуретку начнете ломать, мы направим силомер на вас и измерим, сколько вы на это затратите усилий.

Чикин насупился, подумал и сказал:

— А может, в вашем силомере еще и кинокамера спрятана? И мы как дураки будем эту табуретку ломать, а вы как умные будете нас

снимать на пленку, потом пойдете куда надо и предъявите эту пленку в качестве вещественного доказательства... Хитрые какие...

— Так, не хотите,— сказал Колчанов,— можем доказать и по-другому, что вы больше нас сил истратили на поломку скамейки.

— Как по-другому? — спросил Чикин.

Колчанов молча надел на Чикина силомер и включил его. Силомер защелкал.

— Вы и сейчас-то продолжаете тратить силы на эту несчастную скамейку,— сказал Колчанов.— Можете убедиться сами.

Колчанов показал Чикину счетчик силомера, который успел за это время нащелкать еще несколько усилий.

Чикин с друзьями недоверчиво осмотрели показатели силомера, переглянулись и помрачнели.

— Да ну их! Силомеры, табуретки...— сказал Чикин, обращаясь к своим.— Еще в «Не проходите мимо» попадешь!..

С этими словами Чикин, втянув голову в плечи, засунув руки в карманы, направился вразвалочку к проходной арке. Носков, Шилов и Савосин потянулись за ним, о чем-то тихо между собой переговариваясь.

Дня через два «колчановцы» вынесли во двор днем две новые разноцветные скамейки и поставили возле елки. Усевшись на одну из скамеек, ребята молча смотрели на сыпавшийся с неба снег. В это время из проходной арки появился Чикин со своей компанией. Компания подошла к «колчановцам» и уставилась на них. Потом Савосин сказал:

— Стряхнем и хрястнем?

Чикин молчал долго. Он сказал:

— Да чтоб я больше их сил на это тратил?.. Пусть поищут дурака на другом дворе!..— И двинулся к проходной арке.

— Ну, Колчанов,— сказал Агеев,— теперь тебя действительно можно поздравить с потрясающим научным открытием!

Колчанов как-то радостно втянул в легкие свежий морозный воздух и сказал:

— Это дедушку надо поздравить с потрясающим научным открытием... А нас всех можно поздравить с потрясающим научным закрытием.

— Закрытием чего? — спросил Емельянов.

— Не чего, а кого,— поправил Емельянова Колчанов.— Чикина куда только не вызывали: и к домоуправу, и к директору школы, и даже в детскую комнату милиции. Никто с ним ничего не мог поделать, а мы с помощью дедушкиного силомера сделали ему потрясающее научное закрытие.

И действительно, с этого дня Чикина и его компанию словно подменили. Они перестали бить лампочки в подъездах, перестали ломать все, что им под руку попадется, а Колчанова и его друзей всегда обходили стороной. Колчанов, встречаясь с Чикиным, всегда вместо «здравствуйте» говорил:

— О, сколько нам открытий чудных готовят просвещенья дух...

Халмурат САПАРОВ,
лауреат Государственной премии Узбекской ССР

Среди людей хороших

Как я люблю
Шагать среди рабочих,
Идущих кто на смену,
Кто со смены!
И даже путь
Мне кажется короче,
И весь Нукус —
Родного дома стены.

Вот каменщик,
Что впереди на шаг,
Спешит, спешит
Продолжить труд вчерашний.
И будет у кого-то
Свой очаг,
Очаг семьи —
Уютный и домашний.

А вот смеются
Заводские парни.
Вот старый пекарь
Вышел из пекарни:
Он щурится от света,
Весь в муке,
Усталый пекарь
В белом колпаке.

Как я хочу
Среди людей хороших,
Простых,
Неунывающих людей,
Увидеть вдруг
Окрепших и подросших,
Шагающих на смену
Сыновей!



Крошка хлеба

Прошу тебя:
Не оброни, сынок,
Когда лепешку ешь,
Хоть крошку хлеба!
Мы собирали
Каждый колосок,
Когда грозой войны
Гремело небо.

Тот хлеб спасал
Москву и Ленинград,
Жизнь продлевала
Даже хлеба крошка...
Но и сейчас
Оплачена стократ
Трудом нелегким
Каждая лепешка.

Да сколько ж им
Пришлось познать невзгод —
Тем людям,
Что на нивах уставали,
Что ту лепешку —
Чуть не целый год! —
Из рук своих
На стол передавали.

Не раз прощал
Тебе я озорство.
Я знаю: детство
Без игры нелепо.
Но не смогу простить
Лишь одного —
Хоть крошки
Всуе брошенного хлеба!

Верблюд

Погляди —
У верблюда горбы,
Словно две корабельных трубы.

По пустыне
Шагает верблюд.
По Аралу
Плывет теплоход.
И друг друга они узнают
И сбавляют поэтому ход.

На верблюде — с мукою мешки,
На борту теплохода — руда,
И несут они их
В кишлаки,
И везут они их
В города.

Вот в пустыню
Гудки донеслись,
Трубный голос —
В аральскую синь:
Это встретились
И разошлись
Работяги морей и пустынь.

И покачиваясь, идет
По пустыне морской
Теплоход.
И плывут
Над песками горбы,
Словно две корабельных трубы.

Перевел с каракалпакского
Ю. КУШАК.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.





У БАБУШКИ — ЛЕГКИЕ РУКИ

Узнав о Всесоюзном поиске «Судьба семьи в судьбе страны», я решила рассказать о своей бабушке — Марии Ивановне Зелент.

В ее трудовой книжке стоит только одна запись: «Принята на работу в Червоннопартизанскую сельскую больницу медсестрой».

Еще в военные годы закончила моя бабушка медицинское училище в городе Нежине, и ее направили на работу в госпиталь, который был в нашем селе... Дальше — трудные послевоенные годы. Муж в армии. Сама с маленькой дочуркой дома. И работа. Напряженная работа. Сколько горя пережила вместе со своими больными бабушка, сколько чужих несчастий! И каждого человека старалась успокоить, вселить надежду на выздоровление, на будущее. Шли к ней за помощью в любое время, потому что знали: поможет, разделит твое горе, спасет.

В те далекие трудные годы стала бабушка донором и носит это высокое звание до сих пор.

Потом стала она патронажной сестрой — лечила новорожденных детей. И сейчас говорят люди, что хорошей помощницей матерям была Мария Ивановна. А с 1970 года и до самой пенсии работала моя бабушка в физиотерапевтическом кабинете нашей больницы.

Чтобы стать патронажной сестрой, чтобы работать в физиотерапевтическом отделении, бабушке не раз приходилось заново учиться, ходить на занятия. И где бы она ни училась, везде получала отличные оценки. Я тоже стараюсь учиться на «отлично», не хочу отставать от бабушки.

В нашем селе все любят мою бабушку, уважают ее за доброту и честность. И она всегда с большой теплотой говорит о хороших людях.

Очень любит бабушка молодых врачей и сестер, помогает им всегда. То ли нужно стенгазету выпустить, то ли отчет написать — все бегут к Марии Ивановне за помощью. И она никогда и никому не отказывает.

Сейчас моя бабушка вот уже целый год на пенсии, но по-прежнему работает в больнице.

А еще она очень любит цветы. Во дворе у нее словно в сказке.

Вообще у моей бабушки легкие руки: и людей лечить, и цветы сажать.

Во всем я хочу быть похожей на нее.

Света ЛИТВИНЕНКО, с. Червонные Партизаны, Черниговская область, УССР.

МЫ — ДЖУАНЫШПЕКОВЫ

Мы решили написать об истории нашей семьи.

Прадед наш был батраком. Всю жизнь он гнул спину на бая-феодала. Он так ничего светлого в жизни не увидел. Не дожил прадед и до Великой Октябрьской социалистической революции.

Судьба его сына тоже сложилась бы печально, если бы не 1917 год. Свобода хлынула в казахские степи. Дедушка стал агрономом. Сильно любил он свою землю, Родину.

Началась Великая Отечественная война. Дедушка ушел на фронт. Почти всю войну прошел он разведчиком артиллерии.

И вот фронт подошел к Кенигсбергу (сейчас — город Калининград). Война шла к концу. Кенигсберг считался настоящей крепостью. Советские солдаты все же взяли его. Но бой за этот город для деда был последним.

Жена его, наша бабушка, — мужественная женщина. Она прожила трудную, но настоящую жизнь. С двенадцати лет она пошла в школу. Потом работала самоотверженно в войну и после войны. Когда бабушке исполнилось тридцать лет, ее назначили заместителем министра. И Родина не забыла труд нашей бабушки. Ее наградили орденом «Знак Почета», множеством грамот. Ныне она персональный пенсионер, но не может жить без работы. Бабушка трудится в учетно-кредитном техникуме.

Наши отец и мать — филологи. Папа — кандидат наук, преподает литературу в институте. Мама — старший преподаватель французского языка. Родители хотят, чтобы мы стали настоящими людьми, как бабушка и дедушка: чтобы внесли свой вклад в судьбу Родины. Мы, младшее поколение Джуанышпековых, будем стремиться к этому.

Есет и Ержан ДЖУАНЫШПЕКОВЫ, г. Алма-Ата.

ГОРЖУСЬ СВОЕЙ ТЕТЕЙ

Я с большим интересом читаю, как многие ребята пишут о своих бабушках, дедушках, мамах и папах. А я решила написать о своей тете — Елене Михайловне Торговкиной. У моей тети — беспокойная, счастливая жизнь. Она родилась в 1920 году. У нее рано умерли родители, и ее взяли к себе родственники Торговкины. Но они уже были старенькие, и пришлось ей в тринадцать лет пойти работать.

В годы Отечественной войны она тоже трудилась не покладая рук. Поэтому и была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Еще у нее много грамот, медалей и один орден.

Елена Михайловна в шестидесятые годы была депутатом Верховного Совета Якутской АССР. За хорошую работу награждена поездкой в Москву. Тетя говорит, что эту поездку, как прекрасный праздник, она никогда не забудет.

Хотя сейчас тете шестьдесят один год и пора на пенсию, она работает, доит коров. На ферме тетя проработала всю свою трудовую жизнь — сорок восемь лет.

Я горжусь своей тетей и от всей души желаю ей крепкого здоровья и успехов в работе.

Уля ОЩЕПКОВА, с. Кятчи, Олекминский р-н, Якутская АССР.

Сегодня мы в Министерстве легкой промышленности СССР — в красивом высотном здании на проспекте Калинина. Нас — корреспондента журнала «Пионер», московских пионеров и их педагогов — принимает министр легкой промышленности СССР Николай Никифорович ТАРАСОВ.



ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Н. Н. Тарасов. Мне очень приятно видеть вас, дорогие ребята, здесь, в штабе нашей отрасли — в Министерстве легкой промышленности СССР. Приятно видеть вас такими веселыми, красивыми.

Наша промышленность немало делает для того, чтобы все советские люди были хорошо одеты, обеспечены хорошими тканями, обувью, трикотажными изделиями, другими товарами, нужными каждой семье. Дело это важное, государственное. Недаром на XXVI съезде КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев сказал: **«Производство товаров для населения, развитие сферы услуг — это первейшее партийное дело. Так и нужно к нему относиться».**

На одиннадцатую пятилетку наша Коммунистическая партия наметила широкую программу улучшения жизни советского народа. И мы, работники легкой промышленности, знаем, что тоже в ответе за выполнение этой программы — за то, чтобы больше было хороших товаров для советских людей.

Стараемся мы, чтобы и детские товары были хорошего качества, отдаем этим фабрикам лучшее сырье, лучшие станки. И все же знаем — есть еще к нам претензии. Не всегда хватает наших товаров, не всегда хороши они по качеству.

О том, как справиться с недостатками, шла речь в специальных Постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР. В Постановлениях говорится, как лучше и быстрее осуществить решения XXVI съезда КПСС, как добиться улучшения качества товаров народного потребления и расширить их производство. Пути для этого есть разные. Скажем, чтобы быстро увеличить выпуск таких нужных товаров, как колготки или махровые полотенца, не обязательно начинать дорогостоящее строительство новых гигантских предприятий. Можно быстро ввести в строй ряд небольших филиалов действующих предприятий, и тогда продукции станет больше, а затрат потребуется не так уж много. Мы рассчитываем, что серьезная реконструкция действующих фабрик и заводов, оснащение их новой техникой помогут нам быстро решить многие проблемы. И в 1981—1985 годах мы уже значительно увеличим выпуск товаров, которые нужны каждой семье.

Корреспондент журнала «Пионер». А какие новые товары для ребят появятся в одиннадцатой пятилетке?

Н. Н. Тарасов. Товаров новых будет много: как мы говорим, «ассортимент обновится на шестьдесят процентов». Все новинки и не перечислишь. Скажу лишь о направлении нашей работы.

Модели для детей и подростков разрабатываются и очень серьезно обсуждаются на совещаниях специалистов стран — членов СЭВ. Конечно, для современной одежды спортивного стиля и ткани понадобились новые. Чистая синтетика, которая еще недавно была в моде, и тяжелые плотные ткани сейчас уже не годятся. Пришлось перестраивать производство тканей, делать их облегченными, а главное — создавать и осваивать ткани совершенно нового типа — «смешанные», где натуральные волокна соединяются с синтетикой. Мы уже начали выпускать такие ткани — например, хлопко-лавсановую джинсовую ткань или хлопчатобумажный вельвет с добавлением синтетики. Такие ткани берут лучшее от синтетики (не мнутся и хорошо держат форму) и от хлопка (легкость, гигиеничность, способность пропускать влагу, воздух).

Уже сейчас мы шьем из этих тканей на наших фабриках одежду, которую вы любите,— куртки, комбинезоны, брюки, пальто, ру-



башки, юбки. В одиннадцатой пятилетке обновится весь ассортимент швейных изделий для детей — большинство моделей будет нового стиля, из новых тканей. А если захотите сшить что-то по своему вкусу — пожалуйста, в этом году новые ткани появятся в наших магазинах.

Лена Толченова. Скажите, пожалуйста, Николай Никифорович, а как будет со школьной формой для девочек? Она останется такой же темно-коричневой?

Н. Н. Тарасов. А что вам в ней не нравится? Цвет слишком темный? Что ж, я сообщу об этом министру просвещения СССР Михаилу Алексеевичу Прокофьеву. Цвет и модель школьной одежды утверждаются в Министерстве просвещения СССР. А мы только шьем по утвержденному образцу. Стараемся, конечно, шить прочно, дешево и красиво.

Четыре года назад рассматривался вопрос о школьной форме, и было решено для девочек школьную форму оставить прежней. А то, что в прибалтийских республиках школьная форма выглядит современнее,— это верно. Но ведь каждая республика решает этот вопрос самостоятельно. Видимо, и нам надо снова к нему вернуться.

Феликс Космовский. Вот вы, Николай Никифорович, говорите, что больше будет товаров для ребят, и спортивных, наверное, тоже. А какие рисунки будут на новых майках и футболках?

Н. Н. Тарасов. А какие бы вы хотели?

Феликс Космовский. Портреты наших игроков, лучших футболистов.

Н. Н. Тарасов. Ну, я не думаю, что так уж удобно бегать по полю в майке с фотографией любимого игрока. Можно ведь и запачкать и порвать портрет — неуважительно будет, верно?

Но мы готовы рассмотреть ваши предложения и ваши рисунки. Присылайте их в редакцию, а наши художники и дизайнеры выберут лучшие и наиболее подходящие для производства. Можно даже конкурс объявить в журнале «Пионер».

Н. Р. Бершадская, учительница. А как испытываются новые товары? Как, например, определяют прочность обуви? Нередко новые ботинки у ребят быстро изнашиваются.

Н. Н. Тарасов. Каждая вещь, которую мы выпускаем, должна отвечать определенным требованиям, стандарту, быть высокого качества. И все же есть предприятия — и среди них некоторые обувные фабрики,— чья продукция не пользуется спросом, а нередко даже покупатели возвращают ее назад. Мы стараемся, чтобы таких случаев не было, боремся за высокое качество наших товаров. Принимая критику, хочу все же сказать сейчас о другой стороне вопроса. Не забывайте, дорогие ребята, что обувь надо беречь. А на вас ведь все горит! Я сам бывший футболист и хоккеист и знаю, как бывает: хотел по мячу ударить, попал по камню, а подметка долой! Спать ложитесь, а вещи часто бросаете кое-как, комком на стул. А если ботинки чистить каждый день — они и изнашиваться так быстро не будут. С детства надо быть бережливым и экономным.

Корреспондент журнала «Пионер». Многие наши читатели собираются идти учиться после школы в ПТУ. Какие профессии нужны в легкой промышленности?

Н. Н. Тарасов. Профессии у нас разнообразные, на любой вкус: швея-мотористка, прядильщица, ткачиха, оператор вязальных и других машин, обувщик. А ПТУ есть в любом городе, где работает наша фабрика или комбинат.

Но главное, труд у нас очень интересный! Все знают Валентину Николаевну Голубеву — ткачиху из Иванова, Героя Социалистического Труда. Осенью прошлого года она



Вот такие нарядные детские платьица, рубашки, сарафанчики, комбинезоны выпускает московское швейное объединение «Смена» — крупнейшее в Европе.



вместе с подругами выполнила по четыре годовых задания — меньше, чем за один год!

Я знаком с Валентиной Николаевной, это обаятельная женщина, у нее хорошая семья. С ней приятно поговорить, побеседовать. И в то же время это мастер экстракласса!

Мне было интересно побывать у нее на участке, ведь сам в юности ткачом начинал. Но когда я узнал, что она на тридцати станках работает, не поверил. Очень уж велики нагрузка, напряжение. Но бывают такие одаренные от природы люди — у них в руках все горит. Вот и Валя Голубева такая. Работает она в Иванове, а такие же прекрасные люди есть и в Костроме, и в Ярославле, и в Ленинграде.

Приходите к нам, учитесь в наших ПТУ — будете такими же мастерами!

Марина Горохова. Расскажите о себе, пожалуйста, как началась ваша работа?

Н. Н. Тарасов. Я вырос в Орехово-Зуеве. Есть такой город текстильщиков под Москвой. Там же учился, окончил ФЗУ. И там же начинал работать — ткачом на фабрике. Потом учился в институте, служил в армии. И снова вернулся в легкую промышленность.

Феликс Космовский. А многое изменилось на производстве за это время? Где-нибудь еще есть ручной труд?

Н. Н. Тарасов. Ручного производства нет у нас нигде — ткачество ручное вообще кончилось сто лет назад!

Давно ушли в прошлое такие профессии, как чесальщик, трепальщик. Многие профессии умрут в недалеком будущем, их заменит одна — оператор различных машин. А раз больше становится машин — особенно зовем мальчиков, юношей в наши ПТУ, на наши фабрики и комбинаты. Наладчик машин — это мужская профессия. Еще раз хочу подчеркнуть: ПТУ нашей отрасли есть практически в любом городе, где работают наши предприятия — швейная или ткацкая, обувная или прядильная фабрики, разные комбинаты и объединения.

Корреспондент журнала «Пионер». Можно ли вкратце рассказать, как создаются новые модели?

Н. Н. Тарасов. Здесь разработана целая система. Наш технический совет заранее, за два года, определяет направление моды, и в первую очередь модные цвета. Потом подбираются ткани, и уж затем переходят к созданию моделей фасонов. Когда решено общее, основное направление, начинают работать художники-модельеры всех республик, всех предприятий. Работают такие советы и в странах СЭВ. Затем собираются представители братских стран, просматривают коллекции костюмов каждой страны. Отбирается то, что приглянулось всем. Так возникает единое направление моды в странах СЭВ.

Лена Толченова. А какие цвета будут модны в этом сезоне?

Н. Н. Тарасов. Цвета разные — шоколадный, красный, но важно, что они мягкие, контрастных цветов сейчас нет. С прошлого года в моде цвет сурового, некрашеного полотна или, как еще говорят, цвет топленого молока.

На этом мы сегодня закончим наш разговор, а я приглашаю читателей «Пионера» продолжить его. Ждем ваших писем, предложений, рисунков, вопросов.

От редакции. Все, кто хочет принять участие в разговоре с министром легкой промышленности Н. Н. Тарасовым, могут написать письмо в редакцию. На конверте пометь: **«Письмо министру».** Самые интересные письма с вопросами, рассказами о профессиях, о том, где бы вы хотели работать, предложениями новых рисунков мы передадим Н. Н. Тарасову. **Разговор будет продолжен.**

Беседу записала В. БЛИЗНЕНКОВА.



Света ШВАГЕР живет в Домодедове Московской области. Учится она в третьем классе.

Снегири

Я брожу по лесу,
Я гляжу вокруг.
Белые березы,
Белый сук...
И вдруг
Яркие фонарики
Запрыгали вдали.
Подхожу поближе —
Вижу:
Снегири!

«Я пишу про коней, потому что хожу на ипподром и занимаюсь в конной секции. Мой любимый конь — Сектор. Про него мои стихи». Инна БАРАНЦЕВА, г. Новосибирск.

Мой конь

Много коней на свете,
Всех не перечесть.
Но один — самый любимый —
У нас в конюшне есть.
Он самый тихий, спокойный,
Конь любимый мой.
Лишь только меня увидит —
Качает головой.
И ржет протяжно, нежно,
Черным глазом косит.
— Сегодня хлеб или сахар? —
Как будто он говорит.
Я угощу его булкой,
Стряхну опилки с него.
На все вопросы скажу вам,
Что нет красивей его!

Препятствие

Посылаешь тихо лошадь — и взлетаешь над землей.
Происходит это быстро, не успеешь крикнуть «ой».
Опускаешься на землю, а потом бывает жаль,
Что твой конь, такой послушный, не уносит тебя вдаль.
Через горы и озера, через мрачный лунный лес
Не взовьется он, как птица, не достанет до небес.

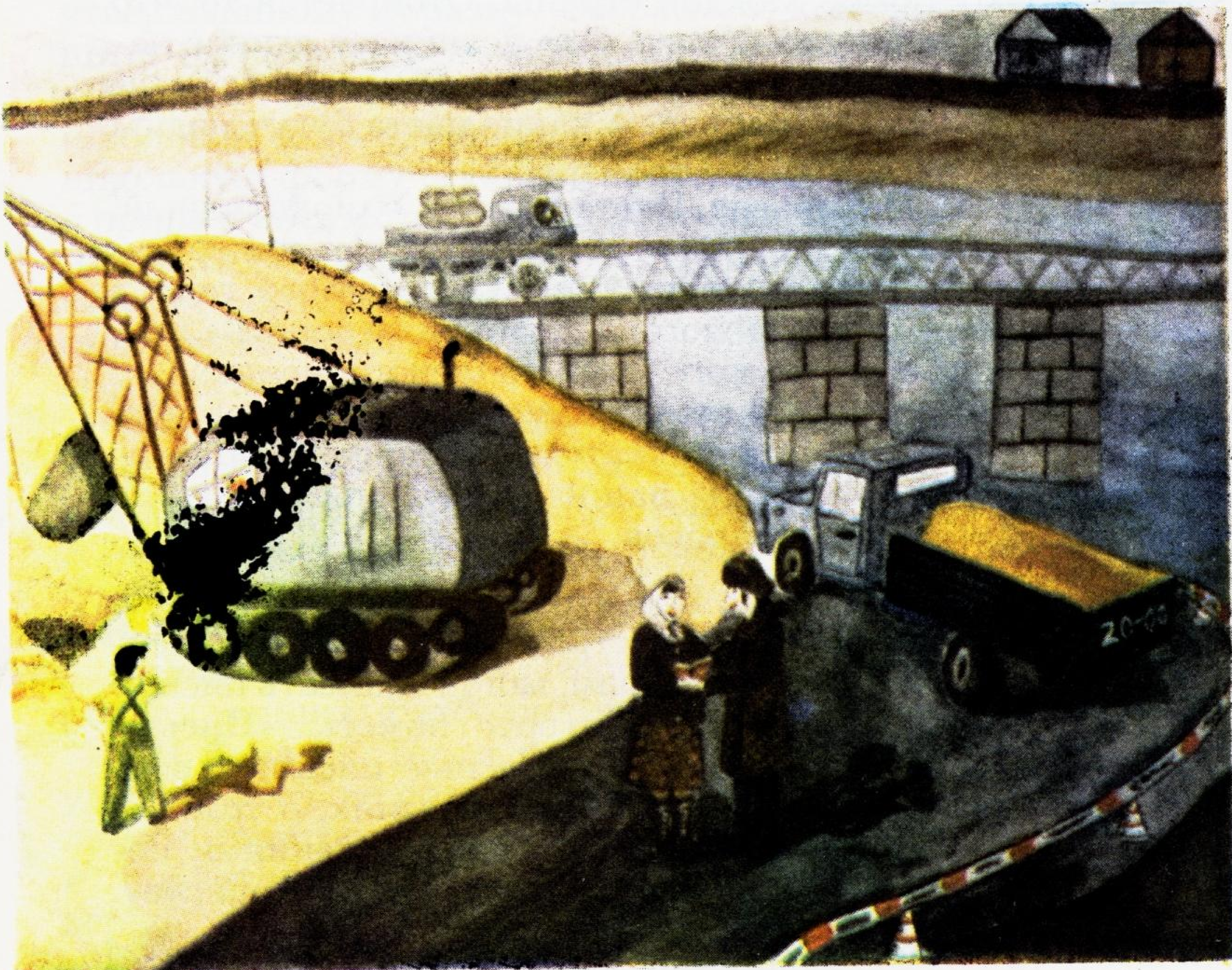


Лере СОКОЛОВОЙ восемь лет. Она занимается музыкой, поет, рисует и сочиняет стихи. Живет Лера в Харькове.

Тяп-Ляп

У щенка Тяп-Ляп
Куцый хвостик.
— Может, его откусила собака?
Нет!
Может, он сам оторвал себе хвостик?
Нет!
А может, потерял?
Нет! Просто он такой родился!





МЫ СТРОИМ.
Рисунок Оксаны ГУБАЙДУЛЛИНОЙ, 12 лет.

ТАБУН.
Рисунок Лили УЭДРАГО, 12 лет.





«Посылаю свои стихи. Для меня самое главное — не напечататься, а понять законы поэзии и не подражать другим поэтам». Станислав ТИМУЛЬСКИЙ, 14 лет, город Томск.

В каникулы

От ветра руки стынут,
Я тру пятак до дыр.
Я каждому троллейбусу
Любимый пассажир!

К зиме, навстречу холоду
Под белый, чистый снег
Иду с утра по городу —
Счастливый человек.

Притихла моя улица,
По первому по льду
Катаются веселые
Мальчишки на пруду.

Я в парке оставляю
Кругом на память след.
Как не любить каникулы:
Уроков в школе нет!

Зима

Пеной белой поле взрыто,
А на ветках слышен хруст.
Выйдешь — снегом все покрыто:
Дом, скамья, сирени куст.

Рыхлый снег лежит, как пена,
Он с утра до блеска чист.
Ноги вязнут по колена,
А внизу — подгнивший лист.

Никуда теперь не деться!
До весны зима с тобой.
И захочется согреться:
Съехать с горки ледяной.

Мир предстанет обновленный,
Затерялся птичий крик.
Снежной сказкой липы, клены
Нам покажутся на миг.

Таня КОСЕНКО из Винницы прислала в «Кораблик» математическую сказку. Таня учится в 7-м классе.

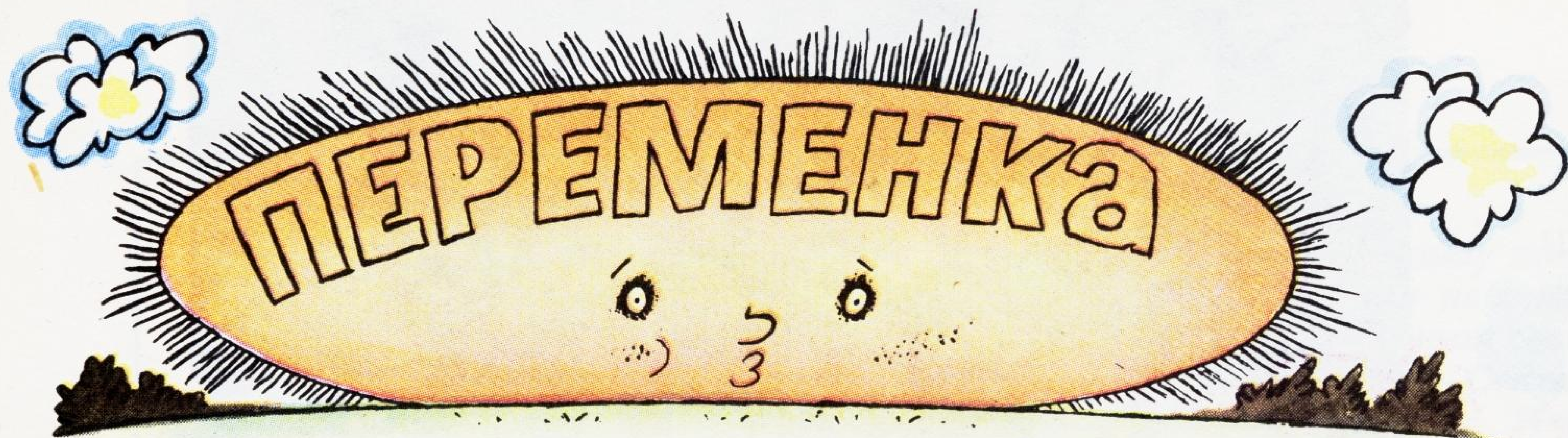
Приключения Ноля

В стране Математической, в городе Арифметинске, на улице Архимеда жил добрый Ноль. Он никогда никому ни в чем не отказывал. Если какое-нибудь маленькое число хотело увеличиться, то Ноль дописывался к нему несколько раз, и число сразу увеличивалось, становилось важным и гордым.

Одно только не нравилось Нолю. Ему не нравилось, что при умножении его на какое-либо число это число совсем исчезало. Ноль доложил об этом королеве Цифрине. На следующий день по всему городу были развешены листы с приказом:

«Во избежание несчастных случаев в Арифметинске запрещается делить на ноль. Умножать же на ноль можно только в самых крайних случаях. Кто ослушается, будет выгнан из города. Кто ослушается дважды, будет казнен. Ее величество королева Цифрина и Правящий кабинет».

Ноль очень обрадовался приказу: теперь он мог жить спокойно. Но вот один чудак по фамилии Софизмов взял и доказал, что $2\times2=5$, применив деление на ноль. Жители города схватились за животы от смеха и стали называть это доказательство, а также все другие — с искажением правил — «математическими софизмами».





Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи нам о природе берегов Персидского залива...

Ученик. Там растут персики...

Лариса Горб,
г. Днепродзержинск.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Назови устаревшие слова.

Ученица. Бабушка, дедушка, Баба Яга.

К. Мелконян,
г. Сухуми.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Что ты знаешь о походах Александра Македонского?

Ученик. У него было войско, возглавляемое слонами.

Светлана Шевченко
и Ирина Охотникова,
г. Омск.

* * *

Учитель. Как называли борцов в Древнем Риме?

Ученик. Аллигаторами.

Елена Донцова,
г. Запорожье.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. Почему растениям нельзя давать много удобрений?

Ученица. Чтобы они не растолстели.

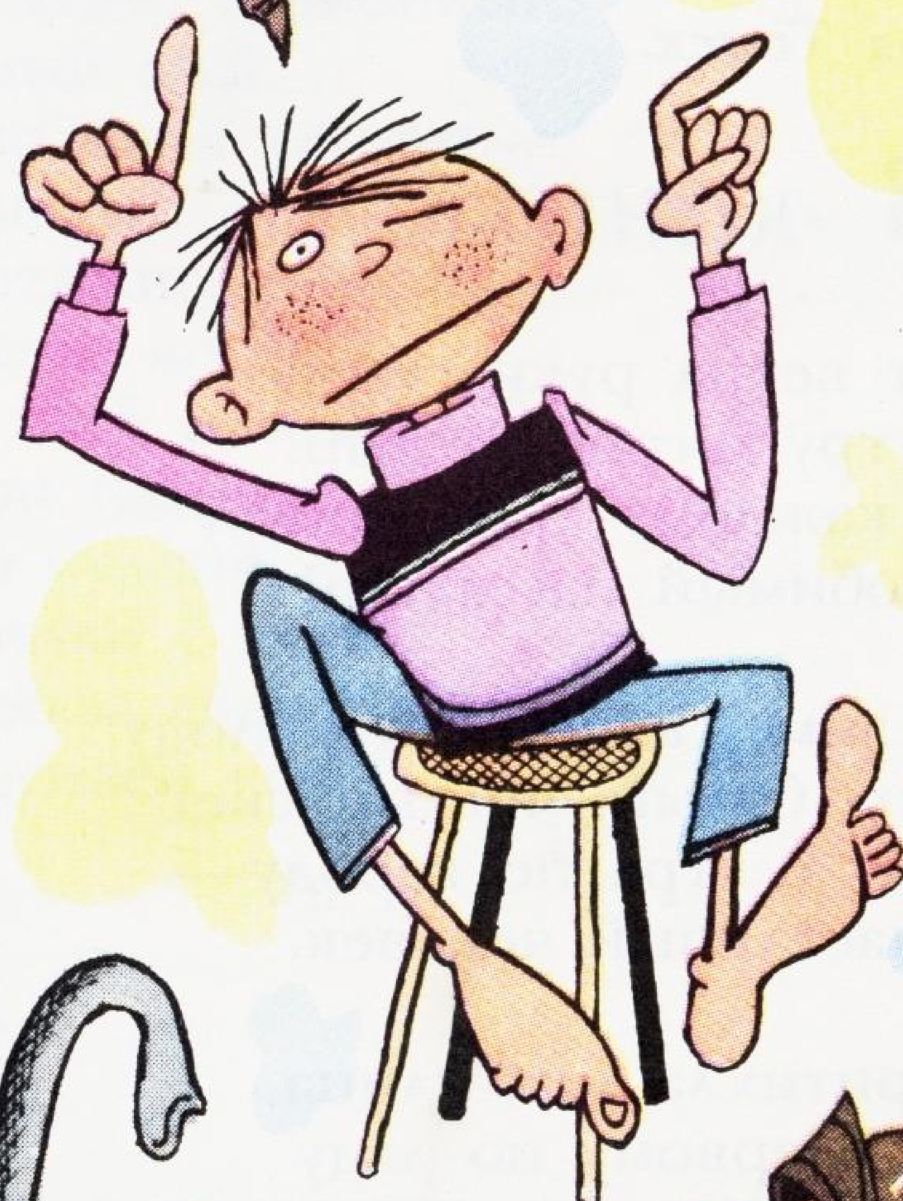
Игорь Леушкин,
г. Ухта.

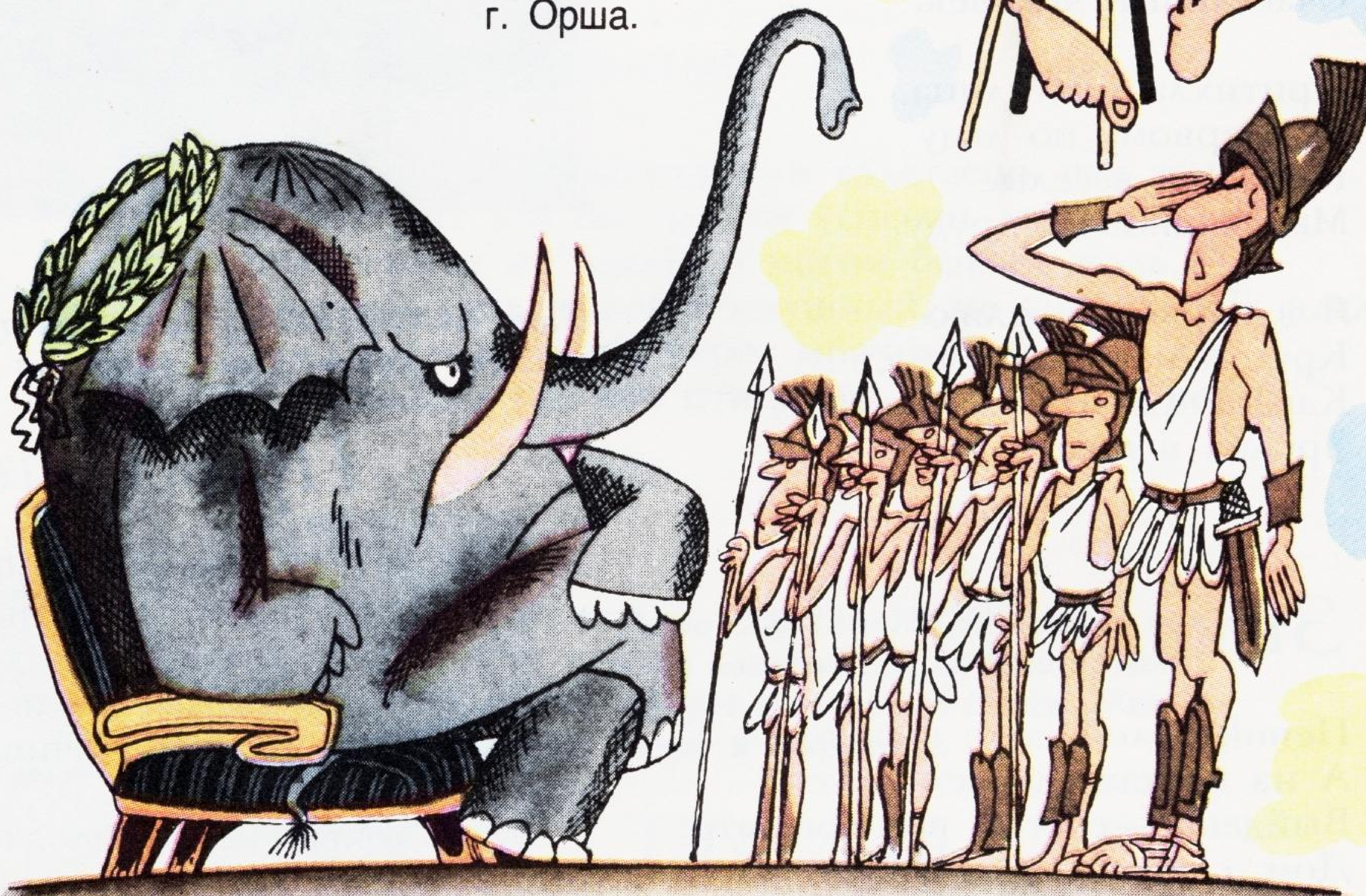
НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Что было бы с человеком, если бы с его тела не испарялись капельки пота?

Ученик. Он бы утонул.

Александр Матюк,
г. Орша.







Из школьных сочинений

«Уже давно пыхтел рассвет».
«Петя сидел молча и разговаривал».
«На столе стояла ваза и опрокинутый стакан с водой».
«Гоголь написал кинокомедию «Ревизор».
«У нее на руках были мозоли и все хозяйство».
«Гаврик был сиротой, но не круглой — у него был дедушка».
«Борис сунул руку в карман, зажал маузер, и все упали насмерть».
«Из-за угла показалась лохматая голова, а вскоре показались ноги. Это был мой друг Петя».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Анатолий САЛУЦКИЙ

ЗАВОД XXI ВЕКА

Комсомольские стройки... С каждым годом, с каждой пятилеткой все больше становится их на карте нашей Родины. Со всех краев спешит сюда молодежь, буквально штурмуя курсы рабочих профессий.

Что-то чрезвычайно важное происходит в людях в эти годы — первые годы самостоятельной жизни. Ведь на стройки едут те, кто уже начал трудовую жизнь. За плечами либо служба в армии, либо коротенький трудовой стаж...

Почему же, уже начав взрослую жизнь, многие смело меняют курс, едут на комсомольские стройки, в новые, неизвестные края, овладевают новыми профессиями? Чем привлекают молодежь комсомольские стройки? Какие возможности открываются здесь перед молодыми рабочими и строителями?

Сегодня наш рассказ об одной из таких строек — об «Атоммаше», о том, как складываются здесь судьбы молодых.

«Атоммаш»

Волгодонский «Атоммаш» — это один из самых больших заводов в мире, выпускающих ядерные реакторы для атомных электростанций.

На «Атоммаше» все каких-то циклопических масштабов. Главный корпус «Атоммаша» высотой с пятнадцатиэтажный дом. Под его крышей свободно могут разместиться сразу семь олимпийских футбольных полей — так велики площади цехов. А на рабочем столе одного из станков может без труда расположиться целый школьный класс со всеми партами и учебниками. И еще осталось бы место, где порезвиться на переменке! Даже гайковерт, иными словами, гаечный ключ для завинчивания гаек на корпусе реактора, весит... семьдесят тонн!

Но дело не только в размерах. Станки, которые установлены на «Атоммаше», вполне смогли бы работать на заводах будущего — в третьем тысячелетии. Здесь и лазерные установки, и электронно-лучевая сварка, и многое другое. Не случайно президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров сказал об «Атоммаше»:

— Это завод XXI века!

Прямо в заводском корпусе построены три рентгенокамеры. Это пятиэтажные дома без окон и дверей с бетонными стенами трехметровой толщины и воротами весом в тысячу тонн. На массивных рельсовых тележках туда вкатывают детали реактора, чтобы просветить их лучами: нет ли в металле дефектов?

Станки и агрегаты расставлены в главном корпусе просторно, между ними много свободного места. Иначе не развернешься с громоздкими деталями весом часто до ста тонн! Повсюду снуют маленькие машинки — автоматические подметальщики: ведь уникальные станки «Атоммаша» очень чувствительны к пыли. И прямо на полу, словно на взлетном поле аэродрома, расчерчены зеленые с белой окантовкой коридоры для движения техники и людей.

Так и кажется, что все это фантастическая картинка из журнала «Техника — молодежи». Но нет, это не фантастика и даже не проект, это будни сегодняшнего «Атоммаша».

Людей в цехах почти не видно: по длинным пешеходным дорожкам атоммашевцы попадают прямо к своим рабочим местам. Да и здесь, у станков, людей различишь не сразу. Не видно знакомой фигуры токаря, нагнувшегося над деталью, или сборщика у конвейера. Кажется, что невиданные станки сами, без человека, обрабатывают стотонные детали. Рабочие действительно чуть в стороне, за небольшими пультами с лампочками и кнопками. На «Атоммаше» очень много станков с числовым программным управлением, станков, которые подчиняются командам ЭВМ.

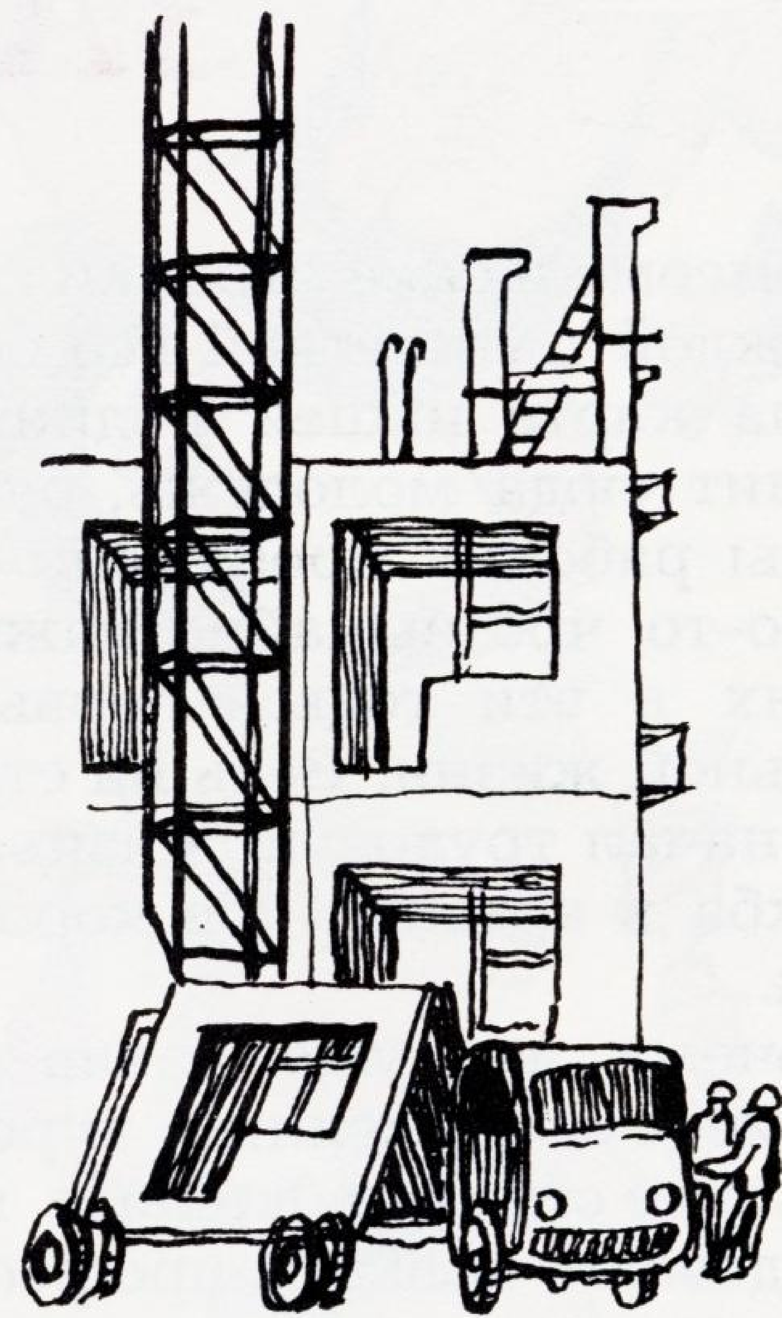
...Однажды я увидел стайку ребят из ПТУ, впервые попавших в главный корпус. Весело болтая, они шли по ярко освещенному тоннелю, выложенному желтым кафелем, поднялись по ступенькам в главный корпус и, пораженные, замерли в изумлении, даже в трепете. Они увидели такую величественную и неожиданную картину, что попросту растерялись. А потом с восторгом пошли от станка к станку, от исполинского пресса к рентгенокамере, от закалочного комплекса к автоматическим сварочным установкам.

Работать здесь, в этом царстве автоматики и чистоты,— мечта многих комсомольцев сегодня. И «Атоммаш» каждый год принимает новые отряды молодых энтузиастов, строителей и рабочих.

Комсомол держит экзамен

Три года назад Людмила Закорлюка впервые переступила порог «Атоммаша». Она окончила ГПТУ в Волгодонске — училась в





Волгодонск — молодой город, поднявшийся рядом с «Атоммашем».

группе сварщиков — и пришла в заводские цехи на практику.

Биография у Люды на «Атоммаше» пока еще очень коротенькая, но яркая и даже замечательная. Не буду ее подробно пересказывать. Вот один только интересный случай. Во многом этот рассказ и будет ответом на вопрос, что же влечет молодых на ударные комсомольские стройки.

...К открытию XXVI съезда КПСС атоммашевцы обязались выпустить корпус первого донского реактора. Чтобы сдержать обещание, предстояло выполнить очень сложную операцию — изнутри покрыть корпус готового реактора слоем нержавеющей стали — для защиты от коррозии.

Работать предстояло в напряженном темпе — безостановочно в течение двадцати пяти суток. Для этого создали специальную сводную комсомольско-молодежную бригаду. В нее должны были войти сорок четыре лучших заводских сварщика.

Попасть в бригаду мечтали многие, но конкурс был очень строгим. Каждому кандидату приходилось сдавать экзамен — наплавлять «нержавейку» на металле с искривленной, как у реактора, поверхностью. И когда, наконец, объявили состав бригады, на заводе ахнули: в бригаде оказалось сорок три парня и одна девушка — Люда Закорлюка! Люда — единственная девушка — была еще и самой юной среди сварщиков — ей едва исполнилось девятнадцать лет.

На общем собрании сварщиков предупредили, что на двадцать пять дней они должны забыть обо всем на свете, кроме сварки. Только работа, сон и отдых. Даже читать не советовали — чтобы не утомлять глаза. Настолько тонкой и сложной была эта работа, что здоровье сварщика, его самочувствие могли повлиять на качество сварки. И перед сменой у всех сварщиков — как у летчиков перед полетом — измеряли давление, пульс и температуру.

Работали в тяжелых условиях. В корпусе реактора, разогретом до 150 градусов, одновременно трудились несколько сварщиков. Тут же были установлены мощные, раскаленные докрасна электроизлучатели, разогревавшие металл. И хотя сварщики были защищены асбестовыми жаронепроницаемыми «простынями», никто не выдерживал больше 10—15 минут. Отработав это время, сварщики покидали «горячую зону», но их места мгновенно занимали товарищи. Наплавка велась непрерывно.

И комсомольско-молодежная бригада блестяще справилась с «боевым заданием». А Люда, выдержав свой личный экзамен, повзрослела, стала опытнее, увереннее в себе как человек и как специалист.

Вскоре ее даже направили в командировку в

далекий город, где надо было срочно выполнить похожую работу. Начальник цеха сказал:

— Мы на тебя очень надеемся, Людмила: дело важное, можно сказать, государственной важности!

И девятнадцатилетняя девушка поехала в первую в жизни командировку с поручением государственной важности. Конечно, она его выполнила и на «отлично»!

Таких примеров на «Атоммаше» много. Молодой завод открывает перед молодыми рабочими огромные возможности, чтобы проявить себя, приобрести опыт, мастерство, уверенность.

Быть там, где труднее

Вспоминаю еще одного атоммашевца, с которым часто встречаюсь,— Леонида Винокурова, бывшего курсанта мореходки. Леонид уже плавал по Атлантике, но вдруг после третьего курса уехал строить КамАЗ. А когда первая очередь завода на Каме начала работать, Леонид перебрался в Волгодонск, чтобы «с нуля» начать другую стройку — «Атоммаш».

На второй день после приезда Винокуров пришел в комитет ВЛКСМ и сказал:

— Я комсомолец Винокуров. Был секретарем комсомольской организации в школе и в мореходном училище. Если надо — используйте.

Леонид стал ответственным за спортивную работу на стройке. Из Набережных Челнов он — как будто знал — привез комплект футбольной формы на целую команду. А на «Атоммаше» создал первую сборную по футболу и сам стал первым ее капитаном. Именно он организовал и комсомольский мотопробег на героическую Малую землю.

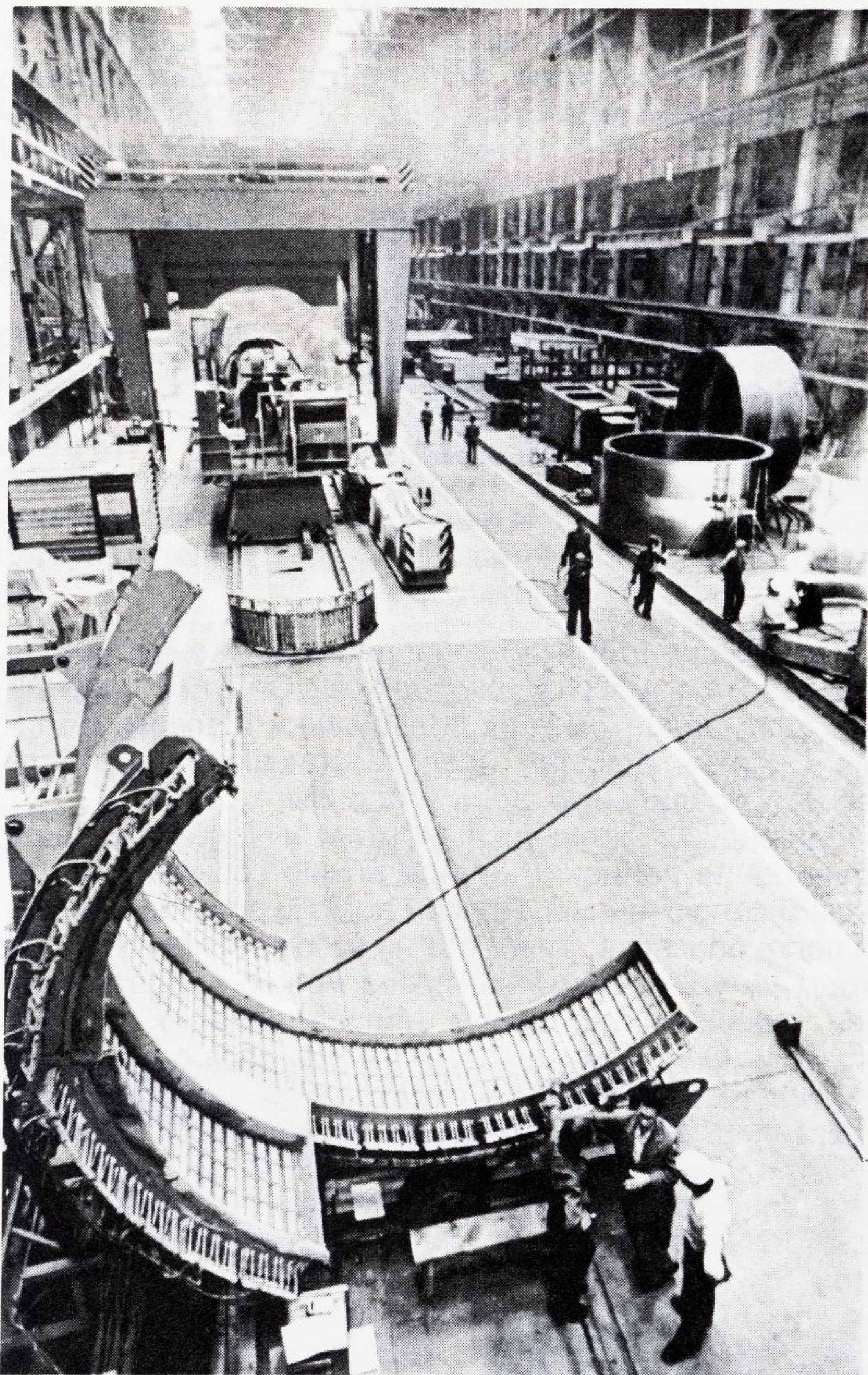
Между тем жизнь шла своим чередом. Винокуров вступил в Коммунистическую партию, стал мастером-строителем, заочно окончил институт. И, конечно, не расставался со спортом: к первым разрядам по футболу и боксу он добавил звание кандидата в мастера по шашкам...

Несколько лет назад его избрали на «Атоммаше» секретарем партийной организации большого коллектива строителей.

Так складывается жизнь Леонида Винокурова, комсомольца семидесятых годов, участника легендарных строек нашего времени — КамАЗа и «Атоммаша».

И многие из тех, кого сегодня называют комсомольцами семидесятых годов, так же, как Леонид и Людмила, находят себя, свое призвание, свою судьбу здесь, на самых трудных участках пятилетки, которые носят гордое название Всесоюзных ударных комсомольских строек...

Фотографии Ю. УСТИНОВА и ТАСС.



На «Атоммаше» все каких-то циклопических размеров.

Со всех концов страны идут грузы на гигантский завод.





Великий Октябрь в моей жизни

Энрике МЕНДОСА,
региональный секретарь Коммунистической партии Аргентины

Что важнее для революционного движения: бомбы или работа в массах трудящихся? Об этом спорили еще в семнадцатом году большевики и эсеры. Великий Октябрь доказал правоту большевиков, помог избрать правильную дорогу борьбы.

Однажды я включил приемник и услышал такое объявление полиции: «Вчера ночью сбежал политический заключенный. Просим помочь розыску. Беглеца легко опознать: у него нет ни зубов, ни ногтей...» По утрам на улицах Буэнос-Айреса можно увидеть женщин, спешащих в одном направлении — к Дворцу юстиции. Они хотят знать, что случилось с исчезнувшими накануне сыном, мужем, женихом... Напрасно. Они ничего не узнают. Лучше идти в городской морг или на берег Рио де ла Плата. После того, как Рафаэль Видéла установил в стране свой порядок, волны Рио де ла Плата все чаще выносят на берег тела расстрелянных и замученных пытками людей.

Как-то раз я подошел на улице к патрульному офицеру и спросил: «Вы не страшитесь будущего? Ведь народ этого никогда не простит». Он зло посмотрел на меня и ответил: «Террористы застрелили моего брата. Я должен отомстить».

Конечно, все эти «монтанерос» — мнимые революционеры с самодельными бомбами — действуют на руку реакционерам, мечтающим потопить в крови прогрессивные силы. В этих условиях наша партия борется за последовательное проведение в жизнь всех демократических преобразований. Видéла может сколько угодно говорить, что он не попирает права человека. Но ему не удастся обмануть общественное мнение.

Социалистические идеи пустили глубокие корни в нашем обществе. Даже мой отец, тихий и скромный школьный учитель, стал убежденным социалистом. И все же по-настоящему к политической деятельности меня приобщили школьные товарищи. Мы не только читали и обсуждали Маркса, Энгельса и Ленина, изучали историю Октябрьской революции, Страны Советов, но и образовали свою марксистскую организацию, наладили крепкие связи со студенческим движением.

Когда после школы я поступил на работу в типографию и одновременно был принят в организацию молодых коммунистов, моим первым партийным поручением стала пропаганда газеты нашей партии.

И в первом же номере, который я взялся распространять, была большая статья о влиянии идей Октября на аргентинское революционное и демократическое движение.

Время не остановить, не повернуть вспять. Аргентинские коммунисты верят, что и на их родину придет мир, справедливость, равенство всех граждан. Но за это счастливое будущее надо бороться. Как боролись русские революционеры.

Намибия будет свободной!

Хэйг ГЕЙНГОБ,
член ЦК Народной организации Юго-Западной Африки (Намибия)

Это было много лет тому назад. Однажды в наше селение пришел путник. Судя по всему, издалека. Он говорил на нашем языке, но не так, как говорили в наших краях. Мы узнали, что был он образованным горожанином, хотя и африканцем. У нас никогда не спрашивают, откуда пришел человек и куда направляется. Путнику полагается дать ночлег, еду, а утром вывести на дорогу, чтобы он не попался белым на глаза.

Но наш гость оказался не робкого десятка. Он собрал нас вокруг себя и завел разговор о житье, о белом хозяине, который скоро разворует все, чем богата наша земля, а нас оставит умирать с голоду. Наши старики ему возражали: мол, так было везде и всегда. Белый приходил со своим законом, а черный подчинялся, если хотел жить. Тогда гость рассказал о большой земле на севере, где простой народ долгое время жил так же плохо, но потом поднялся как один, совершил революцию, сверг своих господ и зажил счастливо и богато. «Как же называется эта земля?» — спросили его мы. «Советский Союз», — ответил гость.

Прошло несколько лет. Я окончил школу и, поскольку не мог найти работу на родине, отправился искать счастье в Южно-Африканскую Республику. Добрался до Претории. Здесь, в лагере для иммигрантов, я встретился с товарищами из Африканского национального конгресса, которые рассказали мне о марксизме-ленинизме, истории вашей страны и Великой Октябрьской социалистической ре-

волюции. Я узнал, что народ, свергнувший много лет назад своих господ, теперь не просто живет свободно, но выступает на стороне других угнетенных народов, помогает им в борьбе против своих поработителей. Тогда же мне стало ясно, что успех революционной борьбы зависит от поддержки ее народом.

Значит, нужна большая пропагандистская работа в массах. А для этого надо много знать, быть политически грамотным. Я сказал своим товарищам о горячем желании участвовать в борьбе. Они посоветовали мне бежать из ЮАР, чтобы продолжить учебу и бороться в эмиграции, как когда-то делали русские революционеры. В 1963 году я нелегально пересек границу ЮАР и Ботсваны и присоединился к патриотам, борющимся в рядах Народной организации Юго-Западной Африки.

Идеи Великого Октября вошли в программу нашей организации. В ней записано, что после получения независимости Намибия будет развиваться по социалистическому пути и что нашей идеологией будет научный социализм.

Конечно, мы понимаем, какие трудности нам предстоят. Расисты запретили у нас распространение всякой социалистической литературы. Положение осложняется еще и поголовной неграмотностью коренного населения. Но мы не сдаемся!

Сейчас расисты создают марионеточное правительство, хотят обмануть мировое общественное мнение и оставить за собой Намибию. Они нашли предателей среди племенной знати, сочинили липовую конституцию, предусматривающую мнимую самостоятельность в будущем году. Но мы знаем по опыту Октября, что марионетки — это последняя попытка спасти обреченный режим.

Удержать власть восставшему народу не менее трудно, чем вырвать ее из рук поработителей. И поэтому уже сейчас мы учимся у народов Анголы и Мозамбика, которые преодолевают как раз такие же трудности, которые предстоят намибийцам в недалеком будущем. У нас нет кадров и нет практического опыта управления государством. Но мы научимся. Я помню, что сразу после гражданской войны Ленин призвал молодых революционеров учиться. И сегодня мы, молодые южноафриканские революционеры, учимся и боремся одновременно. И в этом залог наших будущих побед.

АМЕРИКАНСКИЕ ОЧКАРИКИ ПРОТИВ БЛИЗОРУКИХ ПОЛИТИКОВ



Профессор Федоров с одним из своих пациентов.

Московскому школьнику Боре Петрову разбили очки. Осколки попали в глаза. Мальчика повезли в клинику профессора Святослава Николаевича Федорова. Сколько таких пациентов после драк, игр в «мушкетеры», баловства с огнем и химическими реактивами прошло через руки этого глазного хирурга — он сам уже точно не знает. К счастью, случай оказался не тяжелым. Но представьте себе удивление профессора, когда после операции, сняв повязку, его юный пациент воскликнул: «Доктор, я отлично вижу без очков!»

Опытный хирург понял, что стоит на пороге открытия нового метода лечения близорукости. Вероятно, осколки очков так удачно надрезали роговицу, что ее оптическая сила изменилась и к мальчику вернулось нормальное зрение. Серия экспериментов подтвердила это предположение.

Новый метод только начал распространяться, когда в гости к профессору Федорову приехал американский коллега Лео Борес, который теперь работает в штате Нью-Мексико, в госпитале Санта-Фе. Он был поражен: оказывается, с близорукостью можно успешно бороться не очками, а скальпелем, делая на роговице неглубокие надрезы, расходящиеся в разные стороны, как лучи. Американец дотошно осматривал и расспрашивал людей, еще вчера носивших очки, а затем стал горячо просить советского коллегу научить его своему методу. Федоров с радостью согласился.

Через некоторое время Лео Борес вернулся на родину. В один прекрасный день Федоров получил от него письмо, в котором американец писал о результатах своей первой операции: пациентка выбросила очки и тут же нашла себе жениха. После этого у Бореса отбоя не было от пациентов. Тут заволновались его американские коллеги. Им тоже захотелось освоить метод советского врача. Они решили пригласить его в США. Однако американское правительство не захотело визита Федорова в Америку. Правительственные чиновники объявили метод хирургического устранения близорукости всего-навсего смелым экспериментом.

Но против этого запротестовали те врачи, которые уже овладели советским методом.

И вот американские врачи разбились на два лагеря. Условно говоря, на «федоровцев» и «антифедоровцев». Кто же победит? Святослав Николаевич верит, что победа останется за здравым смыслом, а не за политическими соображениями. И не только потому, что ему пришлось для своих американских коллег организовать постоянный курс обучения. На стороне его метода стоит целая армия американских очкариков, которым не терпится как можно скорее избавиться от ненужного им украшения на носу.

Власть — генералам, нищета — обездоленным

В Боливии — новый генерал-диктатор, новая военная хунта. Ничем не лучше прежних. Вообще государственные перевороты в этой беднейшей латиноамериканской стране стали делом обычным. Даже сами диктаторы не уверены: останутся они у власти поутру или их сменят такие же генералы — душители свободы, обирающие до нитки собственный народ.

Новое «правительство» начало с того, что сократило государственную помощь национальным предприятиям, повысило цены на продовольствие. Пришлось простым боливийцам еще туже затянуть пояса.

А ведь в недрах Боливии таятся огромные богатства! Особенно много олова. Но, увеличивая его добычу, правительство должно раскошеливаться: строить новые шахты, закупать машины и оборудование. Генералам и капиталистам этого не нужно — кто знает, что будет завтра?! Вот и спешат они пожить всласть сегодня, набить потуже карман.

Страна, в которой за прогрессивными деятелями гоняются вооруженные до зубов головорезы, где выступления рабочих беспощадно подавляются войсками, а на всех ступенях государственной лестницы процветают воровство и взяточничество, вызывает отвращение даже у буржуазных государственных деятелей. Лишь США остаются верным другом и помощником кровавого режима.

Из американского оружия стреляют по бастующим рабочим оловянных рудников, американские инструкторы обучают карателей расправляться с непокорными. Сто миллионов долларов государственной помощи поступает боливийской хунте от дяди Сэма каждый год без перебоя! В Вашингтоне знают, что эти денежки так или иначе не минуют генеральских карманов. Новый президент США придумал замечательную статью расходов — «на борьбу с терроризмом». Как оказалось, по ней можно списать еще и не такие затраты.

Но трудящиеся Боливии начинают все яснее понимать, куда ведут страну генералы. Все громче звучит голос боливийского пролетариата: «Нет — репрессиям! Нет — нищете и голоду!»

В авангарде борьбы за демократические преобразования — бесстрашные коммунисты. Они верят, что трудящиеся Боливии сметут с родной земли генералов-грабителей, как прогнали когда-то их предки испанских завоевателей.

Солдаты патрулируют улицы Ла-Паса — столицы Боливии.



ПРОВЕРКА «БЛАГОНАДЕЖНОСТИ»



Ежегодно в ФРГ огромная армия государственных служащих подвергается проверке «на благонадежность». Труд прямо-таки адский, ибо сотни людей заседают в специальных комиссиях, дотошно изучая досье каждого служащего.

Недавно правительство ФРГ решило упростить процедуру проверки для некоторых категорий служащих. Именно для тех, кто работает в «менее уязвимых областях». Однако тут же возник вопрос: кого отнести к таким людям? Скажем, уборщица в военном министерстве. С одной стороны, ее надо бы строго проверять, потому что мало ли какие бумаги может обнаружить в корзине для мусора. Но, с другой стороны, чем эта уборщица отличается от своих коллег на вокзалах? Или,

например, учитель в Баварии, которому министерство образования навязывает учебники по истории, полные реваншистского бреда. Вправе ли он протестовать или благонравно учить детей по этим опусам? Вопрос существенный. До сих пор «благонадежность» учителей в ФРГ проверялась с особым рвением, а значит, область образования никак нельзя назвать «менее уязвимой».

В общем, дело оказалось запутанным. Что и говорить, нелегко шпионить правительству ФРГ за своими гражданами.

«Я буду лесником, как папа»

Когда-то почти вся Румыния была покрыта лесами. Еще на Трояновой колонне в Риме есть изображение даков (так на рубеже новой эры называли румын), рубящих высокие деревья. Затем столетие за столетием леса стали вырубаться. Сначала это делалось для расширения крестьянских полей. Позднее лесом стали торговать. Древесина из Румынии использовалась даже на строительстве Суэцкого и Панамского каналов. Особенно пострадал румынский лес в первой половине нынешнего столетия, когда его нещадно вырубали не только свои, но и иностранные капиталисты.

Только после освобождения Румынии от фашистского ига в 1944 году и установления народной власти прекратилось разбазаривание ее лесных богатств.

Леса перешли в собственность государства. Но осталось их немного. Они занимают лишь четвертую часть всей территории страны.

Народная власть взяла под свой контроль заботу о лесе.

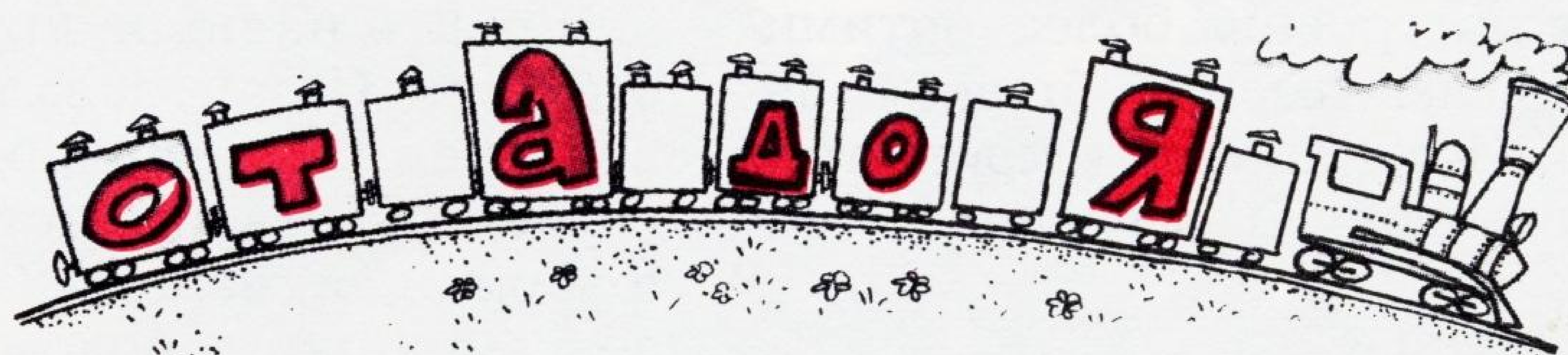
Недавно в Румынии была принята «Национальная программа по сохранению и развитию лесного фонда», рассчитанная на тридцать пять лет.

Успех этой программы во многом зависит от людей в серо-зеленой форме, которые на шляпе носят перо фазана или клок шерсти дикого кабана. Это лесники. Профессия лесника — почетная и часто потомственная. Она передается из поколения в поколение.

В семье румынского лесника за лесом ухаживают все, не только сыновья, но и дочери. Вместе с отцом они совершают далекие обходы владений, помогают ему выращивать саженцы, подкармливать зверей и птиц. Такая дружная семья работает, например, в районе Брэдуц. Лесник Георге Негру выращивает саженцы елей под полиэтиленовой пленкой. Это очень кропотливая работа, и Георге любит говорить, что никогда бы с ней не справился, не будь у него таких замечательных помощниц, как две дочери — Елена и Мария. Они поливают саженцы, оберегают их от морозов. Когда спрашивают сестер, кем они хотят стать, те неизменно отвечают: «Лесниками, как папа!»



Георге Негру с дочерьми Еленой и Марией.



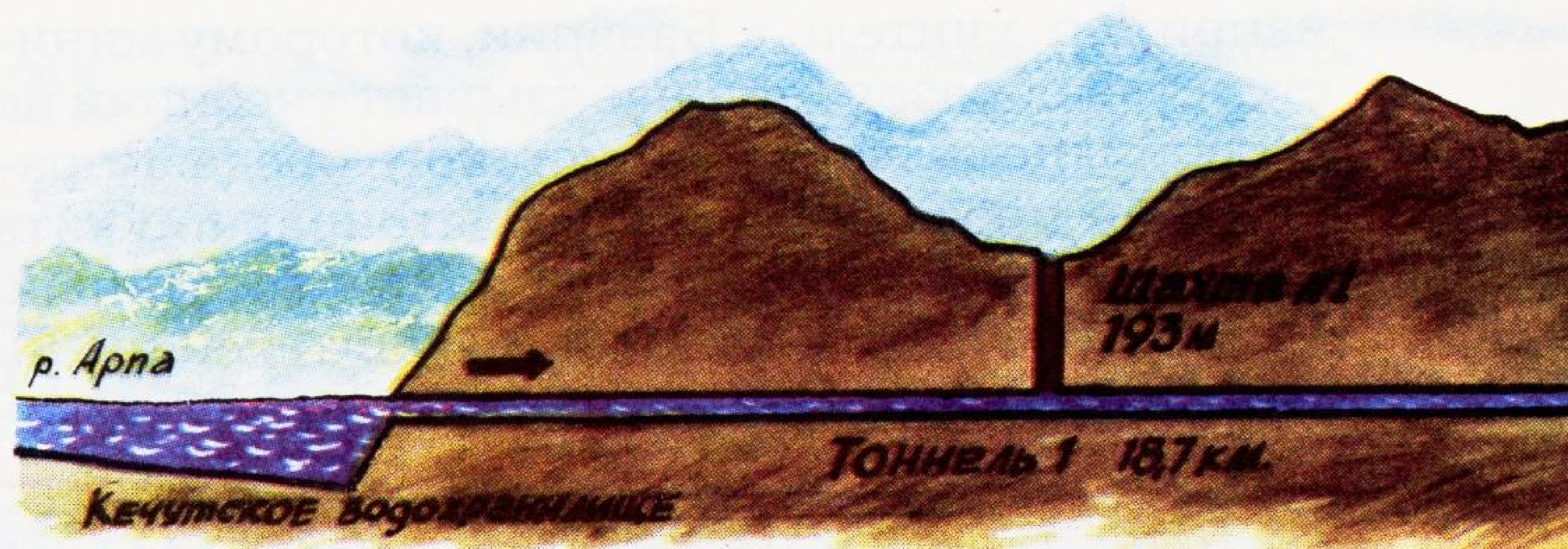
ОЛИГАРХИЯ — в переводе с греческого языка означает власть немногих. Сейчас олигархией называют такую форму правления в эксплуататорском государстве, когда вся власть принадлежит кучке богачей.

ОППОЗИЦИЯ — политические деятели или партии, которые не согласны с мнением большинства. Бывают, например, оппозиции внутри политических партий или в государственных органах власти.



ТЕРРОР — политика устрашения, расправы с противниками. Террористы пытаются с помощью политических убийств подорвать доверие населения к правительству. Террористы действуют на руку реакции, провоцируя репрессии буржуазных правительств против прогрессивных сил.





Зорий БАЛАЯН

СЕВАН

Ноябрь тысяча девятьсот двадцатого. Установлена Советская власть в Армении. Перед молодой республикой встала задача — оживить земли Араратской долины. Ведь большую часть территории (почти восемьдесят процентов) занимали скалистые горы, мертвые каменистые зоны, напоминающие лунную поверхность. Лишь четыре процента земли были плодородными...

Чтобы оживить земли Араратской долины, нужна была вода, пресная вода. А ее в республике мало — несколько крохотных горных речушек и озеро Севан. Озеро, расположенное на высоте две тысячи метров.

О Севане думали как о единственном источнике воды. Спорили. Ссорились. Одни беспокоились, что с годами озеро обмелеет и погибнет. Другие были настроены более оптимистично. Но без воды невозможно было создавать новую жизнь. И тогда, еще в тридцатые годы, решили: брать воду из Севана...

Прошли десятилетия

Я давно обратил внимание: когда сейчас, в наши дни, привозишь гостей к Севану, задолго до того, как покажется гладь воды, торопишься сказать о главном. О том, что мы давно уже едем по дну озера. По бывшему дну. И в подтверждение своих слов не преминешь показать рукой на очертания (бывшие очертания) берега. А они хорошо видны. Камни, которые тысячелетия находились в воде и только сейчас вышли на поверхность, отличаются своей гладкой белизной от серых, обветренных скал, составлявших некогда границу берега. За последние десятилетия уровень воды упал на... двадцать метров. Для горного озера это трагически много.

Озеро существовало тысячелетия. И вдруг жизнь его, судьба его оказались в опасности. Как это случилось? Давайте вспомним.

Севан — это свет и тепло

Двадцать восемь речушек впадают в озеро. Вытекает лишь одна — Раздан. Это равновесие не нарушалось на протяжении веков. Когда республике понадобилась вода Севана, стали брать много — можно сказать, два, а то и три Раздана. Три реки. И Севан отдавал живительные соки выжженным камням. Наибольшая глубина озера была сто метров. Стала восемьдесят. Многие населенные пункты, некогда считавшиеся своего рода портами, отдалились от воды на изрядное расстояние.

Озеро заболело. Местами зацвело. В катастрофическом положении оказалась гордость Севана — уникальная высокогорная форель.

Нет, думаю, смысла говорить о том, кто прав, кто виноват. Разумеется, все мы были бы счастливы, если бы, как прежде, наибольшая глубина Севана была сто метров, а не восемьдесят. Но, во-первых, мы уже стоим перед свершившимся фактом. Во-вторых, нужно иногда, наверное, призадуматься над ценой самой жертвы. В конечном итоге ценой судьбы озера мы возродили жизнь. И вода, прежде чем пойти на поля, крутила турбины электростанций. Севан давал свет и тепло. Хлеб и виноград. В республике появились зеленые оазисы. На каменистых пустырях выросли фабрики и заводы. Ереван стал большим современным городом. И во всем этом есть и Севан тоже, подобно тому, как в каждой травинке, в каждой виноградинке Араратской долины есть капля севанской воды.

Республика пришла на помощь озеру

Республика окрепла. Возмужала. И ни на минуту не расставалась с мыслью, что нужно

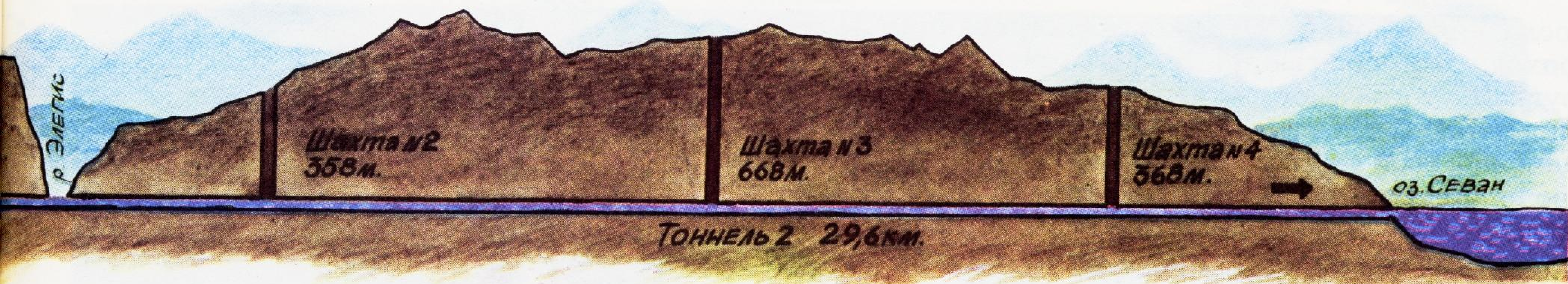


Схема тоннеля Арпа — Севан. На рисунке хорошо видно, как тоннель проходит сквозь толщу Варденисского хребта, принимая воды рек и водохранилищ и направляя их в Севан.

помочь Севану, вернуть долг. Люди сознавали, что вода будет нужна для орошения всегда. Другого выхода нет. Сознавали и то, что озеро не бездонное. И пришлось, как говорится, невозможное сделать возможным — проложить пятидесятикилометровый тоннель через гранитную толщу Варденисского хребта. Тоннель, который даст возможность воды горной реки Арпы направить в мелеющее озеро.

Мне посчастливилось пройти пешком и проехать на крохотных электровозах — «карликах» весь тоннель. Хорошо помню тот день, когда впервые спустился в шахту.

Лифт остановился на глубине около четырехсот метров. На том участке работали в три смены: днем и ночью бетонировали стены тоннеля. Трудно было поверить, что со временем жидкий серый бетон не просто затвердеет, а превратится в камень. И, как утверждают специалисты, через сто лет превратится в гранит. Гранитным будет русло реки, которая придет на помощь Севану.

Тоннель строили долго. Семнадцать лет. С годами и техника стала совершеннее, и опыта у тоннелестроителей прибавилось. И бывали такие годы, когда проходчики продвигались на четыре и более километров. Но случалось, что за три года не могли преодолеть и сотни метров. А иногда стояли на месте. Ни одного сантиметра движения. Был случай, когда отступали назад. Об этом хотелось бы рассказать особо.

Я всегда полагал, что для проходчиков труднее твердый грунт, гранитные скалы. Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что куда страшнее не гранит, а глина. Да еще глина особая. Там, в глубине, она находится под очень высоким горным давлением. Не выдерживают такого давления чугунные тюбинги, которыми обкладывают стенки тоннелей. Я видел, как чугун крошился.

И выход нашли — вместо чугунных тюбингов поставили железобетонные. Однако были и другие сложности.

Примерно в десяти километрах от берега Севана проходчики пережили, пожалуй, самые тяжелые минуты. За считанные секунды все сто тридцать метров тоннеля были засыпаны породой — это был взрыв газов, скопившихся под чудовищным давлением. И нужны были месяцы, чтобы очистить когда-то готовый участок... Когда очищали тоннель от породы, на стенах вырисовывались слова, написанные на разных языках: «Арпа — Севан — это дружба», «Спеши, Арпа, к нашему Севану», «Арпа-джан, облегчи участь родного Севана!»

Тоннель Арпа — Севан действует!

Накануне тысяча девятьсот восьмидесятого года произошло то, чего ждали так долго.



Последняя сбойка. Это когда встречаются проходчики, двигающиеся навстречу друг другу. И с того самого момента слово «проходчик», можно сказать, потеряло свое прямое значение, свой смысл. Все уже было пройдено. Проходчикам уже нечего было проходить.

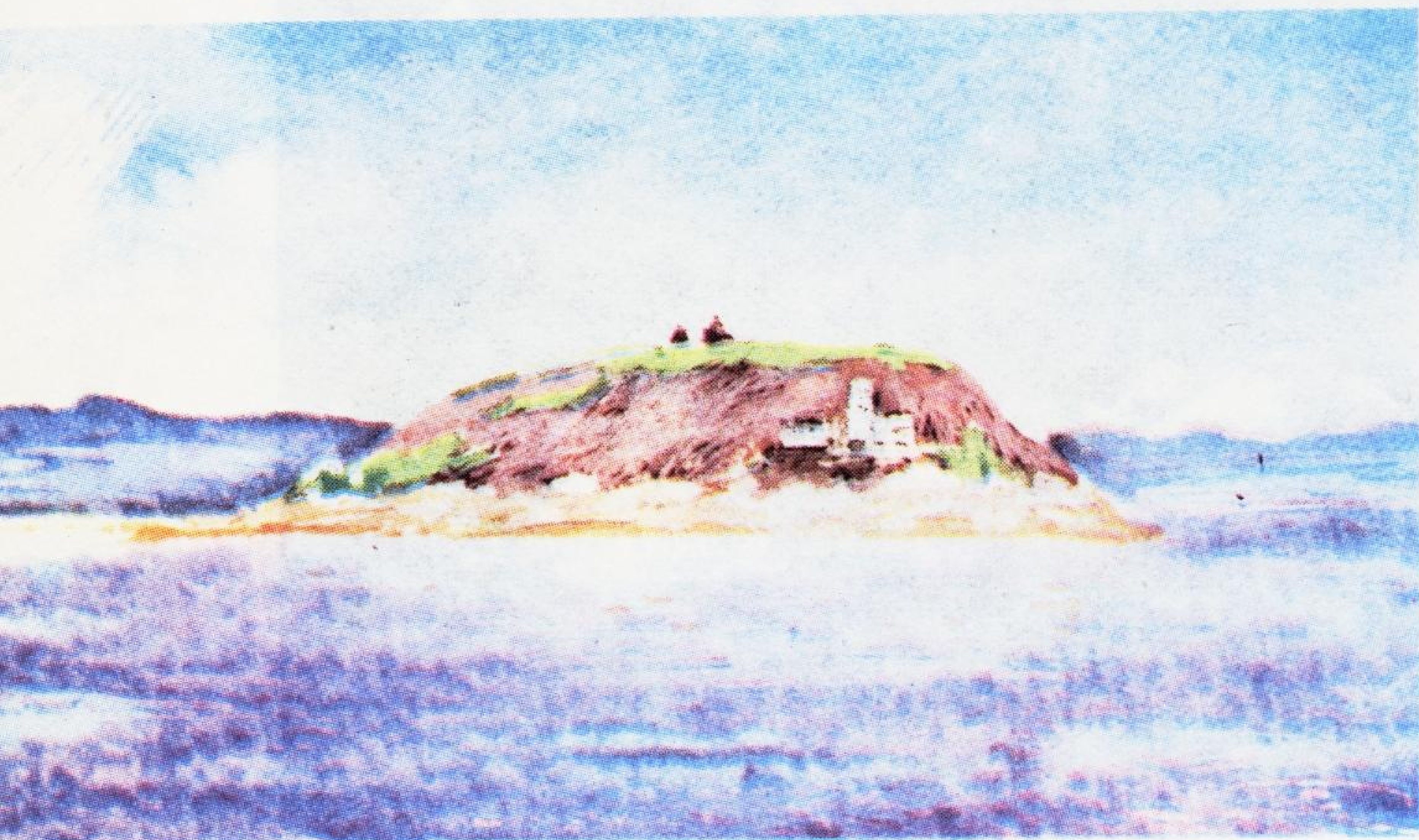
А в марте тысяча девятьсот восемьдесят первого года были подняты шлюзы водоприемного узла. И пошла вода к Севану, который Максим Горький назвал кусочком голубого неба, упавшим на каменистую землю. Тысячелетняя Арпа волею советского человека сменила свое извилистое русло.

Десятки тысяч людей собрались у местечка, где Арпа, пройдя почти пятидесятикилометровый тоннель, слилась с Севаном. Это был поистине праздник.

В Армении часто говорят — «свет глазам». Так говорят, когда хотят поздравить человека. Так говорят, когда рождается ребенок, так говорили, когда с фронта приходили письма, так говорили, когда первая бурная и шумная волна Арпы покатилась по желобу в Севан.

Севан будет спасен. Арпа сохранит нынешний уровень озера. Теперь стоит задача — поднять уровень воды. Постановлением правительства утвержден национальный парк, которому дано название «Севан». Густые леса, которые встанут на берегах озера, позволят накапливать и хранить влагу. Уже начаты работы по переброске в озеро части вод рек Воротан и Гетик. Уровень воды поднимется еще на шесть метров. А это, по утверждениям специалистов, полностью возродит фауну и флору озера. Вернет ему былое здоровье.

Недавно я вновь поехал на Севан. Ехал по бывшему дну. Смотрел на очертания бывшего берега. На полуостров с уникальным древним храмом. Полуостров, который еще недавно был островом. Остановился у отвесной скалы с белой гладкой грудью. Примерил глазом заветные шесть метров. Мысленно поднял гладь воды. И сердце забилось сильнее. Оно поверило, что вновь изменятся очертания севанского берега. Порукой тому действующий тоннель Арпа — Севан.





До скорой встречи!

Я хочу рассказать о своих новых друзьях. Они приезжали к нам из Праги, а вчера вечером мы проводили их домой. Совсем недавно, кажется, был вечер знакомства, где, смущенные и нерешительные, сидели мы за столом, а уже позади часы прощания. Ребята прожили в Москве 11 дней. Для нас это время было и веселым, и интересным, и чуть-чуть трудным. Почему? Да потому, что наши гости задавали нам множество вопросов, все время хотели что-то узнать, и нам пришлось в школьной библиотеке перечитать все книги о Москве. Оказывается, это так непросто — рассказывать о своем городе, о его улицах, театрах, музеях. Очень понравилось ребятам наше мороженое. Они ели его одно за другим, а на следующий день все были простужены. Тогда мы начали их лечить. Бегали в аптеку за лекарствами, готовили горячее молоко с медом...

Скоро они приедут домой. А я сижу и вспоминаю, как хорошо нам было вместе, как радовались они матрешкам, которых мы подарили им на вокзале. Встретимся мы не скоро: только в августе в Праге. Но мне кажется, что время пролетит быстро.

Рита К.,
г. Москва.

А фильм был хороший...

Недавно мы с подругой смотрели фильм. Слов нет — картина хорошая. Но вот что произошло во время сеанса. Перед нами сидели мальчишки, и только появились первые кадры, один из мальчишек (он, видимо, уже смотрел этот фильм) повел комментарий: «Вот сейчас этот убежит. А вот того, видишь? Его в ванну окунут». А когда неожиданно погас экран — оборвалась лента, наши невоспитанные соседи принялись свистеть и топать ногами. Тут мы попросили мальчишек вести себя повежливее. Но они надерзили нам и опять взялись за свое.

После окончания фильма мы с подругой не обсуждали понравившиеся нам эпизоды, как раньше. Шли молча, переживая случившееся. Неужели этим мальчишкам было нисколько не стыдно?

Марина ГАБДРАХМАНОВА,
г. Караганда.



Рина ЗЕЛЕНАЯ,
народная артистка РСФСР

МАЛЬЧИК НА ДЕЛЬФИНЕ

СКАЗКА

Рисунки А. ДУГИНА.

Один мальчик жил на необитаемом острове. И совершенно неизвестно, как он сюда попал...

На острове жили птицы. Не было хищных зверей, не ползали змеи. Мальчик жил среди птиц, огромных и самых крохотных, понимал их язык. Птицы были с ним всегда и повсюду. Они даже учили его летать. Но он так и не научился.

Когда птицы поняли, что этот птенец летать не будет, большая колпица решила построить ему отдельное гнездо. Остальные птицы стали помогать ей. Все дружно трудились. Мальчик старался, как умел: собирал веточки, перышки, пух. Они украшали гнездо снаружи, выбирали самые красивые, яркие перышки и искусно вклеивали их. Мальчик принес из ручья цветные камешки. Колпицы охотно вмазали их в глину. Гнездо блестело, переливалось и радовало мальчика. Осталось только положить туда толстые мягкие листья — и постель готова.

Большие птицы летали с мальчиком то высоко в гору, то далеко на берег моря. Но не забывали принести его обратно к дереву, где он жил и спал.

Большая белая птица дружила с ним. Они гуляли вместе по лесу, птица показывала ему темно-синие плоды, которые нужно есть (они были вкусные и сытные), а другие — красные крупные шарики — нельзя было есть и да-

же трогать руками. Птицы не клевали их никогда.

Он уже выучил: дерево с рыжими колючками, уколешься — боль такая, хоть кричи, и рука распухнет. Надо знать об этом: колючки прячутся в густых листьях. Но зато птица показала ему полосатое дерево, с которого лентами слезала кора, и объяснила, что, если уколешь руку о рыжую колючку, надо скорее приложить кусочек этой коры, и все быстро заживет.

Если мальчик находил птенца, выпавшего из гнезда, он всегда влезал с ним на дерево, и птицы радостно принимали упавшего снова в семью. Однажды его старая знакомая, крохотная пичужка, вывела так много птенцов, что не могла их прокормить: столько было все время открытых ртов. Видя, что пичужка чуть не падает от усталости, мальчик стал ловить мошек и букашек, помогая ей в этом трудном деле.

По утрам, просыпаясь от пения птиц, он открывал глаза и сразу видел рядом прекрасный ярко-зеленый плод, надо было только протянуть руку и сорвать его. Мальчик так и делал. Он протыкал дырочку и пил крепкий сладкий сок. Его было приятно пить по утрам.

Потом мальчик шел умываться, недалеко, в ручье, таком чистом, что были видны все камешки на дне.

Он даже сделал возле своего дерева клумбу, только не из цветов, а из камней: они блестели и переливались на солнце.

Хищных зверей на острове не было, но были хищные цветы. Если бабочка садилась на яркий лепесток, она прилипала ножками и не могла улететь. Мальчик, когда это видел, спасал ее: осторожно снимал с цветка, мыл ей ножки водой, и, обсохнув, она улетала.

Однажды случилось вот что. Красивая белая птица принесла мальчика к морю и опустила на желтый песок, а сама, искупавшись, села на что-то вроде камня и стала чистить перышки, как и полагается после купания. Но камней на этом берегу не было. «На чем же она сидит?» — подумал мальчик, подошел поближе и вдруг увидел, что в песке у самой воды стоит небольшой ящичек.

Опустившись на землю, мальчик начал осторожно открывать ящичек. Первое, что он схватил, было круглое, упругое, яркое. Уронил на землю, а оно, вместо того чтоб там остаться, отпрыгнуло обратно ему в руки. Мальчик так удивился, что бросил его еще и... поймал. И еще, и еще... Да, вы правы, конечно, это был мяч. Каждый день мальчик снова и снова удивлялся и радовался ему. А на дне ящика он увидел белые, ровные, одинаковые листки, крепко сшитые вместе, и на каждом листке — множество черных закорючек. Ему они казались похожими на муравьев и букашек, которые ползали в лесу. Он бросил непонятные листки обратно на дно ящика.

Потом еще несколько раз мальчик принимался разглядывать сшитые листки и никак не мог понять, зачем насыпано столько муравьев. Он знал, что это не живые, не те, что ползают кругом, но все-таки пытался стряхнуть их, смахнуть их со страниц, но они упорно оставались на своих местах. И только когда, разозлившись, чуть не разорвал листки,— вдруг увидел там еще что-то: это были рисунки. Смотрел и удивлялся: как не заметил раньше?

Теперь мальчик даже забыл про свой мяч, он жадно вглядывался в рисунки. Ну да, вот такое же дерево, как у него в лесу. Оно тут маленькое, но на нем такие же круглые плоды и много листьев.

А вот тут — такой, как он сам, стоит. Таким он видел себя в ручье и рисовал потом на песке.

Ночью он теперь лежал и думал. А когда засыпал, то голос, не птицы, а той, что во сне держала его на руках, пел: «Спит мой мальчик, сладко спит». И песенку эту он помнил, хотел повторить, но губы не слушались его. Во сне та, что пела, сказала ему: «Обними маму». Он хотел обнять, но было трудно: руки были очень маленькими. А ведь у него большие руки, он может поднять даже камень.

Днем он снова брал сшитые листы и внимательно смотрел на рисунок, где похожая на ту, что пела, держала за руку мальчика.

Однажды смотрел так долго, что ему показалось: глаза с рисунка смотрят на него. И вдруг помимо воли и сознания губы его сложились не для свиста, не для крика,— с них слетело тихое слово «мама»! Закорючки-муравьи в эту минуту, как по команде, сложились, и он понял, что они хотят подсказать ему это слово. Восторг охватил его: он решил труднейшую из задач! Теперь никогда не потеряет это: посмотрит на листок и увидит — «мама».

Он раскрыл тайну сшитых листков. Теперь-то он понял, что муравьи не зря по ним ползали. Они не мешают, они здесь для того, чтобы помогать. И они не одинаковые. Если знать каждого из них, то, встав в ряд, они скажут слово, которое ты ищешь.

Вот на рисунке лежит такой же, как он сам, с закрытыми глазами. А под ним уже выстроились муравьи. Он их узнаёт, они говорят: «Мальчик спит». Верно, так и голос ее пел: «Спит мой мальчик».

Что еще пришло откуда-то на память? Слово «молоко». А он все думал, что это белое он пьет из ореха? Теперь знает, это молоко. Во сне молоко было не в орехе, мама сказала: «Вот твоя чашка, пей молоко».

Мальчик оставался, как и раньше, частью окружающего его мира, но теперь он не мог заснуть, когда засыпали птицы, он лежал в гнезде с открытыми глазами и все думал, старался вспомнить еще что-то.

Вот он сидит не на скале и не на дереве, а на чем-то ровном и удобном. «Садись на скамейку»,— сказала мама. И в книжке нарисован такой, как он, сидит на скамейке.

Если раньше он жил, как растение, день за днем, то теперь его мозг, мозг человека, работал все время.

С тех пор, как мальчик нашел книгу, он стал видеть все как-то по-другому. Смотрел, как все вокруг растет, и вдруг понял: значит, и он раньше был такой же крошечный, как самые маленькие птенцы! Раньше он не задумывался о том, что придут дожди. Когда начинала литься с неба вода, он спокойно влезал в любую нору и вместе с хозяевами устраивался там надолго. А теперь приходилось думать о том, куда, к кому поселиться на это время,— ведь он такой большой, не поместится с хозяевами или придавит их. Он знал теперь по своим приметам, что скоро начнутся дожди, и готовился к ним: нашел в скале пещеру, удобную, он мог даже стоять там во весь свой рост. Нашел в горах камни — они были белые, ими можно было рисовать на черных стенах его пещеры.

Но как трудно было понимать то, что открывала ему книга! Он бился над каждым словом, чтобы разгадать его тайну. Ведь он был один: только он среди всех умел сказать слово «мама».

В книжке он нашел рисунок — стоит такой, как он. Сложил слово «человек». Рядом — много таких, внизу прочел: «люди». Так вот оно что! Значит, человек — это он, а когда их много вместе, они люди. Почему же он тут один такой?

Нашел еще рисунок, который был ему совсем непонятен: было нарисовано море, это он сразу понял, и подписано: «Корабль в море». Рассмотрел, что там, далеко, на самом краю моря, нарисовано еще что-то. Потом, перелистывая книжку еще и еще, нашел другую картинку — тот же силуэт и подпись: «Корабль и лодки в море». Но теперь корабль стоял как будто ближе, на картинке можно было разглядеть даже крошечных нарисованных на нем людей.

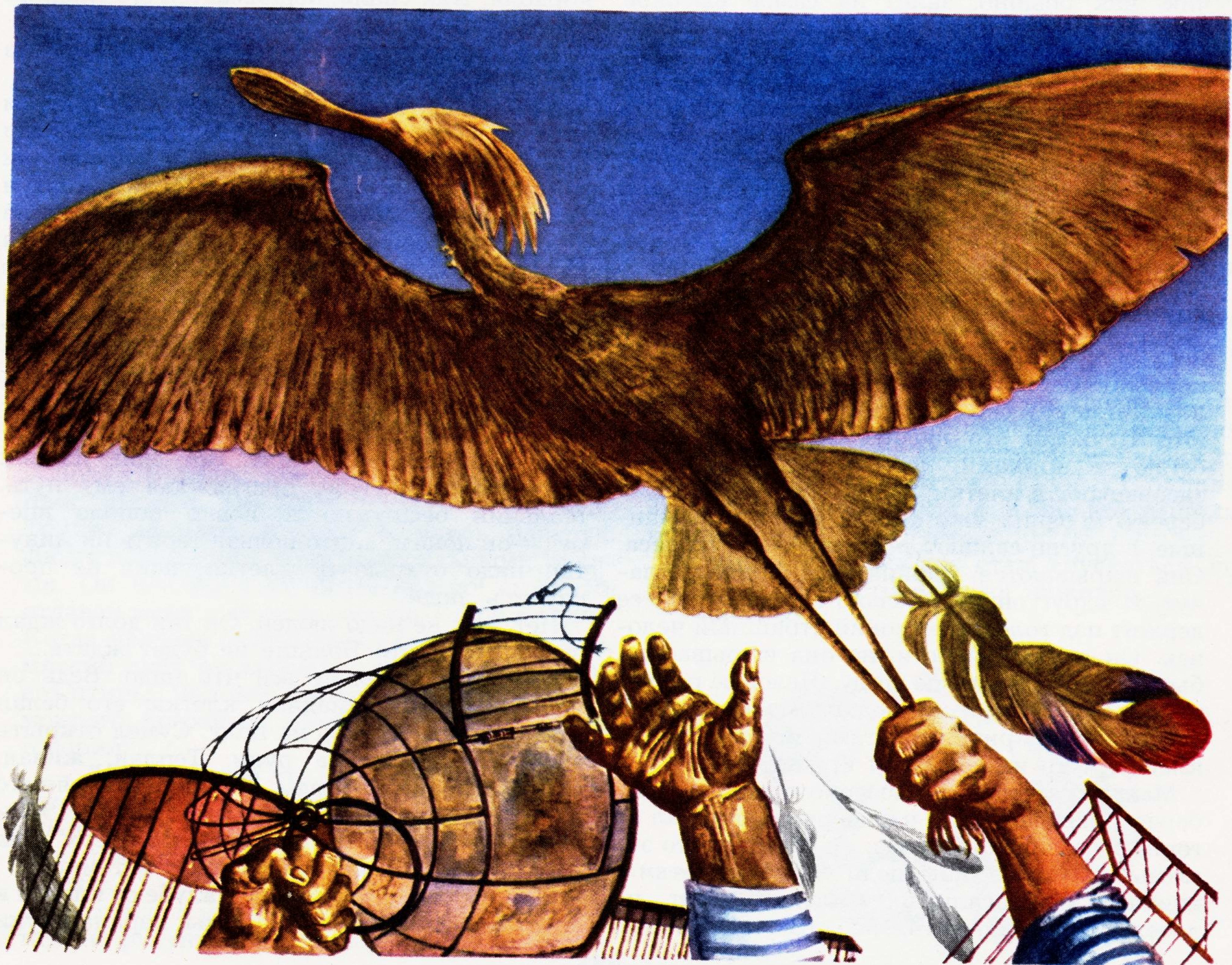
Как же так? Значит, этот корабль может быть и далеко в море и близко?

Значит, он ходит по морю, и люди могут на нем подойти сюда, к нему?

Мальчик потерял покой и с тех пор, едва проснувшись, влезал на вершину дерева, откуда видно было море до самого края, до той черты, где оно соединялось с небом, и куда уходило солнце на ночь.

Он смотрел и смотрел, чтобы увидеть там, на

Пойманные птицы стонут, кричат, вырываются.



краю, корабль, который будет сначала далеко, а потом придет сюда за ним.

Он давно умел хорошо плавать и держаться часами на воде. Дельфины играли с ним, катали его, унося на спине далеко в море. И он сам мчался наперегонки с ними, ныряя и кувыркаясь.

А началось с чего? Когда-то давно он залез на скалу, неловко ступил, свалился в море и стал тонуть. Однако вдруг кто-то подхватил его и вытянул из воды.

— Ты что тут, тонешь, что ли?— спросил дельфин.

— Нет, я падаю в воду.

— Как тебя зовут?

— Человек.

— Ну, правильно. А раз ты человек, ты должен не тонуть, а плавать. Меня зовут Дуду, я дельфин. Я могу плавать под водой сколько угодно. В следующий раз, когда будешь тонуть, хлопни под водой в ладоши несколько раз. Я услышу, где бы я ни был, и немедленно примчусь к тебе. А сейчас я научу тебя плавать.

С тех пор они были неразлучны. Эта дружба очень много значила для мальчика: он не был теперь так одинок. Дельфины щебетали и разговаривали с ним, он понимал их и отвечал тем же щебетанием...

И вот спустя много, много дней, когда мальчик, как обычно, залез на самое высокое дерево, он увидел далеко, на самом краю неба и моря, силуэт корабля. Он протер глаза, думал, что корабль исчезнет... Нет. Мальчик стал быстро спускаться с дерева, чуть не падая, цепляясь за ветки, царапая лицо и руки колючками. Сердце билось в груди, он задыхался и бежал к морю. Ведь время шло, надо было добежать скорее, корабль может пройти мимо! Там люди! И никто из них не знает, что он здесь и что он так ждет их!

Мальчик бежал все быстрее. Споткнулся, упал. Никогда с ним этого не было. Разбил ногу. Вот он бежит между скал, вот уж виден корабль! От корабля отделяются маленькие лодки и идут к берегу. Слышны крики. Но кто это? Неужели это люди? Значит, это люди бегают с криками, ловят, тащат его птиц, засовывают в клетки, разбросанные по всему берегу. В одних уже стонут, кричат пойманные, в другие сажают тех, кого несут из леса. Они вырываются, царапаются, кричат, плачут. И вдруг он видит свою белую птицу: ее держит над головой высокий страшный человек. Он связал ей ноги, но она вырывается, бьет его крыльями по лицу. Человек роняет птицу, но тут же ее подхватывает другой, маленький, с кривыми ногами, и засовывает в клетку, чуть не ломая ей крыло.

Мальчик бежал по высокому скалистому берегу, нависающему над морем, и кричал от горя, вода лилась из глаз, он не знал, что это слезы. Он видел, как люди тащили клетки с птицами и бросали их в лодки... Нет, не добежать, не догнать, не помочь! Скорее, скорее в море, он поплывет, он догонит! Он знал эти места, тут можно прыгнуть, тут глубоко. Он подбежал к самому краю и бросился вниз.

— Дуду!— закричал он, как всегда.

И на этот раз, едва мальчик вынырнул на поверхность, он увидел Дуду и всю стаю.

— Что случилось?— спросил Дуду, и мальчик рассказал ему.

— Скорее, скорее!— кричал он, и дельфины понеслись туда, где стоял корабль.

— Да,— сказал Дуду,— я видел это несколько лет тому назад. Они ловят красивых птиц и увозят их.

— Как? Ты и раньше видел корабли?

— Да, конечно, далеко в море мы часто встречаем корабли, но они всегда проходят мимо. А тот, что пришел тогда к острову, тоже увез много птиц, как и теперь.

Дельфин свистнул, и стая понеслась еще быстрее. Уже спускался вечер. Но что они могут сделать, как помочь? Дуду знал все:

— Корабль еще на якоре. Если нам удастся забросить тебя на палубу, ты откроешь клетки — птицы долетят до берега, они еще не потеряли силы. Скорее!

И они понеслись, разрезая воду.

Морская вода зализала рану на ноге мальчика, уже не было этой горячей боли. Он плыл, не уставая, держась за Дуду. И вот они у корабля. Как скала, поднимается его гладкий высокий борт.

— Держись,— сказал Дуду и вылетел из воды кверху.

Ничего не вышло — мальчик сорвался и упал в воду. Через секунду дельфин был рядом. Теперь дельфины по очереди вылетали из моря, держа мальчика на могучих спинах, и подкидывали его кверху, чтобы забросить на палубу. Наконец ему удалось ухватиться за канат и повиснуть на нем. Осталось только подтянуться и влезть на палубу. Он собрал последние силы, рванулся и, зацепившись ногами за борт, упал на корабль. Теперь только не застонать, не выдать себя. Мальчик лежал неподвижно, отдыхая, и, с трудом поворачивая голову, оглядывался вокруг. Все тихо, страшные люди спят. Вот один из них валяется на палубе, преграждая ему путь. Мальчик бесшумно и ловко пополз вперед — он понимал, что нельзя терять ни минуты: надо открывать клетки, пока не проснулись люди.

Нет, ему не надо людей. Он так долго ждал встречи с ними! Больше не будет ждать...

Сейчас он сделает все что надо. Ведь он человек! Вот громадная клетка, его белая птица распласталась на полу. Сумел открыть дверцу, взял ее на руки. Теплая, живая. Ощупал крылья — целы. И, как бы уверяя его в этом, птица расправила крылья. «Лети»,— шепнул он ей и подбросил вверх. Она взмахнула крыльями и исчезла в темноте.

Мальчик полз дальше по палубе от клетки к клетке, развязывая тугие узлы, царапая руки

о проволоку. Птицы доверчиво молчали, помогая себя освобождать. Он ощупывал их крылья, ноги — целы ли? Гладил их, как бы прощаясь, и бросал вверх.

Так одна за другой уносились они из плена. И вдруг тот, что валялся на палубе, замычал и сел. Мальчик понимал, какая опасность грозит теперь ему самому. Страх охватил его, как тогда на берегу. Сейчас человек схватит его и посадит в клетку. Не раздумывая, он подбежал к борту и с криком бросился в море:

— Дуду!

Дельфины подхватили его, и они помчались прочь от корабля.

— На корабле зажгли огонь,— сказал Дуду.— Надо уйти как можно дальше, чтобы они не могли догнать нас. Скоро рассвет.

Они понеслись стрелой, измученный мальчик заснул на спине Дуду. Дельфины поддерживали его и следили, чтобы он не свалился в море.

Когда он открыл глаза, то увидел огромное розовое небо и бескрайнее море, тоже розовое там, где вставало солнце. Дельфины плыли в этом розовом сиянии молча. Мальчик обнял Дуду.

— Спасибо тебе,— прошептал он и в ответ услышал ласковый щебет дельфина.

Но вдруг мальчик вздрогнул, сел верхом и закричал:

— Смотри, корабль! Он догнал нас, ты видишь, Дуду?

— Нет, это другой корабль. Это тот, который всегда проходит мимо. Вот сейчас увидишь, как он будет удаляться.

Но корабль не удалялся, нет. Он приближался к ним.

— Скорее, скорее плывем отсюда!— просил мальчик.

Но чей-то голос — голос корабля — прохрипел над морем:

— Человек за бортом!

— Ты слышишь?— задрожал мальчик.— Человек — это я. Сейчас они схватят меня. Скорей под воду, Дуду!

— Поздно,— сказал дельфин,— лодка мчится сюда.

Лодка неслась, как самый быстрый дельфин, прямо на них. Дельфины ушли под воду. Только мальчик и Дуду остались наверху. Люди подхватили мальчика сильными руками. Он цеплялся за Дуду, кричал ему: «Не отдавай меня!» Но еще минута — и он в лодке. Когда человек заворачивал его в громадный, мягкий лист, он вырывался и царапался, как его птицы. Человек вытирал его, дрожащего, мокрого, прижимал к себе, гладил по голове и говорил:

— Да успокойся ты, бешеный мальчик, ну чего ты?

Когда тот, из лодки, принес его на корабль, мальчик вырвался у него из рук и встал на палубу.

Он увидел много людей. Они стояли, как там, на рисунке в книжке. Он их сразу узнал. Да, это люди, но они больше не нужны ему и он не боится их. Мальчик поднял голову и двинулся прямо на толпу. Люди расступались перед ним, они казались ему большими, как деревья. Все что-то говорили — он не понимал слов. А они говорили так:

— Да, это тот самый мальчик.

— Вы помните, газеты писали о катастрофе пять лет назад.

— Самолет столкнулся в воздухе с птицей и упал в океан. Удалось спасти, кажется, всех: рыбацкий сейнер оказал помощь. Не нашли только маленького мальчика.

— Потом писали, что кто-то из спасенных видел, как дельфины несли ребенка к берегу.

— Мне рассказывали о матери мальчика. Она ищет его долгие годы.

— Какая удивительная история! Вы посмотрите на это создание. Ведь он несся верхом на дельфине, когда его заметили с борта корабля.

А мальчик шел, не останавливаясь. Он не хотел быть с ними. Он знал, что там, в конце палубы, будет страшный трюм, куда он упадет, и там запрут его в клетку навсегда. Пусть так, зато его птицы на свободе. И он шел — тоненький, смуглый, голый человек, и такая решимость и даже ярость была в его походке и ясных детских глазах, что никто не смел остановить мальчика. Он шел и шел вперед, но вдруг силы оставили его, и он упал, как подкошенный, на протянутые к нему добрые руки людей.

Тот, из лодки, успел подхватить его и понес на руках, стараясь согреть. Мальчик дрожал, глаза его были закрыты.

— Вот видишь, какое дело,— говорил матрос,— хорошо, что я тебя успел поймать, а то бы ты здорово грохнулся. А теперь порядок. У нас и врач на корабле имеется, он и не таких вылечивал.

Мальчик слушал непонятную речь, и она успокаивала его. Будто эти незнакомые слова защищали его от всякой опасности.

— А главное дело, надо нам теперь найти твою маму, уж это я тебе точно обещаю, разыщем ее хоть на Марсе. Да нам и помогут. У нас на корабле капитан — человек стоящий. Так что, по-мо́ему, мы с тобой все решили правильно.

С этими словами он стал спускаться по трапу с верхней палубы на нижнюю.



Раздел ведет В. НИКИТИНА.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

ЯЗЫК ПРИРОДЫ — КАК ЕГО ПРОЧЕСТЬ?

Тысячи ученых во всем мире заняты сейчас тем, что читают «тексты», написанные на очень древнем языке, возраст которого больше трех миллиардов лет.

Строчку такого «текста» не увидишь даже в самый сильный микроскоп, разве только в электронный — тогда можно различить тонкую длинную нить, свернутую в беспорядочный клубок. Это самая замечательная на свете молекула: ДНК, а полное ее химическое название — дезоксирибонуклеиновая кислота. Она встречается в каждом живом организме, в каждой его клетке. И несет в себе целый набор приказов: каким, скажем, быть цвету глаз у человека, каким — росту и даже чертам характера, способностям...

Как же записаны столь сложные инструкции? Точно так, как написана эта заметка в журнале,— буквами. Только роль букв в молекуле ДНК выполняют химические соединения, из которых молекула построена, и «букв» этих не 32, как в русском языке, а всего четыре. Они называются: аденин, гуанин, цитозин и тимин. Их сокращенно записывают так: А, Г, Ц и Т. То, что «букв» в ДНК мало, не беда. В азбуке Морзе их еще меньше, а этой азбукой можно передать любое сообщение.

Узнать, что же записано в ДНК, очень важно и интересно. Но читать книгу жизни до недавнего времени никто не умел. Дело в том, что даже у самых маленьких вирусов молекула ДНК очень длинная, она состоит из тысяч «слов», а у высших организмов и вовсе из сотен миллионов.

Первое, что придумали,— это порезать молекулу на части, ведь короткие куски читать легче. Порвать ДНК легко, стоит сильно потрясти раствор из этих молекул, а еще лучше — подействовать на молекулу ультразвуком. Но тогда молекула рвется где попало. Другое дело, если б ее можно было разрезать в определенных местах, отделить куски друг от друга и уж тогда приниматься за чтение.

Идея неплохая, но сначала у биологов не было «ножниц», которыми они могли бы разрезать молекулу. Потом «ножницы» все-таки нашлись. Ими оказались особые белки, которые могут разрезать целую молекулу в определенных местах на короткие куски.

Итак, мы превратили ДНК в смесь обрезков разной длины. Теперь надо в этой путанице разобраться. Смесь помещают в электрическое поле, где все куски движутся в одном направлении, но с разной скоростью. Короткие куски пробегут большее расстояние и соберутся в одном месте, средние — в другом, а длинные — в третьем. «Слова» рассортированы. Возьмем любое и примемся за чтение.

Но как читать? А вот как. Возьми любое слово, например, женское имя АГАТА — оно хорошо тем, что записано буквами, какие встречаются в молекуле ДНК. Напиши это слово вот так:

А
А**Г**
АГ**А**
АГА**Т**
АГАТ**А**

Прочти последние буквы строк сверху вниз. Что получилось? АГАТА. Этот фокус со словами ученые и использовали. Представь, что на

А Т Г Ц

А Г А Т А А Т А Т Ц Т

кусочке молекулы ДНК написано имя АГАТА, но мы пока этого не знаем. В пробирке, где находится много одинаковых кусочков ДНК с именем АГАТА, проводят специальную химическую реакцию, которая рвет наше слово только после буквы «А». В пробирке остаются обрывки: А, — — А, — — — — А. Другие реакции рвут слово после букв «Г» и «Т», оставляя кусочки: — Г и — — — Т. Теперь расположим все кусочки один под другим, от самого короткого до самого длинного:

А
— Г
— — А
— — — Т
— — — — А

Вот и прочитали мы слово, ведь последние буквы кусочков нам были известны.

Из коротких прочитанных слов складываются строки, из строк — целые страницы. Так биологи уже смогли прочесть очень длинные «тексты» ДНК. Например, всю жизненную программу одного вируса, а в ней содержалось 5379 «букв».

Чтение записей в молекуле ДНК — занятие само по себе очень интересное. Но оно приносит и большую практическую пользу. Есть болезни, при которых организм не производит какое-нибудь важное для него вещество или вырабатывает его в испорченном виде, и все это из-за того, что в «текст» ДНК вкралась ошибка. Такие болезни лечить очень трудно. Зная же запись в испорченном куске молекулы, мы могли бы заменить ее на правильную и вылечить больной организм. Такие операции делают уже у бактерий. Их ДНК намного короче, и подправить ее гораздо проще.

Но все это было бы невозможно, если бы люди не научились читать «тексты», которые живая природа начала сочинять еще три миллиарда лет тому назад.

В. ИВАНОВ,
доктор физико-математических наук;
В. ЧЕРНИКОВА

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

О чем рассказала горбуша

«Есть ли у других животных, кроме человека, память? По зоологии мы проходили рыб, и я узнал, что у них памяти нет».
Саша СЕМЕНЕНКО,
з/с «Мичуринский», Северо-Казахстанская область.

Есть такая ценная (и очень вкусная) рыба — горбуша, которая водится в Тихом океане. Она не самая умная представительница рыбьего племени, но и она, если б прочитала это письмо, наверняка бы обиделась. «Как это у меня нет памяти? Да у меня такая память, что ученые диву даются! Как сейчас помню, вылупилась я из икринки на галечной отмели маленькой речки. Там между камешками прошло мое детство. А весной, как только отросли у меня плавники, подалась я далеко в море. В море прожила все два года своей сознательной жизни. И вот настало время метать икру. Надо возвращаться в свою родную речку, у нас такой порядок. Хоть и далеко пришлось плыть, нашла я ее, сразу узнала. А вы говорите — памяти нет!»

Горбуша узнает свою речку по «запаху» — по химическому составу воды, который у каждой речки свой. Этот «запах дома» она и запоминает на всю жизнь.

Если у тебя есть аквариум, попробуй перед кормлением рыбок каждый раз тихонько постукивать по стеклу. Сначала рыбки будут пугаться, а потом поймут, что это сигнал к кормежке, и через некоторое время будут стремглав нестись на стук. Значит, запомнили!

Так что память есть и у рыб, и у всех других животных: без памяти не прожить ни одному живому существу.

А. ИОРДАНСКИЙ

ЗНАЕШЬ?

Сейчас в мире действует 58 тысяч промышленных роботов.

* * *

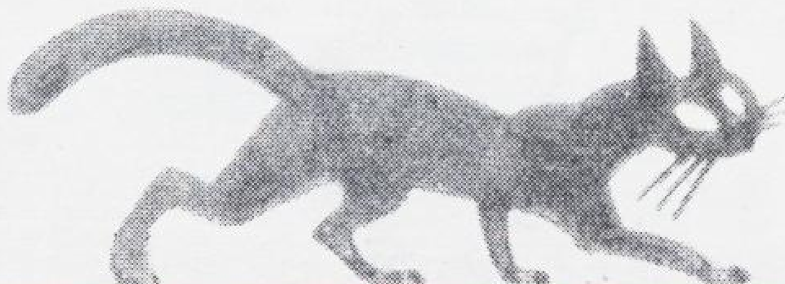
По расчетам ученых, птицы весом более 12 килограммов не должны летать.

* * *

К 2020 году на Земле одна десятая часть всей энергии будет вырабатываться на солнечных электростанциях.

* * *

Кошки различают цвета только больших предметов.

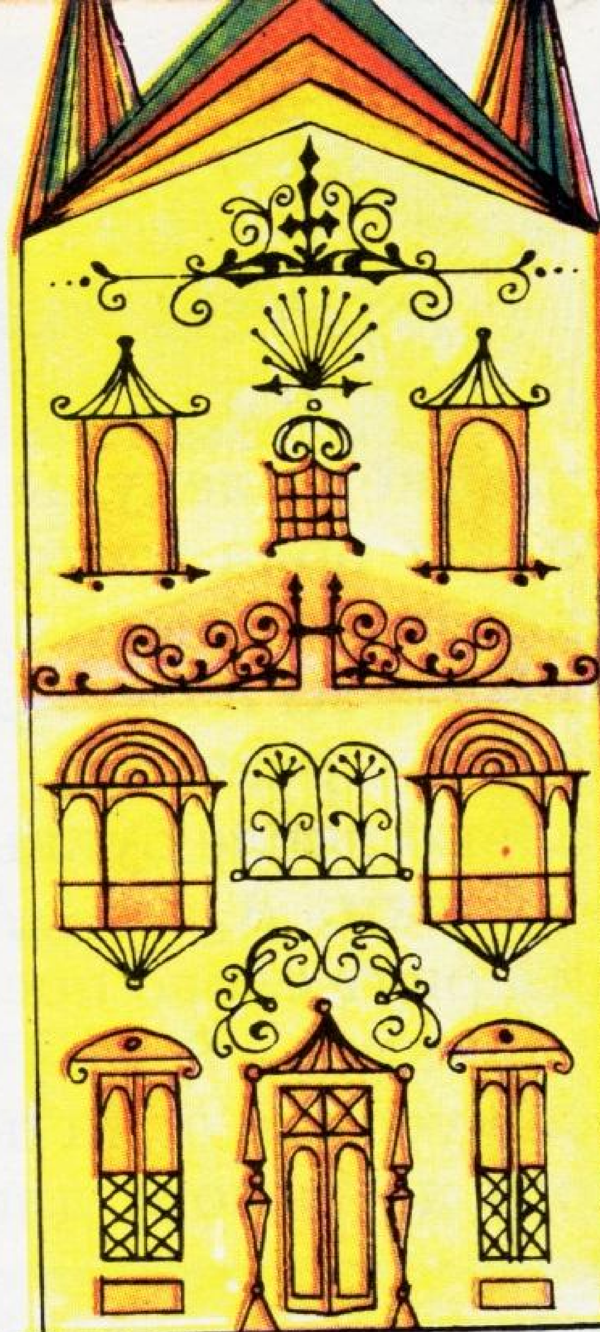






ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН...»



Как строили на Руси города раньше? Начинали с кремля. Обычно возводили его в удобно расположенном месте: на холме, при слиянии двух рек... Кремль со всех сторон обрастал домами ремесленников, купцов, бедноты... Как кому в голову придет, строили их хозяева. Городские власти требовали прокладывать улицы, но получались улочки узкими и кривыми: и заплутать немудрено.

Первым городом в России, построенным по плану, был Санкт-Петербург. Царь Петр решил возвести новую столицу по принципу «прямоугольной сетки», как разбивали лагерь римские войска. Прямые пересекающиеся улицы, «регулярная застройка», то есть все дома определенной высоты и ширины... Самые красивые и богатые здания северной столицы вытянулись вдоль набережных — надо поразить гостей, прибывших в новый порт.

Только в девятнадцатом веке начали перестройку центров русских городов по плану, а окраины все продолжали расти стихийно. В больших городах целые кварталы занимали доходные дома — уродливые, мрачные, с дворами-колодцами без зелени. Планируя эти дома, о красоте и удобстве не думали, думали о том, как больше собрать с жильцов денег.

А как строят города сегодня? Чтобы ответить на этот вопрос, мы отправились в Государственный институт проектирования городов. В одной из мастерских института, мастерской С. С. Райтмана, идет работа над проектом Волгодонска.

...На огромном макете — белые домики из пенопласта, светло-серой краской проведены дороги, зеленой нарисованы парки, скверы и бульвары... Видны каждая улица, каждый дом, каждый газон будущего города.

— С чего начинает работу градостроитель? — спрашиваю я главного архитектора проекта Алексея Алексеевича Цветкова.

— С изучения площадки, выбранной для города.

И Алексей Алексеевич рассказывает мне, что недалеко от Цимлянского водохранилища строится завод «Атоммаш». А между заводом и водохранилищем раскинется город. При таком географическом расположении удобнее всего жилые кварталы разместить в середине, рядом с заводом построить институты, техникумы, училища, а у воды, дугой огибающей город, запроектировать зоны отдыха: пляжи, бульвары, стадион...

Я наклоняюсь к макету, вглядываюсь в переплетения улиц, узоры дворов, и кажется мне, что мы с Алексеем Алексеевичем идем по этому городу,



В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

Сколько окон в Москве?

Идешь по улице летом. Темнеет. В сумерках, когда кругом зелень, кажется, будто и домов-то никаких нет, одни деревья. Но вот начинают вспыхивать желтые прямоугольники окон. Одно рядом, за кустами. Другое — где-то в поднебесной вышине. Третье — вдалеке, за проспектом. А потом, как по команде, дружно загораются целые строчки, столбцы, гирлянды огней — и вдруг видишь, как много кругом понастроено. Сколько их, этих огней, разве посчитаешь?

А почему бы и нет? Посчитать можно — разумеется, приблизительно. Я живу в Москве. Окошек в ней, конечно, больше, чем в любом другом городе нашей страны. Жителей в Москве восемь миллионов с лишним. На каждого, видимо, в среднем одно окошко приходится. Значит, свыше восьми миллионов окон.

Можно и по-другому посчитать. Каждая комната в современном доме обычно имеет одно окно. Средний ее размер — 14,5 м.^{2} Разделим 131 200 000 м^2 (жилой фонд Москвы два года назад) на 14,5. Получится, что в Москве около 9 миллионов комнат и примерно столько же окон.

Но разве это все окошки, какие есть в Москве? Ведь город состоит не только из жилых домов. Есть в нем и заводы, и школы, и магазины. Значит, полученное нами число — 9 миллионов — надо увеличить как минимум в полтора раза. 14 миллионов — вот примерное число московских окон.

Идешь вечером, любуешься огнями... Так сколько же их, огней? Будем считать, что каждое окошко освещается одной лампочкой, скажем, в 60 ватт. Если все московские окна осветить разом, потребуется 840 миллионов ватт энергии. Столько, сколько вырабатывает крупная электростанция. Конечно, в нашей стране есть станции и помощнее. Но ведь не на одно освещение расходует энергию город. Есть в нем и транспорт и центральное отопление. Есть и окошки.

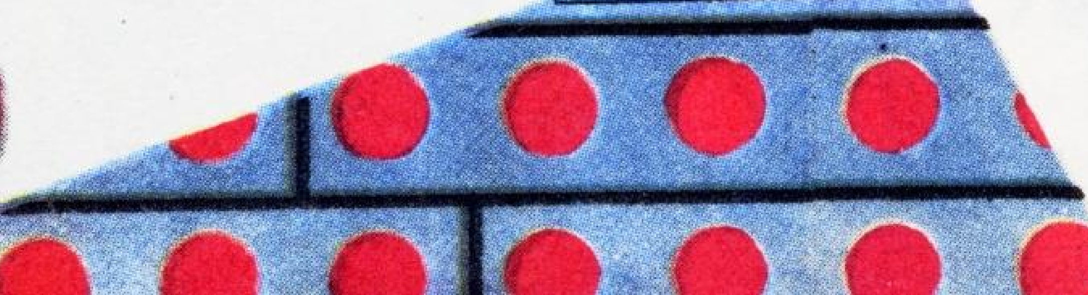
Перенесемся теперь из лета в зиму и вспомним, что бетонная или кирпичная стена проводит тепло куда хуже, чем окно. Через окно, особенно если его как следует на зиму не утеплили, наши батареи обогревают... улицу.

Помню, ударили как-то в Москве ранние морозы. Забега-











Таким будет Дворец пионеров в Волгодонске.

который поднимется в полный рост только через двадцать лет.

Вот мы из парка выходим на площадь, я вижу прекрасное здание на холме. «Ведь вы говорили, что город строится в степи, на плоской как ладонь равнине?» Мой провожатый объясняет, что города, как люди, как книги, бывают скучными, бывают веселыми... Градостроители не захотели, чтобы Волгодонск был монотонным, вот и решили насыпать в центре искусственные холмы. Приподнять, возвысить, чтоб навсегда запомнились, как символ Волгодонска, театр, Дворец пионеров, горсовет...

Мы вышли на автостраду. Жаль, не ходят автобусы, а то бы мы проехали весь город и убедились, что пейзаж за окошком машины рождает бодрящий ритм движения. Это однообразие пятиэтажек разбили девятиэтажными башнями, их мелькание ведет отсчет минутам и километрам.

...Как, мы по эспланаде прошли уже два километра? А я совсем не устала, мне не надоела эта цепь скверов, бульваров, площадей. Оказывается, вот почему: все здания вдоль эспланады (здесь не несутся автомобили, здесь только ходят пешком) небольшие. Они не давят на человека своей высотой и протяженностью. Пешеход на эспланаде не чувствует себя лилипутом в стране великанов.

Не жарко в степном Волгодонске жить летом? Алексей Алексеевич заводит меня во двор, и я вижу: да, дома поставлены так, что дворы хорошо проветриваются, в каждом дворе — плескательный бассейн для детей.

Через каждый микрорайон тянется пешеходная аллея. На нее выходят магазины, школа, детский сад, спортивная площадка. В других городах родители не разрешают детям гулять за пределами двора, а в Волгодонске дети смогут бегать по всему микрорайону, грузовики и автобусы в него не заезжают, дорожные происшествия никому не грозят.

Как жалко расставаться со сказочным городом будущего! А впрочем, почему же сказочным? Волгодонск уже начали строить, и удобные, просторные города строят во всех уголках страны. Может, и ты, наш читатель, когда вырастешь, будешь их возводить на сопках уссурийского края, в якутской тундре и на склонах Кавказских гор.

М. МАТВЕЕВА

ли жильцы, звонить начали в домоуправление: что же, мол, плохо топите, холодно в доме! И верно. Прихожу я домой, а в комнате всего 17 градусов. Тоже было звонить начал, но тут пришел ко мне сосед дядя Толя. Принес кусок поролона. Нарезали мы полосок, законопатили ими все щели вокруг окон. Так что вы думаете? Уже к вечеру было в комнате, как положено, 20 градусов. Просто часть тепла выдувал через щели и щелки ледяной ветер. А сколько энергии при этом тратилось зря, даже и посчитать трудно.

П. САВКО

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

Беспечный дом

(Задача для самых смышленых семиклассников)

В доме сто квартир. В прихожей каждой квартиры круглые сутки горит по лампочке, потребляющей 100 ватт электроэнергии. Какой груз можно вывести на околоземную орбиту за счет энергии, которую беспечные жильцы расходуют в своих прихожих за год? (Для выведения тела на круговую околоземную орбиту ему нужно сообщить первую космическую скорость — около 8000 м/сек.)

Ответ к «Задаче Кирика Новгородца»
(№ 11 за 1981 год)

Поскольку каждый четвертый год високосный, за 26 лет к числу, равному 365 × 26, могло прибавиться 6 или 7 дней. 1136-й год был високосным, значит, скорее всего 7 — если только Кирик не родился в январе или феврале. Стало быть, к своему двадцать шестому дню рождения он прожил 9497 дней.

В трактате Кирика написано — 9500 дней без трех, так что мы угадали: он на самом деле родился не ранее марта.

Ну, а если 9497 умножить на 24, получится, что часов он прожил 227928. В трактате написано несколько иначе: 113960 часов дня и столько же часов ночных. Если наш результат разделить на 2, получится, что Кирик ошибся на 4 часа. И все же возможно, что ошибки не было: Кирик мог знать час своего рождения и подсчитать часы, прошедшие точно до того момента, когда он закончил рукопись.

В наши дни с такой задачей справится и третьеклассник. Почему же в XII веке она считалась трудной даже для взрослого математика? А потому, что тогда еще не было удобного, всем вам знакомого способа умножения столбиком. И уж понятно, скажут многие из вас, не было счетных машин. А вот это как раз неверно. Подсчеты тогда делались именно с помощью машины. Правда, очень простой — счетной доски, абака, отдаленно похожего на тот, что вам приходилось применять в первых классах. Эта машина была не очень-то удобной, обычные счеты с костяшками — большой шаг вперед по сравнению с ней. А поскольку запись чисел тогда тоже была неудобной и громоздкой, перемножить без ошибки два больших числа действительно мог только мудрец.

«Я хочу с вами посоветоваться. Как мне полюбить литературу? Я не люблю литературу. Читаю книги и не дочитываю их, просто не хватает терпения. Когда я читаю, я думаю о другом. Что мне делать?

С пионерским приветом Оля Р., Удмуртская АССР».



Это письмо подсказало нам тему сегодняшнего разговора: о любви к книгам, о литературе. А ведет разговор писатель, доктор филологических наук Зиновий Самойлович ПАПЕРНЫЙ.

О КНИГОЛЮБИИ

Есть такой старый-старый анекдот. Выступает знаменитый дирижер. Вдохновенно дирижирует оркестром, а скрипач, так называемая «первая скрипка», все время недовольно морщится. После концерта подходит знаменитый дирижер к «первой скрипке» и спрашивает:

— Вам, может быть, не понравилось, как я провел начало симфонии?

— Нет-нет, с началом все в порядке.

— Тогда, быть может, я несколько затянул середину?

— Нисколько. Отличный темп.

— Наверное, вам показалось, что финал прозвучал недостаточно мажорно?

— Да нет, вполне мажорно.

— Так отчего же вы так морщились?

— А я вообще не люблю музыку.

Есть в этом старом анекдоте что-то невеселое. В сущности, перед нами рассказ о несчастном человеке. Что, в самом деле, может быть печальнее: он не любит музыку и всю жизнь ею занимается. Можно сказать, не живет, а морщится.

Не дано счастья тому, кто не любит сам. Об этом писал Чехов. Однажды он прочел в альбоме стихи М. Ю. Лермонтова:

Поверь мне,— счастье только там,
Где любят нас, где верят нам.

И приписал: «Где нас любят и где нам верят, там нам скучно; но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим».

Труд без трудолюбия — одно мучение.

А книга без книголюбия?

Как-то мне повстречался такой человек — он не любил читать.

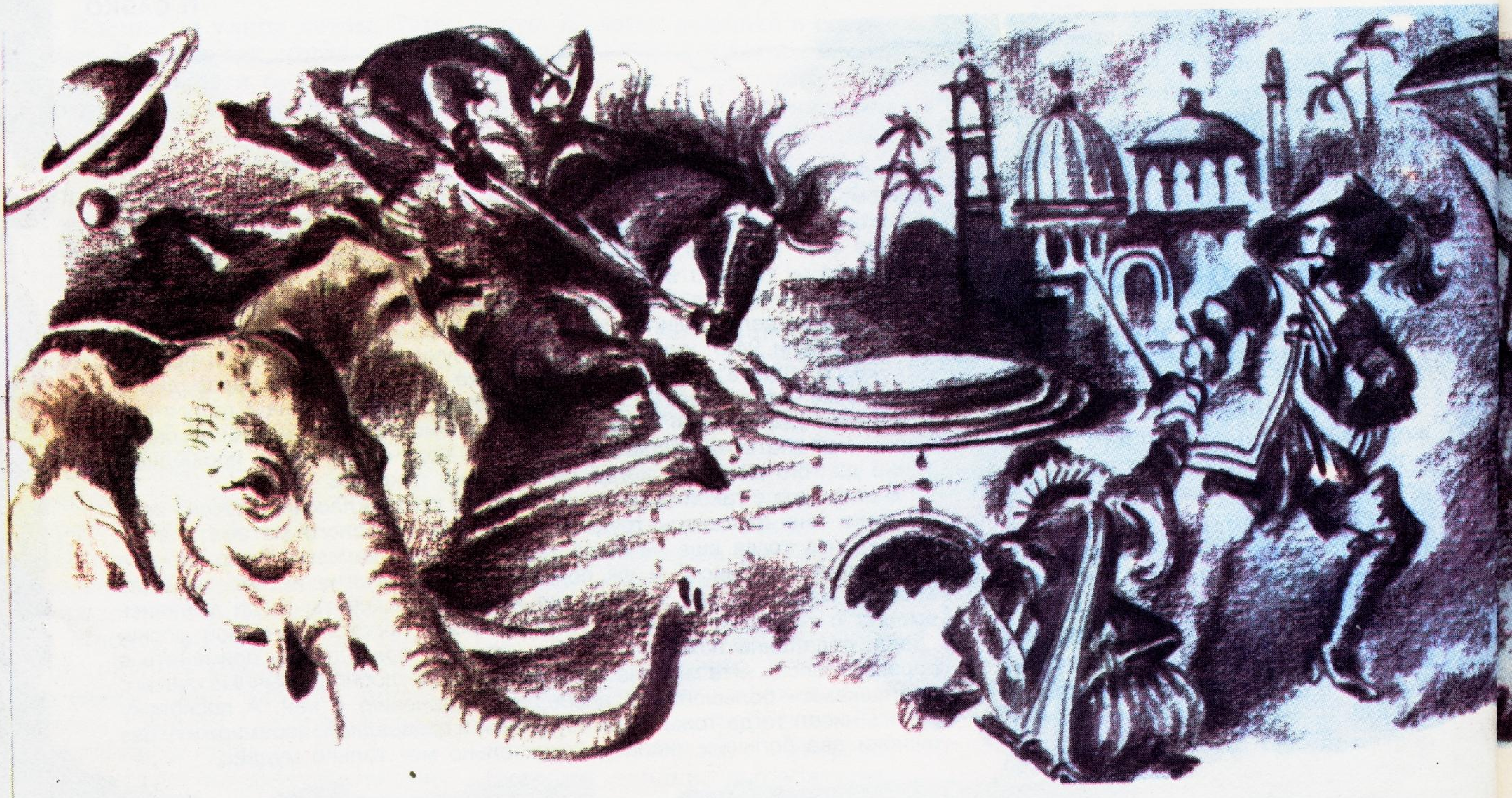
— Знаешь,— чистосердечно признался он,— начинаю читать — как будто ничего. Но только одолею одну страницу — клонит ко сну.

— Может, книжка попалась скучная?

— Что ты! — запротестовал он.— Любая книжка! Начну читать — меня сразу укачивает...

Это был духовный собрат того скрипача, который вообще не любил музыку.

Таких людей — единицы. Какие-то унылые исключения из общего правила.



Впрочем, граница между исключением и правилом всегда весьма условна. Бывает так: человек уверен, что книги ему не понять, читать будет скучно. Но постепенно вчитывается — ход сюжета, судьбы героев начинают увлекать его. Казалось бы, мертвая книга оживает.

В своем письме Оля признается, что ей не хватает любви к книге. Не хватает сегодня, но завтра все может измениться. Нужно только помнить, что чтение требует сосредоточенности. Иные хозяйки смотрят телевизор и одновременно успевают переделать массу дел по хозяйству. Книга — совсем другое. Тут нужна тишина. Конечно, из-за недостатка времени мы читаем в метро, в трамвае, троллейбусе. Но нет ничего лучше уединения с книгой.

Встречали вы где-нибудь в парке, вдали от главной аллеи, на скамейке одинокого человека, который склонился над книгой? Он один — и не один. Не замечая никого вокруг, он живет в выдуманном, но по-своему действительном мире героев, которые любят, спорят, радуются, страдают. Сочиненные автором, они стали близкими и дорогими читателю или, наоборот, сердят его, вызывают недовольство, возмущение.

Я знаю таких ребят, привыкших играть, носиться, прыгать, а книги их как будто отталкивают. Но в каждом из них дремлет читатель. Приходит срок — и он просыпается. Нужно только очень хорошо понять, что человек, не любящий книги,— несчастный человек.

Книголюбие — такое же естественное свойство человека, как, например, свободолюбие.

В этом смысле я тоже не составляю исключения и, так сказать, с радостью примыкаю к общему правилу. К неисчислимой армии любителей книги.

Как полюбить книгу? Попробую вспомнить, с чего началась любовь к книге у меня.

Помню далекое детство — книжечка «Крокодил» Корнея Чуковского. Есть Песнь песней — так это Сказка сказок. Рисунки художника Реми: герой Ваня Васильчиков в лучах славы, с игрушечной, но грозной саблей, барбос радостно выпрыгивает из пасти крокодила, живой городовой, как с того света, возвращается тем же манером, на лету отдавая честь и хитро прищуриваясь...

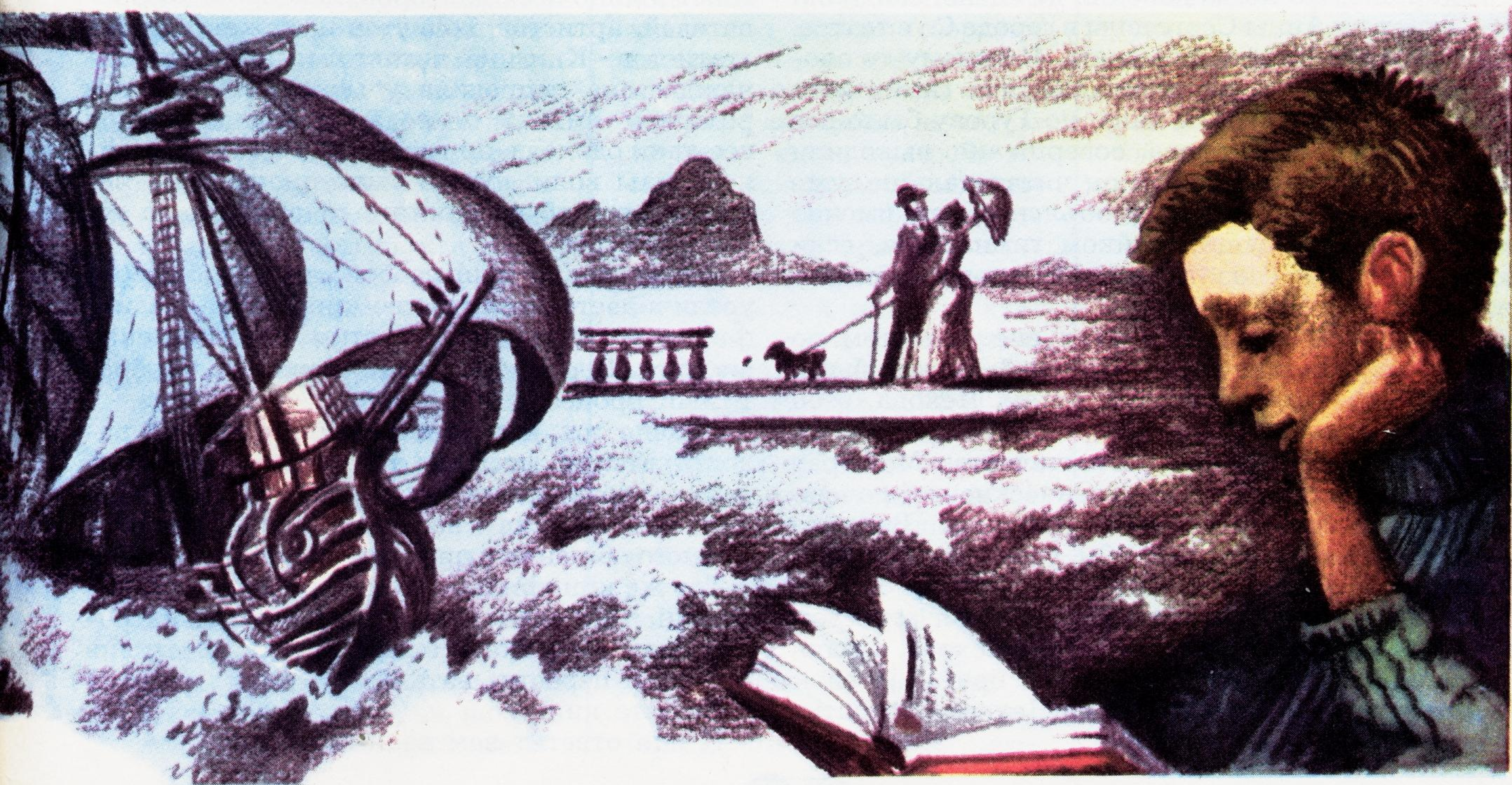
Когда несколько лет назад переиздали эту книжечку с теми же иллюстрациями, что-то дорогое зашевелилось в душе.

Затем — юность. Если бы меня спросили, в чем самая отличительная черта отроческих и юношеских лет моего поколения, я бы ответил: это были годы без телевизора. То время, которое сегодняшние мальчики и девочки тратят на телевизор, мы тратили на книжки. Вспоминается шумная очередь в библиотеку. Пока стоят — обмениваются книжками, мнениями, впечатлениями.

Первое место по «читабельности» занимал, конечно, Жюль Верн. В нашей очереди все время звучало: «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров»...

Писатель давал нам огромное количество сведений, но это было совершенно незаметно, потому что герои все время сталкивались с тайной, с загадкой, с вопросом, который надо было во что бы то ни стало решить. Персонажи шли к достоверному взгляду на мир романтическими путями.

Но, пожалуй, самая многочитанная книжка отроческих лет — однотомник А. С. Пушкина. Он открывался портретом писателя работы В. Тропинина — у Пушкина лицо сосредоточенное, спокойное. Он не работает, правая



рука лежит на столике. Наверное, поэт что-то обдумывает, может быть, начинает творить.

Однотомник включал все основные произведения Пушкина — стихи, поэмы, прозу, драму, критику. Сколько раз я читал эту книжку, сказать нельзя. Сначала просто читал, потом открывал наугад и дальше уже не отрывался. Знал эту книгу так, что мысленно представлял каждую страницу, «видел», где, в каком месте какое стихотворение.

Когда Пушкин прочитал «Горе от ума» Грибоедова, он сказал, что половина стихов войдет в пословицы. Если же взять стихи самого Пушкина — они глубоко вошли в наше сознание, слились с нашим языком, незаметно в нем укоренились.

Вот, например, первые строки «Евгения Онегина»:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог...

Эти строки не стали пословицами, но они живы и памятны для миллионов людей. Так слились в них мерный стих и живая речь, что они кажутся нерукотворными.

А теперь представьте себе человека, которому пушкинские строки не доставляют радости. Какое же это несчастное, обделенное судьбою существо!

Мой отец был словесником. Из прозаиков он больше всего любил Чехова. Мы росли вместе с братом-близнецом Борисом. Когда нам было лет по двенадцати, отец часами читал нам вслух Чехова. Человек он был очень эмоциональный и, читая любимые рассказы, нередко начинал растроганно всхлипывать.

Чаще всего он читал вслух рассказ Чехова «Дама с собачкой». Сначала он держался хорошо. Но когда доходил до сцены свидания Гурова и Анны Сергеевны в городе С., в театре, голос его начинал дрожать. И почему-то слова: «Повыше, на площадке, два гимназиста курили и смотрели вниз, но Гурову было все равно...» — эти слова совершенно выводили отца из равновесия, и он читал дальше, уже глотая слезы. Не могу объяснить, но именно эти два куривших тайком гимназиста, если можно так сказать, эмоционально добивали отца.

Прошли годы, и я стал специалистом по Чехову, «чеховедом». Почему? Может быть, потому, что, читая нам, детям, Чехова, отец растроганно всхлипывал.

Было тут еще одно обстоятельство. Мой брат Борис в школьные и студенческие годы очень любил Чехова. Потом началась Великая Отечественная война. Он ушел на фронт и погиб.

Когда я думал о том, чтобы связать свою жизнь с изучением творчества Чехова, я вспоминал не только отца, но и брата. И свою работу «Записные книжки Чехова» посвятил его памяти.

Книги — наши друзья. А ведь с близкими своими друзьями вы встречаетесь не один раз. Поэтому так приятно любимые книги перечитывать.

Лев Толстой сказал о Чехове:

«Он один из тех редких писателей, которых, как Диккенса и Пушкина и немногих подобных, можно много, много раз перечитывать — я это знаю по собственному опыту...»

А что значит перечитывать? Не просто же повторять чтение, но читать заново, вспоминая, то, что думал и чувствовал раньше, и вместе с тем замечая то, чего прежде не видел.

Древнегреческий философ Гераклит сказал: нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Точно так же нельзя дважды одинаково прочитать одну и ту же книгу.

Книги — как реки. В них незаметное, но сильное и быстрое течение.

Бывает и так. Есть у тебя любимая книжка. Ты решаешь ее перечитать. Бросаешься в нее, как в реку, и неожиданно чувствуешь под ногами дно. С течением времени книга «обмелела». Пришла пора тебе с нею расстаться.

Классики — создатели вечных, немелеющих книг.

В наше время книге стало трудно жить.

Во-первых, мы переживаем книжный голод. Само слово «книга» начинает звучать как библиографическая редкость.

Во-вторых, книгу теснят кино, телевизор, радио.

О той же «Даме с собачкой» многие впервые узнали не из книги, а из кинофильма.

Телевизор просто завораживает людей. Моя соседка по дому живет так: первая половина дня — работа, вторая — сидение перед голубым экраном. Что передают — неважно. В умственном отношении это просто «дитя экрана». Она знает в лицо всех дикторов, лекторов, обозревателей, артистов, солистов и, кажется, даже статистов. Книг не читает совершенно. Однажды она попросила у меня нашумевший роман и читала полгода. В конце концов все-таки одолела, но только за счет необычайной силы воли: нужно было прочитать — неудобно, все об этой книге говорят. Надо же быть в курсе.

Растет число книголюбов, но еще быстрее увеличивается количество кинолюбов, радиофилов и телеманов. С этим бессмысленно спорить. Перед нами естественный и необратимый процесс.

Однако тот, кто по-настоящему вкусил радость чтения, согласится: никакая инсценировка, экранизация, переделка «по мотивам», никакой «сериал» не заменят тебе радости личного общения с писателем — один на один.

Тот же кинофильм «Дама с собачкой» — хороший, я его видел два раза, и с меня достаточно. А сам рассказ Чехова буду всю жизнь читать и перечитывать.

Любите книгу.

И она ответит вам взаимностью.

Рисунок Д. БАРАБАША.



Договор на всю жизнь

«Пусть живут на земле веселые птицы и бабочки, пусть живут деревья и цветы. Пусть живет на земле все доброе и красивое. А мы будем стараться помогать им жить...»

Это и есть тот договор, договор на всю жизнь, который хочет заключить со своими читателями детский писатель **Юрий Дмитриев.**

Книги Дмитриева... Помню, однажды — мне тогда было четырнадцать лет — открыл я большой том **«Человек и животные».** Начал читать. Про то, как жили первобытные люди, как охотились на бизонов и оленей, лошадей и мамонтов, как поклонялись животным и приносили им жертвы. Про то, как люди животных проклинали, обвиняли во всевозможных грехах и судили... Читал и увлекался все больше и больше. И вот увидел вдруг, что в комнате рядом со мной сидит в кресле человек. Улыбается, смотрит на меня внимательно и спрашивает: «А ты знаешь, как и когда возникла наука о животных? И кто они были — первые зоологи?» Я только пожал плечами. А он принялся рассказывать. Об ученых, благодаря которым человечеству стали известны животные нашей планеты, о жизни самых разных зверей, птиц и о многом другом. Я слушал, удивлялся и только потом, когда книга была раскрыта уже на середине, сообразил: я же не слушаю, а читаю, и в комнате, кроме меня, никого нет... Но знакомство с писателем состоялось. И странно, встретившись через несколько лет с настоящим, живым Дмитриевым, я не поверил своим глазам: он оказался очень похожим на того доброго, умного, веселого рассказчика, которого я мальчишкой увидел за буквами и строчками книги, хотя в книге и не было фотографии автора...

Не знаю, найдется ли библиотека, в которой собраны все книги, написанные Юрием Дмитриевым. Вероятно, нет. Но мы можем ее вообразить. В эту библиотеку я вас и приглашаю.

Давайте подойдем к полке с табличкой «Дмитриев Юрий Дмитриевич». Смотрите: здесь есть научно-художественные книги, есть повести, сборники рассказов и сказок, фотоальбомы. Внушительные тома соседствуют с книжками не толще тетрадок, яркие суперобложки — со скромными бумажными переплетами... Больше семидесяти книг! А рядом — журналы со статьями писателя, газеты. Пожалуй, полки не хватит. Представим, что их две и на второй собраны все издания на сорока языках народов нашей страны и мира. Ведь книги Дмитриева выходили почти во всех союзных республиках, на всех языках стран социализма, в Японии, в Греции, во многих других странах.

Большинство этих книг о природе...

Представьте: на лесной опушке, на заросшем речном берегу, отгородившись пространством от городского гула, скрежета и дребезжания, вы стоите и прислушиваетесь. Наверное, услышите, как пробежит, шелестя сухими прошлогодними листьями, черная жужелица, как расстроенно загудит попавшая в лужу пчела, пытаясь выбраться. Увидите, как мелькнет среди ветвей торопливая сойка, как качнется на ветру и рассыплется белый одуванчик, и полетят семена над зелеными травами... Все на первый взгляд привычно, обыкновенно...

«Я уже давно заметил,— сказано в одной из повестей Юрия Дмитриева,— мы почти никогда не обращаем внимания на то, что находится рядом с нами, и думаем, что интересное, необычное где-то там, далеко-далеко».

А между тем и жужелица, и сойка, и одуванчик удивительны. И даже простая береза удивительна! У нее, например, у единственной из всех деревьев мира, белая кора. И кора эта, отражая солнечные лучи, всегда, даже в самый жаркий день, остается прохладной!

«В нашем лесу растет чудо-дерево — береза» — именно так начинается первая глава одной из самых известных книг писателя — **«Большой книги леса».**

Это, надо сказать, не совсем обычная книга — она открывается «ключом». «Ключ» — изображения всех растений и животных вместе с их названиями и номерами страниц, на которых о них написано. В кни-

ге есть еще два героя — художник и старичок-лесовичок. Лесовичок много знает о лесе. Он рассказывает художнику и читателям истории одна другой интереснее. Есть в книге особые страницы — о природных барометрах, часах, компасах и о природном календаре. Есть страницы с предупреждением: «Осторожно — яд!» Здесь написано о растениях, которых нужно остерегаться. А есть страницы «Почему мы так говорим...». Почему, например, мы говорим «ободрать как липку», или «развесистая клюква», или «Лиса Патрикеевна»?..

Книги Юрия Дмитриева расскажут вам о том, что в окружающем мире существуют неразрывные цепи, где малозаметные и малоуважаемые жучки, паучки, лягушки являются важными звеньями. Потеря одного из них может привести к тяжелым, иногда непоправимым последствиям.

Ученые установили, например, что лесу очень нужны гусеницы. Да-да, гусеницы, объедающие листву на деревьях! Нужны потому, что выделения их — прекрасное и равномерно распределяемое удобрение. Деревья же за многовековой период своего существования приспособились к насекомым: листьев они формируют больше, чем требуется для жизни. И это специально, чтобы безболезненно платить листогрызам «дань»...

Пример с гусеницами я нашел в книге о насекомых из серии **«Соседи по планете».** А о том, какую большую роль в природе играют, скажем, лягушки, змеи, ящерицы или разные виды зверей, вы можете прочитать в двух других томах серии.

Кстати, «Соседи по планете» — настоящее украшение нашей библиотечной полки. Издание яркое, праздничное... Это своеобразная энциклопедия. Ее можно читать от начала и до конца, а можно как справочник: в каждой книге имеется алфавитный указатель всех упомянутых животных. Скоро на полке появится еще один том — о птицах; Юрий Дмитриев уже закончил работу над ним.

На полке нашей библиотеки **«Обыкновенные чудеса», «Тропинка в лесу», «Солнцеворот», «Хитрецы и невидимки», «Хоровод лепестков»...**

«Мне хочется,— говорит писатель,— помочь людям понять, какой удивительный и прекрасный мир перед нами, где каждое дерево, каждая бабочка, каждая птица — чудо...»

Понять это — значит полюбить. И деревья, и бабочек, и птиц... Значит заключить тот самый договор, в котором сказано: будем стараться помогать им жить.

А. ПЛЕШАКОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА

Хочу вырасти смелым и добрым

Эту книгу мне читала бабушка, когда я был еще совсем маленьким и сам читать не умел. Мне очень понравилось, как ловко мальчик-пастушок перехитрил нашего бывалого разведчика. Этому разведчику приказали увезти его с передовой, а мальчик сказал, что он все равно сбежит. Разведчик привязал к ноге мальчика веревку, а сам уснул. А пастушок распутал узел и привязал другого разведчика, чтобы не заметили, что он сбежал.

Конец этой книги мне бабушка не стала читать, сказала, что я еще маленький. Когда я вырос и научился читать, мне очень захотелось узнать, чем же все кончилось, но я не знал, как книга называется. Спрашивал бабушку, но она тоже не помнила. Однажды я увидел отрывок в «Родной речи» и узнал, что эта книга называется «Сын полка», написал ее писатель Валентин Катаев. Я сразу взял ее в библиотеке и будто со старым другом встретился. Прочитал ее, не отрываясь, за один день, даже уроки не успел сделать. Книга эта, оказывается, кончается очень печально, хоть мечта пастушка Вани сбылась — он стал сыном полка и его любили все солдаты, а «сердитый» капитан Енакиев решил его усыновить. Все они погибли в бою, защищая Родину. Весь полк погиб, остался только Ваня — сын полка.

Я плакал, когда дочитал эту книгу до конца, потому что я полюбил всех этих людей, они были хорошие люди и настоящие солдаты. Я думаю, что Ваня вырос таким же. И я хочу вырасти, стать смелым и добрым и защищать свою Родину, как они.

***Жора* ГОРЕЛОВСКИЙ, 5-й класс, г. Рига.**



Ведет А. ДРУЯНОВА.





Автограф чемпиона мира

Получить автограф Анатолия Карпова... Кто из вас, ребята, не мечтал об этом?! Мечта эта может стать реальностью, если вы справитесь с заданиями нашего нового конкурса, в который входят две задачи и этюд.

Для победителей установлены двадцать премий. Это шахматные книги и грамоты Пешкина. Две главные премии — новая книга чемпиона мира Анатолия Карпова с автографом.

Ждем ваших решений и желаем успеха в этом заочном состязании.

(Диаграмма № 1)

Начиная игру, белые дают мат в два хода.

(Диаграмма № 2)

А здесь мат достигается в три хода. Игру, как обычно, начинают белые.

(Диаграмма № 3)

Предлагаем вам этюд, в котором белые делают ничью. Их слон под ударом, и если он уйдет, то черные ходом 1... Лb8—e8 могут выиграть коня. Положение кажется критическим, и все же спасение у белых есть. Найдите, где оно.

Срок присылки решений — месяц после получения журнала. В письмах сообщайте, как проходят в ваших школах турниры клуба «Белая ладья».

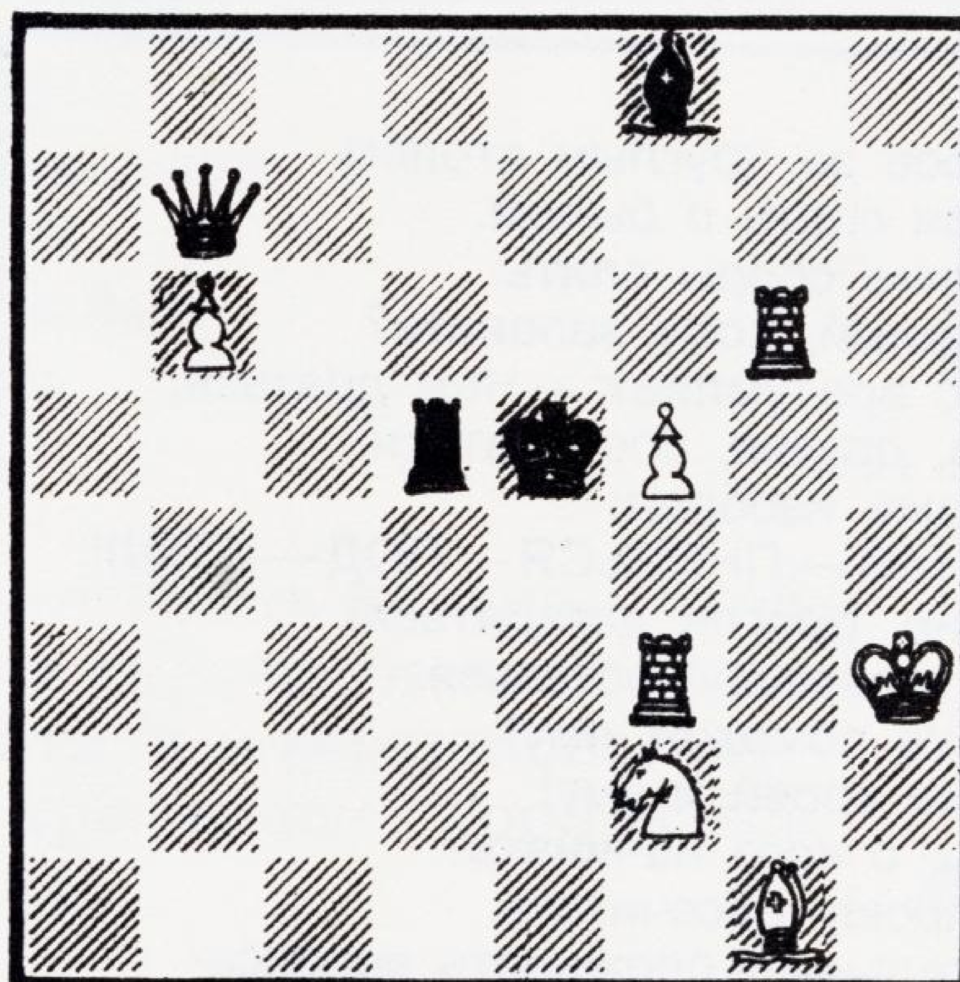


Диаграмма № 1

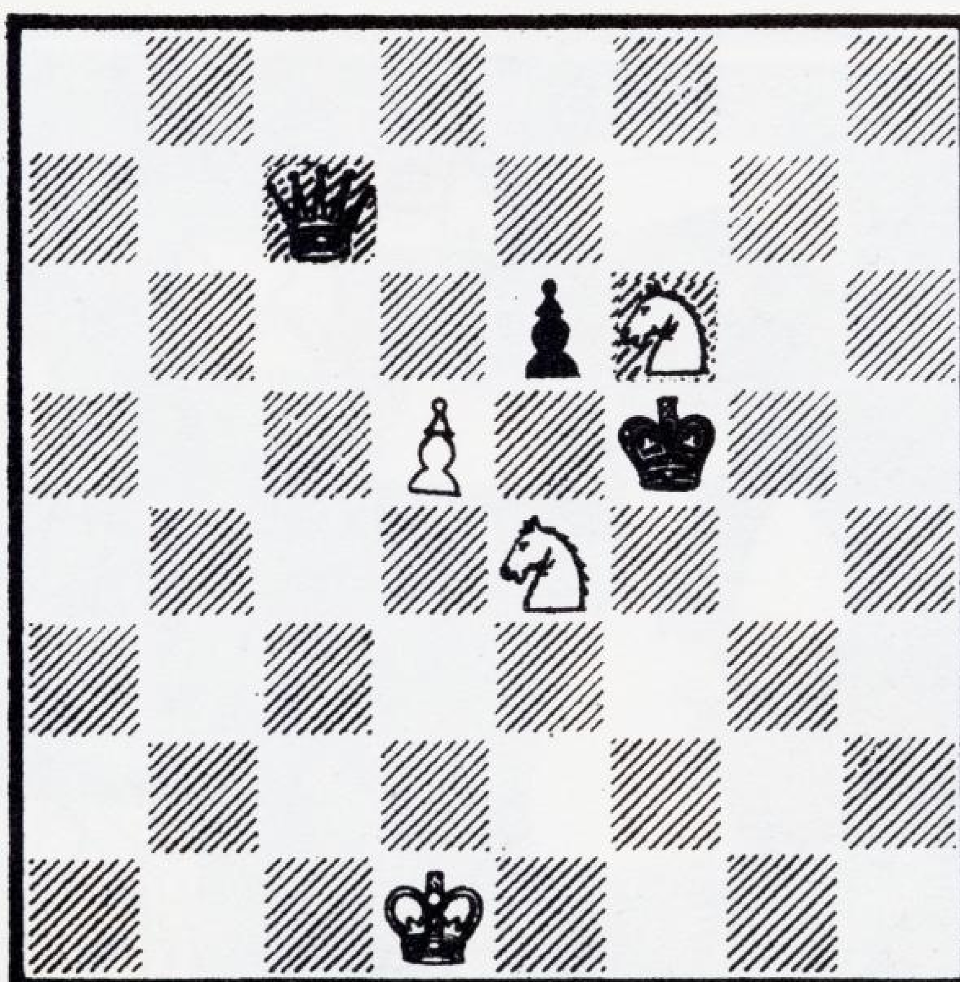


Диаграмма № 2

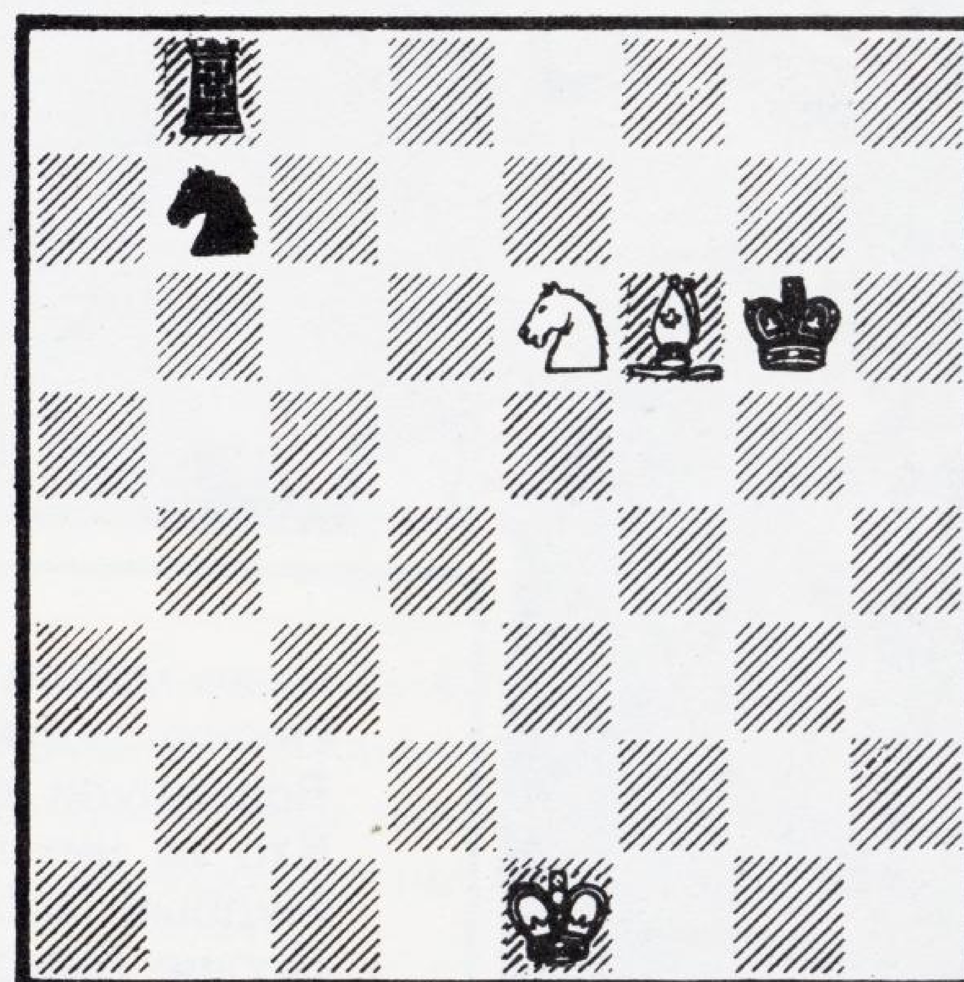


Диаграмма № 3

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.





УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

С кого начать?

Капитан Перо ищет помощника

1 2 3 4 5 6 7

Семь мушкетеров за круглым столом
Песню задумали спеть о былом.
Вспыхнули давние споры опять:
Кто из них главный, кому запевать?
Мудрый Портос вразумляет: — Чем драться,
Проще гораздо, друзья, посчитаться!
Я и считалку уже изобрел:
ЭНИКИ — БЕНИКИ — ПРЯЧЬСЯ — ПОД — СТОЛ!
Как вы, наверно, смогли догадаться,
Хочет Портос запевалой остаться.
В этом считалка поможет ему!
Вызов смекалке твоей и уму!
Надо подумать, с кого начинать?
Неторопливо прошу рассчитать.
Будьте внимательны — сложность вопроса
В том, чтоб под стол не отправить Портоса!

Почтальон на Ямайке

Игры Луны и Пинцета





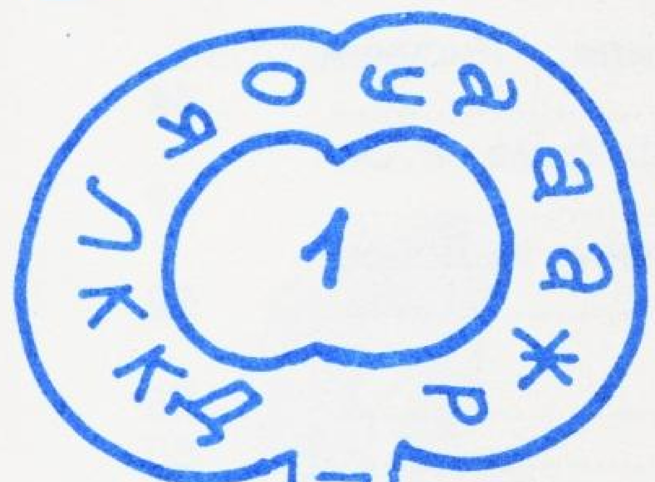
По острову Ямайка
Шагает почтальон.
Всмотрись и рассчитай-ка,
В котором месте он?

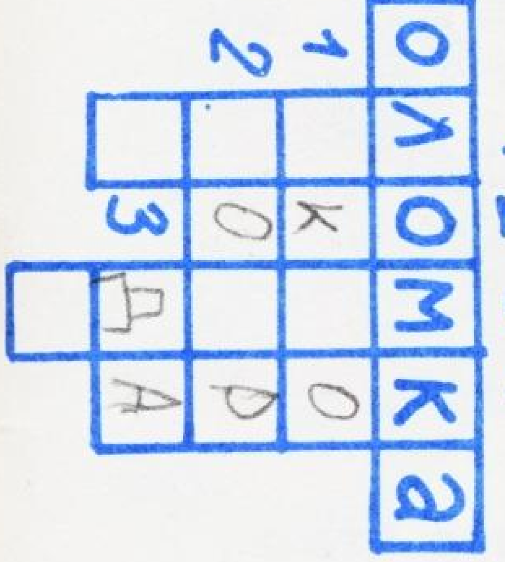
Сравни рисунок с планом,
Все данные учти,
Согласно этим данным
Нам место сообщи!

Примечание: в ответе укажите, к какой букве почтальон ближе всего.





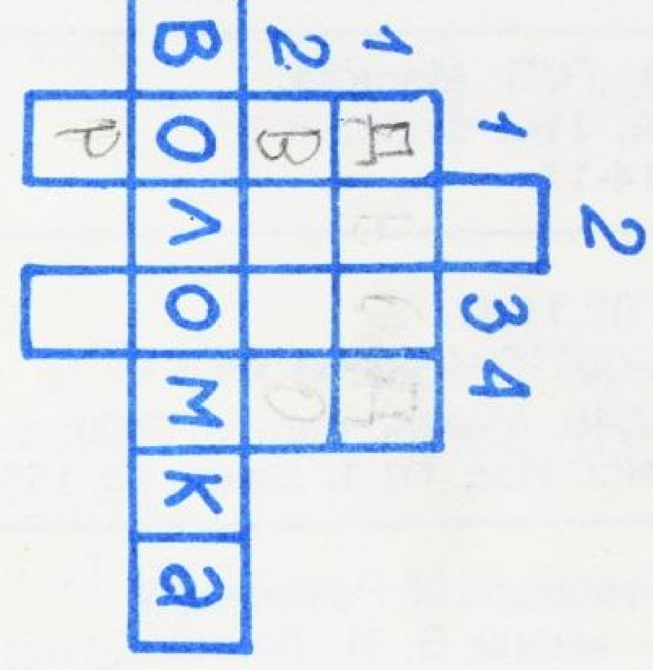




Теремок горит-пылает!
Рыжий пес с пригорка лает,
Но, по мнению козлят,
Надо срочно бить в набат!
Вот ключи от каланчи,
Их бородки изучи!

Примечание: чтобы отпереть каланчу, необходимо буквы с колец перенести на бородки так, чтобы по горизонтали и вертикали получились слова, как в кроссворде. Торопитесь, не теряйте ни секунды!







СЛО-ГО-ВИ-ЦЫ

Игры деда Буквоеда

Перед вами слоговица:
РАЗ-ДВА-ТРИ-ЧЕТЫРЕ-ПЯТЬ.
Потрудитесь ухитриться
Слоговицу разгадать!

В слоговицах каждая цифра обозначает какой-нибудь слог, который может встречаться в разных словах. Значения слов — в строчках стихов-загадок. Пример перестановки слогов: 1—2 СОС-НА, 2—1 НА-СОС. Не обязательно угадывать сразу первое слово, можно начать с любой отгадки. Запомните правила, чтобы я мог не повторять их в другой раз.

1—2—3—зимой дороги расчищает,
3—4—во влажной почве прорастает,
2—5—4—игра для взрослых и детей,
5—4—4—7—один из грозных кораблей.

1—2—3—есть сумка, но не ходит в класс,
2—4—на видном месте две у вас,
4—1—огромный красный поплавок,
2—4—5—скользит, и стружка из-под ног.

1—2—3—висит на елке в Новый год,
4—1—зимой рябининку клюет,
5—2—6—в лесу тенистом — остров света,
5—7—3—прогноз печатает газета.

Для разминки и для встряски
На картинке есть подсказки.



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

Игры Деда Буквоеда:

«Вигвам». Веселый певец-осел.

Капитан Перо ищет помощника:

$$\begin{array}{r} 1782 \\ \times\ \ \ 2 \\ \hline 3564 \end{array}$$

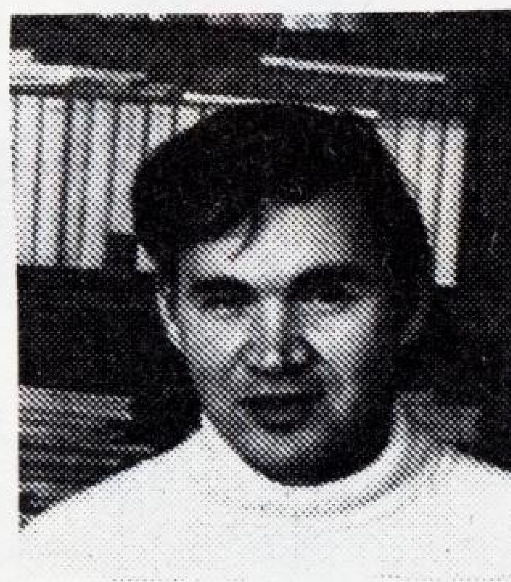
Награды «Пионера»



Дипломом имени А. П. Гайдара награжден замечательный советский детский писатель, лауреат Государственной премии СССР **Владимир Карпович ЖЕЛЕЗНИКОВ** за повесть «Всего-то несколько дней...». Вот уже почти двадцать лет Владимир Карпович дружит с нашим журналом. Его повести ребята читают с огромным удовольствием, а повесть «Всего-то несколько дней...», в которой рассказано о сегодняшней жизни ребят, заставляет каждого задуматься о своем отношении к друзьям по классу, к взрослым, найти правильную дорогу.



Дипломом имени Л. А. Кассиля отмечены рассказы-были про то, какие пятилетки были, «Звездочки на карте» писателя **Владимира Лукьяновича РАЗУМНЕВИЧА.** Все вы читали его повести и рассказы о юных чапаятах, о Стасике — веселом человеке. На этот раз Владимир Разумневич совершил путешествие по легендарным пятилеткам, ярко рассказал о людях, чьим трудом воздвигнуто все прекрасное на нашей земле.



С художником **Евгением МЕДВЕДЕВЫМ** давно знакомы читатели «Пионера» и те ребята, которые любят книги писателя Владислава Крапивина, лауреата премии Ленинского комсомола. Больше десяти лет дружит художник с писателем и образно оформляет все его повести. В 1981 году Медведев оформил повесть В. Крапивина «Шлем витязя». Он награждается **дипломом имени Н. Н. Жукова** за эту работу, а также за оформление всех повестей В. Крапивина, которые печатались в журнале.

Сердечно поздравляем новых лауреатов журнала «Пионер» за 1981 год!

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.11.81.
Подписано к печати 16.11.81. А 05215. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1720000 экз. Изд. № 1. Заказ № 1550.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

«Переменка» искренне благодарит всех взрослых — учителей, пионервожатых, родителей,— которые прислали в журнал «изречения» своих питомцев. Вот некоторые из них:

«Помещик стал диким и начал ходить на четырех руках».

«Капитанша рассказала о Пете Швабрине, которого отправили сюда за самоубийство».

«Онегину пришло извещение, что заболел его дядя».

«Однажды на балу Онегин подлизОвался к Ольге, и Ленский не выдержал, как его друг цЫпляется к его девушке, и вызвал Онегина на дуэль».

«В плену князю Игорю предлагали самых красивых девушек, чтобы он был их полководцем».

«На месте елочки не было: торчал корешок и следы».

«Я долго шел, но не пришел...»

Собрала А. Н. РАСТОРГУЕВА, учительница из хутора Казачьего, Ростовская область.

«Печорин отвернул голову на бок и пошел домой».

«Грушницкий тщательно целил в лоб, пуля оцарапала колено».

Прислала В. ФЕДОРОВА из Иркутской области.

Анатолий Викторович Савчук прислал в «Переменку» юмористическую зарисовку:

Встретил я на улице своего знакомого Борьку, ученика музыкальной школы. Под мышкой Борька нес кипу пластинок в ярких обложках.

— А ну, покажи, что за пластинки,— поинтересовался я.

Беру первую — хор мальчиков. Смотрю вторую — точно такая же.

— Да они все одинаковые,— говорит Борька.



«Природа, услыхав, что потепление, стала распускаться».

Собрал К. К. ЛЕСЯ, учитель из села Солгутово, Кировоградская область.

«Человеку всегда не будет хватать звона воды в лесном ручье, шелеста листьев на голове».

«Русские вполголоса, но дружно улыбнулись».

«Книги у меня лежат справа, а свет слева».

— А зачем ты целую охапку одинаковых накупил?

— Потому что на этой пластинке я записан! Раздам своим знакомым, пусть слушают. Могу и тебе одну подарить!

Пришел я домой и сразу же пластинку поставил, так мне любопытно. Зазвучала песня. Только мешал шум в зале: запись на пластинку была сделана по трансляции. Но все равно мне и первая, и все остальные песни понравились.

Прослушал я пластинку и позвонил Борьке: «Молодец! Хорошо ты и твои товарищи пели!» «А я не пел»,— отвечает Борька. «Как не пел? Ты же сам говорил, что на пластинке записан!» «Записан. Слыхал — кто-то в зале все время кашлял? Так это я!»

Владимир ПРИХОДЬКО

Подарки для всех

Едут
Зеленые гостьи из бора.
Едут...
Ведут меж собой разговоры:
— В школы,
В квартирки уютные едем:
Взрослым на радость,
Для праздника — детям.
В танце
Мы станем кружиться с ребятами...
Едут
И ветками машут мохнатыми.
Следом шагает —
Кошель за спиной —
Добрый старик
С бородой ледяной.
Детям приносит
Он то, что попросят.
Общий
Он тоже подарок приносит.
Дети,
Ответьте,
Что нам он дает?
— Новый...
(Как много догадливых!)
...год!
Щедрый подарок, ребята,
С секретом.
Хочется мне,
Чтоб вы знали об этом:
Дань отдавая
Сверкающим елкам,
Жить,
Даже маленьким,
Надобно с толком.
Зря
Хоть один проживете из дней,
Год ваш
Окажется на день бедней.
Кто не томится
Во время учебы,
Кто от труда не стремится
В чащобы,
Дни отведенные
Не разбазарит,
Тем
Новый год еще столько надарит
Новых товарищей,
Верных и славных,
Смеха и шуток,
Минуток забавных,
Новых походов,
Новых костров,
Новых,
Еще неизвестных миров!
...Кто там в сторонке нахмурился
Букой?
Праздник не любит угрюмых...
А ну-ка —
В круг,
Где встречает ребячий народ
Новый,
Такой удивительный
Год!



Цена 30 коп. Индекс 70694. ISSN 0130—8009